

**С. В. Волков
Ю. В. Емельянов**

ДО и ПОСЛЕ секретных протоколов

Москва
Военное издательство
1990

ББК 63.3
В67

Редактор О. А. Бобраков

Волков С. В., Емельянов Ю. В.
В67 До и после секретных протоколов. — М.: Во-
ениздат, 1990. — 222 с.
ISBN 5-203-01146-X.

Книга посвящена драматическим событиям в судьбах народов Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии периода 1939—1940 годов. Дается очерк истории этих земель со времен Киевской Руси до Октябрьской революции в России. Излагается история международных отношений в Восточной Европе и внешней политики СССР в 20—30-е годы и особенно заключение советско-германских соглашений 1939 года. Оцениваются причины и цели развернутой рядом западных кампаний вокруг договоров 1939 года.

Книга рассчитана на массового читателя.

В 0503020000-133 — Без объявл.
068(02)—90

ББК 63.3

© С. В. Волков, Ю. В. Емельянов, 1990
ISBN 5-203-01146-X

О ПРАВДЕ ФАКТОВ И ЛЖИ КОНЦЕПЦИЙ

[Вместо предисловия]

23 августа 1939 года в Московском Кремле состоялась церемония подписания двустороннего международного соглашения. Участниками соглашения были Германия и Советский Союз. Подписи под заключенным тогда договором о ненападении поставили за правительство Германии — рейхсминистр иностранных дел Иохим фон Риббентроп, а за СССР — Председатель Совета Народных Комиссаров и нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов.

И хотя этот договор, как и все другие соглашения между СССР и Германией, заключенные до 22 июня 1941 года, прекратил свое существование в связи с вероломным нападением германских войск на советскую территорию, он стал предметом многочисленных и острых споров через полвека после его подписания.

В последние годы в ходе многочисленных выступлений в печати и по телевидению, на митингах и с трибуны Съездов народных депутатов СССР выдвигались требования о признании советско-германского договора о ненападении незаконным с самого начала.

Выступления в пользу признания этого договора незаконным привели к созданию первым Съездом народных депутатов СССР Комиссии по политической и правовой оценке этого международно-правового документа. Еще бы! Требования признать договор 1939 года незаконным порой приобретали характер жесткого психологического давления на депутатов. Так, в своем выступлении председатель правления Союза писателей Латвийской ССР депутат Я. Я. Петерс говорил: «Без обещания, что высшие законодатели СССР поручат правительству принять все необходимые меры по депонированию незаконного международного правового документа 1939 года, наши делегации возвращаться в Ригу, Вильнюс и Таллинн просто не имеют права». Отказ от объявления договора 1939 года незаконным

Н. Я. Петерс сравнил с желанием человека «выстрелить в свою родную мать и убить ее, ибо он ее не уважает». «Весь мир сегодня смотрит, — утверждал Я. Я. Петерс, — не выстрелит ли латыш в свою мать Латвию, не выстрелит ли литовец в свою мать Литву и эстонец — в свою мать Эстонию, отказываясь в условиях давления от своей подлинной истории». Удивительно, почему депутаты, оказавшись перед возможностью быть объявленными соучастниками столь страшных преступлений, которые могут совершиться в Литве, Латвии и Эстонии, тут же не проголосовали за признание договора 1939 года незаконным с самого начала?

Использование эмоциональных приемов для давления на общественное сознание с целью добиться принятия правовых решений, имеющих далеко идущие последствия для всей страны, характерно для многочисленных обращений к событиям 1939 года в газетах и журналах, телепередачах и массовых публичных мероприятиях. Однобокое и контрастное описание событий 1939 года, утверждения о том, что избавление многомиллионного края от всех бед придет, как только договор будет признан незаконным, создают впечатление, что речь идет не о фактах истории в конкретной географической среде, а о мифе про порабощенных с помощью колдовского «пакта» жителей некогда счастливой земли, расположенной вне пространства и времени.

Как и в далеком прошлом, новые мифы часто имеют под собой фактическую основу из реальных событий, но произвольно отобранных и подвергшихся переработке в соответствии с законами жанра. Первым условием создания мифа является выбор тех фактов из прошлого, которые соответствуют традиционному сказочному повествованию о борьбе Добра и Зла. Вольность в подборе исторических фактов сопровождала многие упражнения на тему о предвоенных событиях и в прошлом.

Примером такого произвольного отбора исторических фактов была брошюра «Фальсификаторы истории (историческая справка)», опубликованная в 1948 году. «Справка» упоминала о многих реальных событиях того времени. Здесь говорилось и о роли западных монополий в провоцировании германской экспансии на Восток, и об антисоветской направленности политики «умиротворения» Гитлера, и об усилиях СССР по со-

зданию системы коллективной безопасности. В то же время в «справке» нельзя было найти ни единого упоминания о секретном советско-германском соглашении 1922 года, позволившем Германии сделать существенный рывок вперед в подготовке вооруженных сил страны в обход Версальского договора. Авторы «справки» даже не допускали возможности каких-либо договоренностей между СССР и Германией 1939 года, которые касались судеб других народов. Действия СССР выглядели безупречными, и казалось, что речь идет о советском рыцаре, который был готов броситься в бой в защиту демократии и свободы в любой конец Европы.

Осуждение мифотворчества сталинских лет не привело автоматически к рождению исторических версий, отличающихся взвешенностью и достоверностью. Напротив, публикация материалов, посвященных только тем страницам истории, которые старательно замазывались или выдирались в 1948 году, закладывает основу для новых мифов. В брошюре «СССР — Германия. 1939», опубликованной в Вильнюсе в 1989 году, собраны многочисленные выдержки из газетных сообщений, а также другие материалы, посвященные отношениям СССР и Германии в период с апреля по сентябрь 1939 года. Лишь несколько строк предисловия к сборнику доктора исторических наук В. Кашаускене и кандидата исторических наук А. Эйдintasа напоминают об агрессивных планах гитлеровской Германии и попустительстве Запада этим планам. Здесь упомянуто лишь о том, что действия гитлеровской Германии «поощрялись «мюнхенской» политикой Англии и Франции. На произвол судьбы были оставлены Испанская Республика в 1938 году, Чехословакия и принадлежавший Литве Клайпедский край в марте 1939 года». Ни слова не сказано о том, что действия стран Запада в этот период включали саботаж упорных попыток СССР создать систему коллективного отпора гитлеровской агрессии, поощрение агрессивных планов Гитлера в отношении СССР, тайные переговоры с Германией о разделе сфер влияния в Европе и во всем мире.

В предисловии не сказано о последовательно антисоветской и близорукой политике правительства Польши. Здесь нельзя ничего узнать ни об активном участии западных соседей СССР в осуществлении антисоветской политики «санитарного кордона», ни об их со-

трудничестве с гитлеровской Германией в разработке планов экспансии против Советского Союза. Вряд ли из текста предисловия можно понять, что авторитарные антидемократические режимы, существовавшие в Прибалтике и Польше, осуществляли политику классового гнета и национальной дискриминации, а некоторые правящие партии этих стран имели идейную и организационную близость с фашизмом.

Немного узнает читатель и о политике третьего рейха. Если не считать косвенного упоминания о судьбе Чехословакии и Испании, агрессивные действия Германии сведены к захвату Клайпеды и планам «колонизации Прибалтики». Отбрасывание этих данных и таких важных исторических факторов, как традиционные связи Эстонии, Латвии, Литвы с Россией, безразличность народов этих стран перед лицом германской агрессии, разграбление хозяйства и уничтожение населения этих стран во время германской оккупации, освобождение Советской Армией Прибалтики и Польши от фашистского гнета, — абсолютно необходимых для понимания исторической обстановки, в которой совершались события 1939—40 гг., сужает базу для формирования реалистического образа прошлого.

Односторонняя подача материала часто объясняется тем, что общественность не знает всех обстоятельств предвоенной истории международных отношений, и прежде всего тех, которые упорно обходили своим вниманием советские историки до последнего времени. Но даже для школьников первых послевоенных лет фамилии Далада, Чемберлена, Ульманиса, Сметовы казались не более близкими и знакомыми, чем имена придворных короля Артура. Вряд ли значительная часть молодежи конца 80-х годов проявит глубокую осведомленность в отношении содержания документов, подписанных в Локарно, Рапалло и Мюнхене.

На деле односторонний подбор фактов служит созданию односторонних, упрощенных выводов, лишенных даже претензий на объективность. Эти цели не скрывает составитель сборника Юрий Фельштинский, который объявляет, что собранные им материалы, «с одной стороны, иллюстрируют открыто профашистскую политику, которую вело в тот период советское правительство, а с другой — раскрывают принципы работы советской пропагандистской машины и советской тайной дипломатии, успешно действующих и сегодня».

Примером подобного же подхода можно считать «проект оценки советско-германского договора для Комиссии Верховного Совета», подготовленный группой латвийских историков и опубликованный 10 июля 1989 года в газете «Атмода», органе Народного фронта Латвии. Если многие западные исследователи предвоенной истории, не скрывавшие своей неприязни к договору 1939 года, все же непременно упоминали о тех многочисленных действиях Англии, Франции, Польши, а также Прибалтийских стран, которые помогли развязыванию германской агрессии, то в письме латвийских историков поведение этих стран находится фактически вне критики и даже является объектом восхвалений. Лишь несколькими словами о «Мюнхенскомговоре в сентябре 1938 г.» (однако, без упоминания участников этогоговора) ограничен перечень действий Англии и Франции, поощрявших экспансию Германии на Восток. В проекте нет никаких фактов истории, которые бросили бы тень на «безупречное» поведение Польши, Прибалтийских стран в 1938—1939 гг.

Если не считать нескольких фраз, осуждающих внешнюю политику Германии, практически вся вина за развязывание мировой войны возложена на Советский Союз. В письме историков утверждается следующее:

1. Советский Союз уже в 1937 году «вступил в секретные переговоры с Гитлером» и постоянно стремился «улучшить отношения с рейхом». Установив же политические контакты с Англией, СССР преследовал цель «торпедировать переговоры, создать на них искусственные трудности». «Переговоры с Англией и Францией явились всего лишь игрой и инсценировкой для прикрытия серьезного поискаговора с Гитлером». «Причиной срыва переговоров была не позиция Балтийских стран и Польши, а курс СССР».

2. Отказ Латвии принять гарантии своей независимости со стороны СССР, Англии и Франции был связан по оценке историков:

а) с опасениями, что эти гарантии приведут к оккупации Латвии Советским Союзом; б) нежеланием примкнуть «к одному блоку, тем самым провозглашая себя врагом Германии»; в) со стремлением, чтобы нейтралитет Латвии был гарантирован не только тремя державами, но и Германией.

3. «Советское правительство не могло не знать, что

никаких реальных возможностей прихода к власти в Балтийских странах прогерманских сил нет... Никаких серьезных, подтвержденных источниками сведений о реальном процессе военно-политического сближения Эстонии с Германией на антисоветской основе нет, да и у Германии летом 1939 г. таких целей не было».

4. «Убедившись, что сговор с Германией дает СССР возможность приобрести огромные сферы влияния и проведения там политики «развязанных рук», руководство СССР сорвало переговоры военных миссий. Подписание советско-германского договора не может быть оправдано ссылками на возможности англо-германского соглашения, единого т. н. антисоветского фронта».

5. «Советско-германский договор о ненападении изменил соотношение сил в Европе в пользу фашистской Германии и позволил ей развязать мировую войну. Без нейтрализации СССР Германия вряд ли начала бы войну... Советско-германский договор являлся военным пактом».

6. «Договором был произведен империалистический раздел сфер влияния — это был пакт раздела. Балтийские страны, оказавшиеся в сфере интересов СССР, были обречены на потерю национальной независимости, своего важнейшего исторического завоевания.

В советско-германском договоре уже было запрограммировано уничтожение суверенитета Эстонии, Латвии, Литвы и их включение в состав СССР, что и произошло летом 1940 г.»

7. «Советско-германский договор создал предпосылки для ликвидации независимого Польского государства... 17 сентября 1939 г. в самое тяжелое для Польши время СССР совершил по отношению к ней акт агрессии. Вопрос о том, находилось ли польское правительство в этот момент на территории Польши или уже покинуло ее, не имеет никакого существенного значения для определения советской линии по отношению к Польше как агрессии.

Советский Союз выступил инициатором полной ликвидации независимой Польши... Это было юридически зафиксировано в советско-германском договоре о дружбе и границах 28 сентября 1939 г.»

8. «5 октября 1939 г. Латвии был навязан договор о взаимопомощи с СССР... Латвия оказалась фактически советским протектором (видимо, авторы хотели сказать «протекторатом». — Ю. Е.)... 17 июня (1940 г.)

СССР совершил по отношению к Латвии акт неспровоцированной агрессии, в результате которой страна была оккупирована... 14—15 июля в условиях растущего политического террора под диктовку сталинского руководства и Коминтерна состоялись антидемократические «выборы» в т. н. Народный сейм... который не имел законного основания провозглашать в Латвии Советскую власть и принимать решение о вступлении в СССР».

9. «Договор от 23 августа 1939 г. является тягчайшим преступлением против человечности... Совместные действия СССР и Германии являлись чудовищным преступлением по отношению к народам Польши.

Современное советское политическое руководство должно самым решительным образом осудить действия СССР по отношению к Польше в сентябре 1939 г. и принести польскому народу публичные извинения».

Эти аргументы, изложенные в письме, подписанном кандидатами исторических наук И. Горе, И. Фелдманом, А. Страгой, М. Вирсом, во многом совпадают с доводами в пользу признания договора 1939 года незаконным в выступлениях представителей Народных фронтов Латвии и Эстонии, литовского движения «Саюдис» и польской «Солидарности» и их союзников, находящихся как в странах Запада, так и на территории СССР.

Подбор материалов, свидетельствующих лишь об одной цепочке событий, односторонние и категоричные выводы из них помогают формировать упрощенное представление об исторических процессах, которое закрепляется эмоциональными средствами. Этому помогают и пламенные выступления работников пера, и такие яркие уличные собрания, что кажется, будто к их постановке приложили руку профессиональные режиссеры. Нет сомнения в том, что когда население трех республик выстраивается в цепочку, взявшись за руки, под плакатами, проклинающими договор 23 августа 1939 г. и «советских оккупантов», подчеркивающим тождество двух держав — гитлеровской Германии и СССР, требующими вернуть историю к состоянию, прерванному 50 лет назад договором Молотова — Риббентропа, — у подавляющего большинства участников этого мероприятия, особенно у молодых, отрывочные и туманные представления о реальной обстановке 50-летней давности еще более поблекнут и будут вытеснены

упрощенными мифологизированными версиями о прошлом.

Широкое распространение версий, искажающих правдивый ход событий 1939 г., требует всестороннего рассмотрения всех обстоятельств, которые привели к подписанию советско-германского договора о ненападении и других соглашений и договоренностей тех лет, и событий, последовавших после их заключения. На основе разбора различных обстоятельств, влиявших на формирование советской внешней политики тех лет, следует определить — что было юридически, политически и морально обоснованным в действиях СССР на международной арене, а какие акции нашей страны нарушали право, этические нормы и являлись политически ошибочными. Это позволит оценить, что является справедливым, а что — лживым в утверждениях ряда историков Латвии и Литвы и их единомышленников.

Впрочем, следует заметить, что целью политико-публицистической кампании вокруг событий 1939 года менее всего является установление объективной истины. Кампания обусловлена исключительно политическими причинами, за которыми стоят интересы определенных сил, причем не только в Прибалтике. Кроме того, в публикациях на эту тему находят отражение и самые общие политические симпатии, не связанные непосредственно с достижением конкретных целей. В частности, нельзя не заметить, что подход к истории предвоенных лет, наиболее полно выраженный в статье М. И. Семиряги «23 августа 1939 г.», в которой Советский Союз упрекается в предательстве по отношению к «западным демократиям», в эгоистическом стремлении добиться безопасности только для себя, отражает проявившиеся в последние годы восхищение и преклонение перед соответствующими режимами, из чего проистекает и столь трогательная забота об их судьбе и в историческом плане.

Но основная масса акций и публикаций носит все-таки «прикладной» характер. Упомянувшееся уже мероприятие 23 августа 1989 г., проведенное в Прибалтике, широко освещалось в печати. «О ходе формирования отрядов дружинников Народного фронта и их функциях сообщалось в бюллетене НФЛ неделю назад... И вот пришел день, когда потребовалась помощь только что созданных отрядов... Тысячи жителей Латвии

откликнулись на призыв Народного фронта: «23 августа в 19.00 мы подтвердим в собственных глазах и глазах всего мира твердую решимость бороться за достойную человека жизнь, взявшись за руки и выстроив на территории Эстонии, Латвии и Литвы живую цепь». Участники акции подняли национальные флаги с черными лентами. После 19 часов было передано по радио выступление председателя Народного фронта Латвии, народного депутата СССР Дайниса Иванса: «Первый раз за все время существования народов Латвии, Литвы и Эстонии под небом Балтики мы поистине стали на единый «балтийский путь» — за свободу и независимость!... «Добиться на предстоящих выборах большинства демократических сил, которые сумеют принять решение о незаконности выборов в так называемый народный сейм 14 и 15 июля 1940 года, а также признают утратившим силу Декрет от 21 июля того же года об образовании Латвийской ССР и вступлении в Союз ССР, что делает незаконным само существование Латвийской ССР» — такое требование было выдвинуто на митинге». «В 19 часов республиканское радио назвало то слово, которое побежало по цепочке, передаваемое от человека к человеку, — «свобода». В цепочке стояли и руководители партии и правительства республики. В 19.30 к собравшимся у башни Длинный Герман в Таллине обратился Председатель Президиума Верховного Совета ЭССР А. Рюйтель». Такие вот сообщения поступали из Прибалтийских республик. Смысл и цели происходящего не могли после этого вызывать никаких сомнений и, кажется, оказали способны убедить даже тех, кто до самого последнего времени строил себе иллюзии на этот счет. Обстановка стала предельно ясной, и вскоре последовало известное Заявление ЦК КПСС.

Из Заявления ЦК КПСС о положении
в республиках Советской Прибалтики

22 августа в Вильнюсе опубликовано заключение комиссии Верховного Совета Литовской ССР по изучению германо-советских договоров и их последствий. Эти договоры объявляются незаконными и недействительными, а заодно названы незаконными, не имеющими юридической силы Декларация народного сейма Литвы о вступлении ее в состав СССР (21 июля 1940 г.) и Закон СССР о принятии Литовской Совет-

ской Социалистической Республики в состав СССР (3 августа 1940 г.).

Это сделано, когда еще не завершила работу созданная Съездом народных депутатов СССР соответствующая комиссия, которая, кстати, образована по инициативе депутатов прибалтийских республик, и их представители в ней участвуют. Это сделано с пренебрежением к тому, что последнее слово принадлежит Съезду народных депутатов СССР, которому комиссия доложит свои выводы.

Заявление комиссии Верховного Совета Литовской ССР — не частный случай. Оно прямым образом связано с той сепаратистской линией, которую на протяжении последних месяцев с нарастающим упорством и агрессивностью ведут определенные силы в Литве, Латвии и Эстонии. Ее апофеозом стало проведение народными фронтами и примыкающими к ним организациями массовой акции 23 августа, политический смысл которой — настроить народы прибалтийских республик на отделение от Советского Союза.

Центральный Комитет КПСС считает своим долгом заявить в связи с этим следующее.

Сложившаяся в республиках Советской Прибалтики ситуация вызывает все большую тревогу. То, как поворачиваются там события, задает коренные интересы всего советского народа, всего нашего социалистического Отечества.

...На определенном этапе обстановкой демократии и открытости воспользовались здесь националистические, экстремистские группировки и постепенно начали вносить в развитие событий нездоровое начало. Присвоив себе роль истинных выразителей национальных интересов, они постепенно повели дело к обособлению прибалтийских республик от остальной страны, на разрыв давно сложившихся органических связей с другими народами. Все более открыто стали выступать с экстремистских, сепаратистских позиций. Очень скоро выявился антисоциалистический, антисоветский характер их замыслов. Кое-где появились организации, напоминающие политические формирования буржуазного периода и времен фашистской оккупации. Началось фактически создание параллельных органов власти. Вошли в практику запугивание, прямой обман и дезинформация, а то и просто моральный террор, дискредитация всех несогласных, каждого, кто остается верен интернационализму и идеям целостности Советского Союза. Часть органов массовой информации оказались источником насаждения националистической атмосферы.

Воспользовавшись свободой международных связей, националистические деятели вошли в контакт с зарубежными орга-

низациями и центрами, вовлекая по существу их во внутренние дела своих республик, сделали их своими консультантами и советчиками, будто эти люди с Запада лучше понимают, что действительно нужно для прибалтийских народов, будто они руководствуются не собственными тайными и явными помыслами в отношении нашей страны, а и в самом деле пекутся о благе советских людей.

Дело дошло до актов прямого вандализма, глумления над символами государства, над святынями, неприкосновенными для любого порядочного человека, — памятниками павшим в гражданской и Великой Отечественной войнах.

Советские люди во всех концах страны с удивлением и горечью увидели и прочитали о таких вещах, которые никак не укладываются в их представление о национальных традициях латышей, литовцев, эстонцев, и, казалось бы, глубоко оскорбительны для национального характера этих народов, известных своей честностью, рассудительностью, уважительностью к цивилизованным нормам человеческих отношений.

Деятельность деструктивных, антисоветских и по существу антинациональных сил, атмосфера национализма привели к тому, что и на уровне государственной власти республик были приняты антиконституционные акты, противоречащие федеративным принципам нашего государства, предусматривающие дискриминацию инонациональной части населения этих республик.

23 августа 1989 года организаторы событий постарались взвинтить настроения до настоящей националистической истерии. Лозунги, которые были навязаны тысячам людей, исполнены вражды к советскому строю, к русским, к КПСС, к Советской Армии.

...Деятельность националистических сил уже привела к очень серьезным потерям в экономике республик, к межнациональной и социальной напряженности. Кое-где налицо реальная угроза настоящего гражданского конфликта, массовых уличных столкновений с тяжелыми последствиями.

Дело зашло далеко. Судьба прибалтийских народов грозит серьезная опасность. Люди должны знать, к какой пропасти их толкают националистические лидеры. Если бы им удалось добиться своих целей, последствия могли бы быть для народов катастрофическими. Сама их жизнеспособность могла бы оказаться под вопросом.

Это мы должны сказать прямо, с чувством ответственности перед самими народами Прибалтики, перед всеми народами Советского Союза.

...Надо сказать, руководители этих республик не сумели сделать всего, чтобы удержать процесс в нормальном русле перестроечных перемен. Им не удалось остановить негативные тенденции, переломить ситуацию, отстоять принципиальные позиции, убедить людей в пагубности планов и практики оппозиционных сил. Правильная линия, консолидирующая общество на интернационалистской основе, на общесоюзных и общечеловеческих ценностях перестройки с максимальным учетом национальных особенностей и потребностей, натолкнулась на препятствия, которые еще не преодолены.

Нельзя также не признать, что часть партийных комитетов и работников спасовала перед трудностями, опустила руки, а некоторые начали даже подыгрывать националистическим настроениям, ослабили противодействие сепаратистским планам.

Сложившаяся обстановка требует глубокого осознания, реальной и серьезной оценки и решительных неотложных мер по очищению процесса перестройки в Прибалтике от экстремизма, от деструктивных, вредоносных тенденций.

...У всех нас много общих трудностей. Страна, ее экономика в сложном положении. И не верьте тем, кто пытается доказать, будто стоит «изгнать мигрантов», поставить в неравноправное положение русских, украинцев, белорусов, поляков, евреев и других, кто живет и трудится вместе с вами, «отделиться от СССР», как жизнь литовцев, латышей или эстонцев сразу станет зажиточной и комфортной. Это — заведомая неправда! Это — обман.

Каждая республика, каждый регион соединены тысячами хозяйственных, общественных, культурных, научно-технических и просто человеческих связей с другими, со всей страной. Что же произойдет, если одним махом эти связи порубить? Совершенно ясно: никому не будет лучше.

Центральный Комитет КПСС обращается к интеллигенции всех братских народов Прибалтики с призывом быть в эти трудные дни на высоте своего подлинного духовного предназначения, своей ответственности перед народами и страной в целом. Интеллигенция — носитель доброй воли, разума, единения, людского согласия, а не вражды и конфронтации, не унижения и оскорбления одних другими. Чужого горя не бывает — будем помнить об этом!

...Сохраним единую семью советских народов, единство рядов Коммунистической партии Советского Союза!

Однако Заявление никого и ничему не научило. На следующий же день газеты сообщали, что в Литве

«Заявление ЦК КПСС вызвало неоднозначную реакцию», в Латвии «по республиканскому телевидению выступили некоторые ответственные партийные работники, деятели Народного фронта Латвии, народные депутаты СССР и депутаты Верховного Совета Латвийской ССР, которые высказали свое неприятие Заявления ЦК КПСС», в Эстонии «разброс мнений о Заявлении ЦК КПСС широк». Было совершенно очевидно, что те силы, предупреждением которым должен был послужить этот документ, ему не вняли. Более того, само его появление послужило поводом для дальнейшего разворачивания кампании в поддержку сепаратистских сил. Уже через несколько дней некоторые газеты начали печатать подборки писем с осуждением Заявления ЦК КПСС, «Огонек» опубликовал восторженный репортаж о «Балтийском пути», а литературно-общественное движение московских писателей «Апрель» выступило со своим заявлением, в котором, в частности, говорилось: «В 1939—1940 годах судьба Латвии, Литвы, Эстонии была решена циничным, хищным сговором Сталина и Гитлера о разделе сфер влияния... И так, захват, аннексия прибалтийских республик в 1940 году — бесспорный факт. Так же, как их захват гитлеровцами в 1941 году... В Заявлении ЦК КПСС, опубликованном 27 августа 1989 года, мы находим строки ультимативного характера, намекающие на возможность прямой расправы... Не так ли «предупреждали» чехов и словаков летом 1968 года?» Все это, впрочем, не должно вызывать удивление, коль скоро еще в августе на страницах самого массового в стране издания секретарь ЦК Компартии Латвии И. Я. Кезберс, знакомя с предварительными выводами Комиссии по оценке договора 1939 года, рассуждал об «империалистических наклонностях, проявляющихся при реализации внешней политики СССР».

Весьма характерно, что именно в это время в печати стал обсуждаться в практическом плане вопрос о выходе республик из СССР. Так, например, Ю. Феофанов в «Известиях» сетовал на отсутствие юридического механизма такого выхода, «Огонек» публикует письмо о необходимости организации выезда иноязычного населения из республик, вскоре «Известия» также публикуют письмо о необходимости разработки процедуры выхода республик из состава СССР и порядка компенсации уезжающим в связи с этим инонацио-

пальным жителям. Нетрудно заметить, что все это бьет в одну цель: приучить людей к мысли о том, что развал нашего государства неизбежен и естествен, а выход какой-либо республики из СССР — вещь самая обычная. 18 октября «Известия» поместили интервью с литовским академиком Ю. Пожелой, в котором тот, касаясь событий 1939—1940 гг., между прочим заявил: «Историческая правда такова, что ни во время предвыборной кампании, ни во время самих выборов, ни при выборах правительства и провозглашения Литвы Советской Социалистической Республикой не было сказано ни одного слова о вхождении в Союз. По Конституции сейм не мог решать этот вопрос». Вопрос о выходе из СССР на этом основании, правда, не ставится, но, как говорится, не все сразу. Пусть общественное мнение сначала привыкнет к тому, что нахождение Прибалтики в составе нашей страны лишено каких-либо исторических и юридических оснований. Тем спокойнее оно воспримет следующий шаг — отделение.

То, что именно отделение является конечной целью всех разговоров вокруг 1939 года, дискриминационных мер против иноязычного населения, стремления к экономической автаркии — вряд ли может вызывать сомнения. Проблема эта, собственно, выходит за рамки Прибалтики. Дискуссия о предвоенных событиях является лишь частью общего патиска деструктивных сил, стремящихся к ликвидации нашего государства как великой державы. Поскольку дело касается политических интересов этих сил, они не изменят своей позиции в зависимости от того, будет ли установлена истина относительно предвоенной ситуации. Но какой бы оборот не приняли дела — удастся или не удастся им в ближайшем будущем добиться своих целей и заставить признать верной свою трактовку событий со всеми вытекающими отсюда последствиями — истина останется истиной. И, думается, широким кругам читателей все равно будет полезно знать ее. Знать конкретную историю. Одновременно следует оценить возможные последствия признания советско-германского договора о ненападении 1939 года незаконным с самого начала.

Требование о признании незаконности советско-германского договора о ненападении 1939 года не только свидетельствует об игнорировании прецедентов международного права на этот счет, но и сопровождается

ется произвольно расширительным толкованием последствий этого договора. Практически все политические, государственные и территориальные изменения, которые произошли к западу от советской границы на 16 сентября 1939 года, объявляются незаконными. Под сомнение ставится законность и других, более поздних международных соглашений или внутренних правовых документов, определивших статус этих земель и современные советские границы.

В этой связи следует учесть, что признание советско-германского договора 1939 г. о ненападении противоправным может иметь целый ряд крупных юридических и политических последствий для нашей страны.

Такой пересмотр ставит под вопрос законный характер существующих границ СССР. Если рассматривать изменения в советской западной государственной границе после 23 августа 1939 г. как следствие незаконного договора, то результатом отказа от договора 1939 г. может стать восстановление советской западной границы на 23 августа 1939 г. Это может означать утрату советского суверенитета над тремя Прибалтийскими республиками, западными областями Украины и Белоруссии, Северной Буковиной и Молдавией, северной частью Ленинградской области (Карельский перешеек и северный берег Ладожского озера) и частью Карельской АССР.

Восстановление границ Прибалтийских республик, существовавших до подписания договора 23 августа 1939 г., означало бы передачу Вильнюса (Вильно) и Виленского района Польше. Встал бы вопрос и о статусе Клайпеды и прилегающего к ней района. Но поскольку договор 1939 г. трактуется произвольно, а логика в рассуждениях о нем подменяется алогичным потоком литературных кошмаров, то, видимо, не все последствия подобной автоматической отмены договора учитываются.

Признание договора 1939 г. незаконным с самого начала соединяется с непризнанием правовой основы пребывания советских войск на территориях, расположенных к западу от советской границы на 23 августа 1939 г. и впоследствии включенных в состав СССР.

Не дожидаясь пересмотра договора 1939 г., в речах, на многочисленных митингах в Эстонии, Латвии, Литве вступление советских войск на территорию Прибалтики рассматривается как оккупация. Одновременно

сооружаются памятники «героям сопротивления», то есть участникам формирований, совершавших вооруженные нападения на части Советской Армии и терроризировавших местное население в 1940—1941 гг. и после 1944 г.

Так, например, в Пайдесском районе (Эстония) была воздвигнута памятная доска с надписью: «Членам разведывательно-диверсионной группы «Эрна» и примкнувшим к ним «лесным братьям», уничтоженным частями Красной Армии летом 1941 года». Или в Варняй (Литва) был открыт памятник так называемым «лесным братьям». Надпись на памятнике гласит: «Павшим за свободу и независимость Литвы в 1944—1954 гг.». Наконец, в Пуутли (Эстония) был открыт памятник на месте боя подразделений НКВД о «лесными братьями».

Признание договора противоправным значительно изменит отношение к «лесным братьям», которые до сих пор рассматривались как фашисты или соучастники фашистов. Отныне они будут объявлены борцами за право и справедливость. Вероятно, в предыдущей трактовке «лесных братьев» было определенное упрощение. Мотивы, по которым вступали в борьбу против Советской власти многие местные жители, далеко не всегда были связаны с их поддержкой фашистской идеологии или гитлеровской Германии. Однако вряд ли было бы справедливо не вспоминать ни о связях этих вооруженных формирований с третьим рейхом, ни о влечениях, совершенных ими.

Признание договора 1939 года (в его произвольной трактовке) незаконным открывает возможность пересмотра законности всех институтов Советской власти в Прибалтике (как и на других территориях, расположенных к западу от границы, существовавшей на 23 августа 1939 года) и реставрации всех правовых, государственных институтов, существовавших на этих землях.

Одновременно это позволяет поставить под сомнение законность пребывания на землях Прибалтики и других западных территориях миллионов советских граждан, переселившихся туда после 1939 года. Следует иметь в виду, что требования выселения «неместного населения», создания дискриминационных условий для его жизни, отраженные в выступлениях националистических элементов, и повлияли на ряд законода-

тельных актов, принятых в последнее время в Эстонии и Литве. Надо учесть, что в современном мире предложения о выселении «неместного населения» характерны для программных требований ультраправых партий в Европе и напоминают о существовании бантустанов в ЮАР, индейских резерваций в США. Объявление пребывания «неместного населения» в Прибалтике последствием незаконного договора позволяет придать более благообразную морально-политическую окраску этим дискриминационным мерам.

Правда, для полной последовательности при восстановлении межнациональной структуры, существовавшей до 23 августа 1939 года, найдутся охотники вернуть в Прибалтику сотни тысяч немецких граждан или их потомков, покинувших три республики в 1939—1940 гг. или же после 1944 года, и позаботиться о возвращении собственности этих лиц и их материальной компенсации.

Признание договора 1939 года незаконным на том основании, что Советский Союз проявлял озабоченность в связи с положением на его западных границах, стремился обеспечить интересы своей безопасности путем получения надежных военно-политических гарантий у соседних стран, суть не что иное, как политический и правовой произвол. Это то же самое, что поставить под сомнение, например, Хельсинкское соглашение 1975 г. из-за стоящих под ним подписей США и Канады, которые рассматривают Европейский континент как сферу и своих интересов.

Прямым последствием признания незаконности договора 1939 года будет принципиальное изменение политической оценки Великой Отечественной войны. Если договор 1939 года будет признан незаконным, если Советский Союз будет объявлен соучастником противоправной сделки с фашистским агрессором, то вероломное нарушение Германией договора 1939 года не будет отныне считаться преступлением, Советский Союз лишится морально-правовой основы для оправдания своих действий по отпору агрессору, а освободительная война советского народа превращается в часть вооруженной борьбы двух бывших соучастников, а затем соперников по международному разбою. Стремление поставить СССР на одну доску с фашистским агрессором получает пыле поддержку и в выступлениях ряда средств массовой информации. Судя по этим вы-

ступлениям, Советскому Союзу надо не только извиниться за спасение целых стран и народов от гитлеровского ига ценой лишений и человеческих жертв, но и долго искупать морально и материально свою вину «за содеянное». Трудно даже представить все политические, моральные последствия внедрения в массовое сознание этих представлений о роли СССР в Великой Отечественной войне для духовного состояния нашего общества.

Поддерживая закономерные требования об укреплении экономической и политической самостоятельности на уровне союзных и автономных республик, регионов и областей страны, нельзя допустить, чтобы борьба за преодоление административных методов в руководстве страной и последствий беззаконий привела к ослаблению международной позиции СССР, ее внутриполитического единства. Нельзя допустить, чтобы целями демократизации общества и восстановления справедливости прикрывались вопиющее искажение исторической правды и уничтожение памяти о подвиге советского народа, спасшего мир от фашистского рабства, возмутительная клевета на нашу Родину.

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

У читателя современной публицистики, посвященной событиям предвоенных лет, может сложиться впечатление, что вся история взаимоотношений государств и народов, вовлеченных в эти события, сводится к двум десятилетиям, предшествовавшим началу второй мировой войны, что именно в эти десятилетия существовало некое идеальное и естественное положение, которое затем было нарушено. Между тем эта история имеет более чем тысячелетнюю протяженность, и выхватывать из нее какие-либо (тем более такие краткие) периоды, пытаясь именно их выдать за «нормативные», по меньшей мере, несерьезно. Обстоятельства воссоединения в составе Советского Союза территорий Прибалтики, Западной Белоруссии и Западной Украины, Бессарабии невозможно освещать и понять без учета многовековой истории русско-польских, русско-немецких и русско-турецких отношений.

Территории Западной Белоруссии, Западной Украины и Бессарабии изначально входили в состав Киевской Руси, пределы которой, кстати сказать, простирались значительно западнее того рубежа, где ныне проходит советско-польская граница. Довольно тесные контакты существовали и с прибалтийскими племенами (достаточно сказать, что эсты принимали участие в знаменитом походе киевского князя Олега на Константинополь, а нынешний город Тарту был основан Ярославом Мудрым и назывался Юрьев). Позднее, в XII—XIII вв., на этих землях располагались русские княжества: Полоцкое, Турово-Пинское, Владимиро-Волынское и Галицкое (два последних в 1199 г. объединились в Галицко-Волынское княжество).

Прибалтийские племена, не имевшие своей государственности, с конца XII в. стали объектом экспансии немецких завоевателей. В 1202 г. в Ливонии был основан немецкий рыцарский орден Меченосцев, в те-

чение четверти века осуществивший завоевание этой страны. В борьбе с немцами активное участие принимали полоцкие князья, владевшие обоими берегами Западной Двины, которым до прихода немцев платили небольшую дань латышские племена ливов и леттов. Северная часть Эстонии, населенная чудскими племенами, находившимися ранее в зависимости от Пскова и Новгорода, еще в 1080 г. была завоевана датчанами. В 1224 г. немцами был взят штурмом город Юрьев — последний русский оплот в Прибалтике, гарнизон его, состоявший из эстов и русских во главе с одним из полоцких князей — Вячко, целиком погиб. Несмотря на это, борьба с немецкими завоевателями Прибалтики продолжалась. Новгородские князья совершили ряд походов против них, поддерживая восстания эстов и леттов.

Татаро-монгольское нашествие коренным образом изменило ситуацию в Восточной Европе. В 1237—1240 гг. русские княжества подверглись опустошению и разгрому, результатом которого стал раздел русских земель между соседними государствами, и исторические судьбы различных частей русского народа надолго разошлись. К XIV—XV вв. относится формирование великорусской, украинской и белорусской народностей.

Ко времени монгольского нашествия на берегах Немана произошло объединение литовских племен под властью Миндовга, приведшее к образованию Великого княжества Литовского. Миндовг в середине XIII в. захватил и некоторые русские земли, в том числе Полоцк и Витебск. Столицей его был русский город Новгородок. Дальнейшая экспансия Литвы происходила за счет русских земель на юге и востоке. При Гедимине, до 1341 г., к Великому княжеству Литовскому были присоединены Минская и Турово-Пинская земли, на юге его границы простирались от Бреста (Берестье) до Чернигова. Еще большая часть русских земель была захвачена при сыне Гедимина Ольгерде (1341—1377 гг.). Он присоединил к своему государству Киевскую землю, Волынь, Подолию, Черниговскую, Новгород-Северскую землю, а также города Курск, Брянск, Мценск, Козельск, Торонец и другие. Таким образом, более 90 проц. территории Великого княжества Литовского стали составлять русские земли.

Юго-западные русские земли, входившие в Галицко-Волынское княжество, были захвачены Польшей.

Еще в начале XIII в. волынскому князю Роману Мстиславовичу пришлось вести войну с Польшей (в которой он в 1205 г. и был убит), но тогда независимость удалось отстоять. В 1246—1247 и 1251—1252 гг. князю Даниилу Романовичу пришлось вести борьбу с Литвой, а в 1268 г. — с Польшей, его сын Лев Данилович воевал с поляками в 1280—1281 гг. Однако, ослабленная постоянными татарскими набегами, Галицко-Волынская земля не могла долго сопротивляться северным и западным соседям. В начале XIV в. северные территории ее (Волынь) отошли к Литве, а в 1349 г. Галицкая земля была окончательно присоединена к Польше. Было сделано все, чтобы связать эти территории с Польшей и разорвать их связь с русскими землями: польский король Казимир Великий добился от константинопольского патриарха учреждения для Галицкой земли особой православной митрополии, а в Галиче, Перемышле и Холме были учреждены католические епископства.

Тот факт, что в Великом княжестве Литовском абсолютно преобладали земли бывших русских княжеств, оказывал огромное воздействие на его культуру. Официальным языком княжества был русский — язык жителей этих земель, и сами земли по-прежнему назывались русскими. На этом языке составлялись документы канцелярии великого князя, летописи, основные законы Литвы (так называемые Литовские статуты 1529, 1566 и 1588 годов). На захваченных землях в основном продолжали править потомки русских князей, перешедшие в литовское подданство. Православная церковь долгое время сохраняла в русских землях Великого княжества Литовского свое господствующее положение и подчинялась русским митрополитам в Москве. Окончательно добиться установления в Киеве особой православной митрополии для Великого княжества Литовского удалось только в 1487 г. Поскольку большинство правящего класса в Литве было русского происхождения, то при княжеском дворе утвердились русские обычаи и язык (положение начало постепенно меняться после заключения польско-литовской унии 1385 г., когда в Литве стало быстро распространяться католичество). Княжеская верхушка Литвы и Руси довольно тесно была связана и брачными связями, в частности Ольгерд был женат на тверской княжне, московский великий князь Василий Дмитриевич — на

дочери великого князя литовского Витовта и т. д. Столкновения между Литвой и русскими княжествами — Смоленским, Рязанским, Московским, Новгородом, Псковом и после завоеваний Ольгерда происходили довольно часто, они имели место в 1386, 1395—1396, 1401—1404 (тогда к Литве отошло Смоленское княжество с городами Смоленском и Вязмой), 1405—1408, 1426, 1428, 1445 гг., но они не отличались принципиально от столкновений русских княжеств между собой, скажем, Москвы с Тверью и Рязанью. В XV — первой трети XVI в. многие служилые князья выезжали из Литвы на службу в Великое княжество Московское, и наоборот (князья Одоевские, Бельские, Воротынские, Белевские, Вяземские, Мезецкие, Трубецкие, Мосальские, Глинские, Мстиславские и другие). Среди них были как потомки русских князей, так и литовских. Аристократия обоих великих княжеств была связана очень тесно как общностью происхождения, так и родственными узами, и неудивительно, что в дальнейшем в России среди аристократических родов гедиминовичей было почти столько же, сколько рюриковичей (к гедиминовичам принадлежали, например, такие известные роды, как Трубецкие, Голицыны).

Что касается Прибалтики (Эстляндия, Лифляндия и Курляндия), то она находилась с XIII в. под властью немецких рыцарей Ливонского ордена (образован в 1237 г.). Крупные города Прибалтики — Рига, Ревель, Дерпт (бывший Юрьев), Нарва и другие пользовались некоторой самостоятельностью, имели свое самоуправление и входили в союз немецких городов — Ганзу. В 1347 г. датский король Вальдемар III уступил за 19 тысяч марок датские владения в Эстляндии Ливонскому ордену. Восстания покоренного местного населения жестоко подавлялись. Новгороду и Пскову приходилось в XIII—XIV вв. вести постоянную борьбу с Ливонским орденом (наиболее крупные столкновения происходили в 1262, 1268—1269, 1299, 1322—1323, 1341—1343 и 1348—1349 гг.), в ходе которой русские войска не раз вступали в Прибалтику.

С образованием Русского государства при Иване III, после присоединения Новгорода и Твери, встала задача воссоединения всех остальных русских земель, в том числе и захваченных в свое время Великим княжеством Литовским. В ходе войн с Литвой и Ливонским орденом 1500—1503 гг., с Литвой и Польшей в 1507—

1509 и 1513—1522 гг., с Литвой в 1534—1537 гг. были возвращены смоленские, новгород-северские, черниговские, курские и брянские земли, а орден обязался платить дань Ивану III с Дерпта (Юрьева) как признанному наследнику русских великих князей, построивших этот город.

Дальнейшее развитие событий связано с Ливонской войной, в ходе которой произошли значительные изменения на политической карте Прибалтики. В 1561 г. под ударами русских войск Ливонский орден прекратил свое существование. Однако плодами этой победы воспользовались Польша и Швеция, стремившиеся не допустить утверждения Русского государства в Прибалтике. В том же году Эстляндия была захвачена Швецией, Лифляндия по соглашению с ливонскими рыцарями присоединилась к Польше, а Курляндия превращалась в ее вассальное герцогство. Русское государство не имело сил противостоять польско-шведской коалиции и по мирному договору 1582 г. с Польшей было вынуждено отказаться от приобретений в Прибалтике, а по договору 1583 г. со Швецией утратило побережье Финского залива. Еще в более тяжелом положении оказалось Русское государство в начале XVII в., когда в результате событий 1604—1618 гг., смуты и польско-шведского нашествия оно вновь лишилось Смоленска, Трубчевска, Серпейска, Глухова, Новгорода-Северского и Чернигова (по Деулинскому перемирию 1618 г.). После русско-польской войны 1632—1634 гг. по Поляновскому договору Серпейск и Трубчевск были возвращены, но остальные земли остались за Польшей.

Украинские и белорусские земли продолжали оставаться в составе Польши и Великого княжества Литовского. В 1569 г. по Люблинской унии Литва утратила собственную государственность, объединившись с Польшей на правах внутренней автономии. Причем по унии все украинские земли отходили непосредственно к польской короне, после чего они стали быстро переходить в руки польской шляхты и магнатов. Украинская и белорусская шляхта в значительной части переходила в католичество, тогда как крестьяне и горожане оставались православными. Брестская церковная уния 1596 г. провозгласила объединение православной церкви с католической под главенством папы, однако она не была признана большинством украинского и белорусского населения. Находящееся под национальным

и религиозным гнетом, православное население поднимало крупные восстания в 1591—1593, 1594—1596, 1630, 1638 гг. Результатом освободительной войны 1648—1654 гг., охватившей всю Украину от Запорожья до Львова и Замостья, было воссоединение Украины с Россией, решение о котором было принято на Переяславской раде в 1654 г. Это повлекло за собой русско-польскую войну 1654—1667 гг. В первый же ее год от поляков была освобождена почти вся Белоруссия, взяты Вильно, Ковно, Люблин, но затем, после вмешательства крымского хана, война приняла затяжной характер. По Андрусовскому перемирию 1667 г. России возвращались Смоленск и другие земли, захваченные в 1618 г., а также Левобережная Украина. По «вечному миру» 1686 г. за Россией были также признаны Киев и Запорожье, однако вся Правобережная Украина и Белоруссия еще в течение целого столетия оставались под польским владычеством. Территория Бессарабии, входившая в X—XI вв. в состав Киевской Руси, а затем Галицко-Волинского княжества, с XVI в. находилась под властью Турции.

В ходе борьбы России за выход к Балтийскому морю при Петре I в первые годы Северной войны со Швецией русские войска вновь вступили в Прибалтику. В 1710 г. была окончательно занята Эстляндия, где тогда же образована Ревельская губерния, а в 1713—1714 гг. — Лифляндия (Рижская губерния). По Ништадтскому миру 1721 г. эти территории вместе с Карелией и Ингерманландией (бассейн Невы) отошли к России. При Петре I была сделана попытка помочь освобождению единоверного молдавского народа от турецкого ига, но Прутский поход 1711 г., во время которого молдавский господарь Д. Кантемир дружелюбно встретил русские войска и перешел на сторону России, окончился неудачей.

В XVIII в. растущее могущество России и ослабление Польши, раздираемой постоянной борьбой магнатских партий за власть, делали реальным возвращение земель, захваченных в свое время Великим княжеством Литовским и Польшей, и воссоединение всех территорий, населенных украинцами и белорусами, с Россией. В значительной степени это было осуществлено в последней трети XVIII в. в рамках так называемых разделов Польши. В это время Россия уже полностью была включена в систему европейских государств, и ее внеш-

няя политика была неразрывно связана с политикой других держав, в первую очередь Австрии и Пруссии. Эти державы, исходя из своих геополитических интересов, стремились усилиться за счет ослабшей Польши, и прусский король Фридрих II стал настойчиво предлагать Екатерине II приступить к захвату польских земель. Надо сказать, что к этому времени Россия пользовалась преобладающим влиянием в Польше, и ни один серьезный вопрос в этой стране не мог решаться без благосклонного отношения России. На стороне России находилась значительная часть правящего класса («русская партия» была представлена в основном магнатами восточных земель). Поэтому Екатерина II всячески затягивала ответ на прусские инициативы. Однако перспектива оказаться в одиночестве против Пруссии и Австрии (особенно имея в виду австро-турецкий союз) заставила согласиться с ними. По первому разделу Польши в 1772 г. к России были присоединены Восточная Белоруссия и часть Литвы (воеводства Полоцкое, Витебское, Мстиславское и часть Минского). Однако часть западноукраинских земель — Галиция была захвачена Австрией. Пруссия захватила исконно польские земли — Поморье и часть Великой Польши. В 1793 г. Россия вернула себе часть Белоруссии с Минском, Волынь и Подолию, а также получила часть литовских земель, тогда как Пруссия опять же захватила экономически наиболее развитые и густонаселенные собственно польские земли: Гданьск, Торунь и Познань с Великой Польшей. В 1795 г. к России отошли белорусские и украинские земли до Немана и Западного Буга, Литва и Курляндия. Польские земли были заняты Пруссией (северная часть Польши с Варшавой) и Австрией (Малая Польша с Люблином и Краков с его областью). Таким образом, к исходу XVIII в. в основном завершилось воссоединение русских, белорусских и украинских земель, и единокровные народы, составлявшие древнерусскую народность Киевской Руси, вновь объединились в рамках единого государства. Только Западная Украина со Львовом, Буковиной с Черновцами и Прикарпатская Украина остались под властью Австрии.

В результате русско-шведской войны 1808—1809 гг. к России была присоединена Финляндия на правах автономного Великого княжества Финляндского, которая никогда ранее не имела своей государственности и с

середины XII—XIV вв. находилась под шведским владычеством.

В своей южноевропейской политике Россия всегда стремилась облегчить положение единоверного населения, находящегося под турецким гнетом. По условиям Ясского мирного договора 1791 г., венчавшего вторую русско-турецкую войну, Россия получила большие права в дунайских княжествах (в частности, без ее согласия не могли смещаться и назначаться господари Молдавии и Валахии). Стремясь избавиться от турецкого гнета, население Молдавии переселялось в присоединенные к России районы левобережного Днестра. Нарушение Турцией условий Ясского договора повлекло за собой русско-турецкую войну 1806—1812 гг. По Бухарестскому мирному договору 1812 г. Бессарабия была освобождена от турок и вошла в состав России. Русско-турецкая граница устанавливалась по реке Прут до соединения его с Дунаем.

Вопрос о судьбе Польши вновь встал в период наполеоновских войн, когда в 1807 г. Пруссия была разгромлена Наполеоном. На «польском вопросе» следует остановиться несколько подробнее, поскольку он не только определял характер общественно-политической жизни польского народа в течение более столетия после этого и отношение его к России, но и сказывался самым существенным образом и на событиях предвоенного времени. Исторические судьбы России и Польши, их взаимоотношения сплелись за столетия в тугой узел. Два крупнейших славянских государства, разделенные религиозными различиями, которым они придавали огромное значение (Польша так же немыслима без католичества, как Россия без православия), постоянно колебались между враждой и единством. «Не раз склонялась под грозою то их, то наша сторона», — писал Пушкин. И в то же время вопрос о единстве в той или иной форме не раз ставился на повестку дня. На выборах в 1572 г. короля Речи Посполитой одним из основных претендентов был русский царь Иван IV Грозный (многие литовско-польские магнаты поддерживали кандидатуры его или его сына Федора). В 1610 г. русские бояре избрали царем польского королевича Владислава. Эти факты достаточно красноречиво говорят о тенденциях того времени. С времен Северной войны Польша находилась в союзнических отношениях с Россией. Еще раз следует подчеркнуть,

что хотя участие России в разделах Польши способствовало утрате польской государственности, но Россия не вяла себе ни пяди польской земли, ограничившись только возвращением территорий, отторгнутых столетия назад.

Теперь же, в ходе переговоров в Тильзите, впервые одна из западных держав предложила России занять часть исконных польских земель: Наполеон признавал Вислу естественной границей России. Однако Александр I не пошел тогда на это. Дело в том, что ему, издавна связанному с представителями польской знати, не была чужда мысль о восстановлении польской государственности. По мнению многих, «это составляло даже заветное намерение императора Александра, его любимую мысль», однако он никогда бы не решился осуществить требуемое для этого отторжение польских земель от Пруссии по собственной инициативе. Поэтому в Тильзите он согласился с тем, что это будет сделано руками Наполеона. Таким образом, из польских земель, входивших в состав Пруссии, было создано великое герцогство Варшавское. Для Наполеона же создание такого марионеточного государства преследовало цель создать на Висле удобный плацдарм на тот случай, если бы Россия вновь перешла на сторону врагов Франции. Поляки, как известно, боготворили Наполеона, ожидая от него восстановления Польши, но надежды их были безосновательны. По объективным политическим причинам в рамках франко-русского союза полностью независимая Польша не могла быть восстановлена. Франко-русская конвенция от 5 января 1810 г. предусматривала, что «Королевство Польское никогда не будет восстановлено» и что «договаривающиеся стороны употребят все средства, чтобы название Польши и поляков никогда не присваивалось какой-либо области, входившей в состав бывшего Польского королевства, и было навсегда изглажено из государственных актов».

По таким же причинам независимая Польша не могла быть создана и в системе русско-пруско-австрийских отношений. Поэтому после поражения Наполеона (в войне 1812 г. поляки участвовали на его стороне) великое герцогство Варшавское было включено в состав России как Царство Польское. Таким образом, в 1815 г. Александр I осуществил свои замыслы о восстановлении Польши, но под главенством России. Этот

шаг имел далеко идущие последствия для польско-русских отношений. Впервые в составе России оказались основные польские земли, и польское национально-освободительное движение на долгие годы приняло антироссийскую направленность, что определило общественное сознание, деформировало культурное взаимодействие. С другой стороны, в тогдашних исторических условиях автономия Польши в составе России для польского народа была несравненно лучшим выходом, чем раздел между Австрией и Пруссией. Как писал поэт К. Козьмян, «с известной точки зрения нам живется лучше, чем во времена Речи Посполитой; мы в значительной степени сохранили то, что нам дала родина. Нам не приходится теперь бояться уманской резни; хотя Польши нет, мы живем в Польше, и мы — поляки». Надо сказать, что Александр I, столкнувшись с непреклонным сопротивлением Англии и Австрии, вынужден был отказаться от мечты о Польше, целиком объединенной под его скипетром как конституционного короля (а некоторые земли пришлось вернуть Пруссии).

Тем не менее Царство Польское получило конституцию, по которой российский император короновался также в качестве польского короля, обеспечивалась свобода печати, свобода личности, все акты совершались на польском языке, а все должности предоставлялись полякам. Существовали двухпалатный сейм, самостоятельная польская армия, самостоятельные финансы. Таким образом, поляки получили такие права, которыми не пользовались подданные ни Пруссии, ни Австрии, ни самой России. Польские ордена Белого Орла и св. Станислава вводились в общую систему российских наград. Польское конституционное устройство было упразднено только после восстания 1830—1831 гг., а после восстания 1863—1864 гг. были введены еще более широкие репрессивные меры.

Интересно, что в оценке событий 1814—1815 гг. в основном сходились такие стоявшие на диаметрально противоположных позициях русские мыслители, как Н. Я. Данилевский и Вл. Соловьев. Первый из них писал: «Но, как бы ни была права Россия при разделе Польши, теперь она владеет уже частью настоящей Польши и, следовательно, должна нести на себе упрек в неправом стяжании, по крайней мере, наравне с Пруссией и Австрией. Да, к несчастью владеет! Если

бы Россия, освободив Европу, предоставила отчасти восстановленную Наполеоном Польшу ее прежней участи, то есть разделу между Австрией и Пруссией, а в вознаграждение своих неоценимых, хотя и плохо оцененных заслуг, потребовала для себя восточной Галиции, частью которой — Тарнопольским округом — в то время уже владела, то осталась бы на той почве, на которой стояла при Екатерине, и никто ни в чем не мог бы ее упрекнуть. Россия получила бы значительно меньше по пространству, не многим меньше по народонаселению, но зато скольким больше по внутреннему достоинству приобретенного, так как она увеличила бы число своих подданных не враждебным польским элементом, а настоящим русским народом. Что же заставило императора Александра упустить из виду эту существенную выгоду? Что ослепило его взор? Никак не завоевательные планы, а желание осуществить свою юношескую мечту — восстановить польскую народность и тем загладить то, что ему казалось проступком его великой бабки. Что это было действительно так, доказывается тем, что так смотрели на это сами поляки. Когда из враждебного лагеря, из Австрии, Франции и Англии, стали делать всевозможные препятствия этому плану восстановления Польши, угрожая даже войною, император Александр послал великого князя Константина в Варшаву призывать поляков к оружию для защиты их национальной независимости».

Вл. Соловьев оценивал польскую проблему следующим образом: «История связала нас с братским по крови, но враждебным по духу народом, передовая часть которого ненавидит и проклинает нас. В ответ на эту ненависть и на эти проклятия Россия должна делать добро польскому народу. Кое-что ею и сделано. Русское действие в Польше не ограничивалось участием в трех разделах да подавлением двух вооруженных восстаний. В 1814 г. Россия сохранила Польшу от неизбежного онемечения. Если бы на Венском конгрессе полновластный тогда император Александр I думал более о русских, нежели о польских интересах и присоединил бы к России русскую Галицию, а коренную Польшу возвратил бы Пруссии, то теперь, вероятно, нам не было бы надобности много рассуждать о Польше и поляках. Если даже теперь польский элемент в Познани, хотя имеет у себя за спиной шестимиллион-

ную массу наших поляков, избавленных от германизации, все-таки, несмотря на эту опору, не может устоять перед немцами и все более и более поглощается ими, — что же случилось бы, если бы прусские немцы были хозяевами в главной части Польши!

Далее, через полвека после Венского конгресса Россия эмансипацией крестьян освободила и Польшу от того ожесточенного антагонизма между панством и хлопами, который в корне подрывал жизненные силы Польши и привел бы польскую народность к конечной гибели. Уже поднявшиеся хлопы стали повторять и у нас недавнюю галицийскую резню и готовы были к повальному истреблению панов, и только вмешательство русской власти остановило это истребление. Если бы оно совершилось, то польская народность, лишенная своего культурного класса, оказалась бы впоследствии совсем обезоруженной пред напором высшей германской культуры, с одной стороны, и влиянием русского элемента, с другой; тогда и цугало обрусения могло бы получить реальный смысл. Но если отсутствие сложившегося культурного класса пагубно для нации, то так же, и еще более пагубно исключительное господство этого класса над бесправным населением. Недаром популярная польская песня спрашивает панов, что у них было в голове, когда они погубили Польшу и себя с нею. Русская власть, спасая польскую шляхту от ярости поднявшихся хлопов и, вместе с тем, давая этим последним гражданскую и экономическую свободу, обеспечила будущность настоящей, не панской только и не хлопской, а польской Польши.

Наконец, несмотря на несправедливость и неразумие некоторых отдельных мер, русское управление довело Польшу, по свидетельству даже иностранных писателей, такое социально-экономическое благосостояние, какого она не могла достигнуть ни под прусским, ни под австрийским владычеством.

Итак, тело Польши сохранено и воспитано Россией. И если, тем не менее, польские патриоты скорее соглашались потонуть в Немецком море, нежели искренно примириться с Россией, то значит есть тут более глубокая, духовная причина вражды.

Польша является в Восточной Европе представительницей того духовного начала, которое легло в основу западной истории. По духовному своему существу, польская нация и с нею все католические славяне

примыкают к западному миру. Дух сильнее крови; несмотря на кровную антипатию к немцам и кровную близость к русским, представители полонизма скорее согласятся на онемечение, чем на слияние с Россией. Западный европеец, даже протестант, ближе по духу поляку-католику, нежели православный русский.

Внешнего примирения с Польшей у нас быть не может. Нельзя сойтись с поляками ни на социальной, ни на государственной почве. На социальной почве примирение, о котором так много говорили, невозможно уже потому, что остается неизвестным, с кем же собственно нам мириться, — ибо в социальном отношении сама Польша представляет непримиренное раздвоение между панами и хлопами, так что, протягивая руку этому последнему, должны опять придавить хлопа, только что нами избавленного от векового рабства. На государственной почве соглашение с Польшей невозможно потому, что здесь нас встречают со стороны поляков только одни беспредельные и ни с чем не сообразные притязания. Восстановление Польши 1772 г., затем Польши 1667 г., польский Киев, польский Смоленск, польский Тамбов — все эти галлюцинации составляют, пожалуй, естественное патологическое явление, подобно тому, как голодный человек, не имея куска хлеба, обыкновенно грезит о роскошных пиршествах. Но голодный, проснувшись, будет благодарен и за кусок хлеба; польские же патриоты удовлетворяются только Польшей своих грез. Может быть, за этими грезами скрывается и то реальное чувство, что самостоятельная Польша в строгих границах польской народности стала бы неизбежной жертвой Германской империи; но вытекают ли отсюда права Польши на Киев и Смоленск — это другой вопрос.

Несмотря на то что польские земли вошли в состав России не в результате непосредственного завоевания и уничтожения польской государственности именно Россией, нахождение их в ее составе, учитывая стремление поляков к национальной независимости, осознавалось частью русского общественного мнения как неестественное и нежелательное (с этим же связана и поддержка Герценом польского восстания 1863—1864 гг.). Следует, однако, помнить, что оба польских восстания происходили под лозунгом восстановления Польши в границах 1772 г., и победа их означала бы

возвращение украинского и белорусского народов под ненавистный им католический гнет. И закономерно, что в дальнейшем восстановление польской государственности после 1917 г. оказалось неразрывно связано с претензиями на Литву, Белоруссию и Украину и захватом значительной части этих территорий.

Девять губерний Царства Польского даже после 1864 г. составляли довольно обособленную часть страны с целым рядом юридических отличий от остальных губерний. Десятки тысяч польских дворянских родов (примерно треть всех потомственных дворян империи составляли поляки) служили поставщиком кадров для российского государственного аппарата и офицерского корпуса.

В СОСТАВЕ РОССИИ

Территории, воссоединенные в составе СССР в 1939—1940 гг., до революции входили в состав губерний Эстляндской, Лифляндской, Курляндской, Ковенской, Виленской, Гродненской, Бессарабской, частично Витебской, Минской и Волынской, а также Сувальской губернии Царства Польского (территория юго-западнее Немана).

Первые три губернии, в которых господствующий класс составляли немецкие бароны — потомки рыцарей-завоевателей, имели особое управление. Петр I сохранил за прибалтийским немецким дворянством и бюргерством старинные привилегии, систему сословного дворянского управления и суда (так называемого ландштадта), сложившуюся еще в XVI—XVII вв. Органом финансового управления прибалтийских губерний была Камер-контора лифляндских, эстляндских и финляндских дел, а судебными делами занималась Юстиц-коллегия лифляндских, эстляндских и финляндских дел. Огромную роль в местном управлении и суде играли ландтаги (дворянские собрания), избиравшие раз в три года Дворянский конвент (в Лифляндии) и Дворянский комитет (в Эстляндии), а также состав основных органов суда, уездной полиции и сословной прокуратуры. Городское самоуправление осуществляли магистраты и ратуши, избираемые верхушкой гильдейского купечества и цеховых ремесленников; ими же избирались и различные суды.

Уездные полицейские органы были представлены гагенгерихтами (Эстляндия), ордуунгсгерихтами (Лифляндия) и гауптманскими судами (Курляндия), уездные суды — мангерихтами (Эстляндия), ландгерихтами (Лифляндия) и обер-гауптманскими судами (Курляндия), губернские суды — обер-ландгерихтом (Эстляндия), гофгерихтом (Лифляндия) и обер-гофгерихтом (Курляндия).

В 1783 г. на Прибалтику было распространено общероссийское «Учреждение о губерниях» и другие общегосударственные реформы, но из-за упорного сопротивления немецкого дворянства в 1796—1797 гг. была восстановлена старая сословная система. Из общероссийских учреждений в прибалтийских губерниях имелись только губернаторы с губернскими правлениями, прокуроры, приказы общественного призрения и казенные палаты. Все прочие учреждения избирались местным немецким дворянством. Для крестьянского населения — эстонцев и латышей в этой системе управления места не было.

В XIX в., до 1867 г., прибалтийские «остзейские» губернии административно объединялись в Прибалтийское генерал-губернаторство. Из-за сопротивления немецких баронов, отстаивавших свои привилегии, на Прибалтику не сразу были распространены реформы 60—70-х гг. Волостная реформа, по которой вводилась система крестьянского самоуправления, была проведена в 1866 г., но только в 1889 г. непосредственный надзор немецких помещиков за волостными органами был заменен надзором правительственного комиссара по крестьянским делам. Тогда же были упразднены сословные суды, а в 1888 г. сословная система полицейских органов была заменена близкой к общероссийской. Но, несмотря на это, сословная организация немецкого дворянства и бюргерства сохраняла сильное влияние в местном управлении и суде. До самого конца 80-х годов языком администрации, суда и школы в Прибалтике был немецкий, который затем начал заменяться русским.

В Прибалтике национальный состав населения практически совпадал с социально-профессиональным. Если помещики, бюргерство, духовенство, лица свободных профессий и служащие были в основном представлены немцами, то крестьянство состояло из эстонцев и латышей. Это порождало сильный антагонизм, и национально-освободительное движение было всегда направлено против немецкого засилья. Немецкий писатель XIX в. И. К. Петри писал, что «ввиду повседневного выражения подобной ненависти и презрения к немцам и помещикам приходится опасаться смут и мятежей, так как в подобном случае ни один немец не уйдет живым». Сотни тысяч прибалтийских крестьян переселялись в центральные районы России. (По переписи

1881 г. в Курляндской губернии из крестьян-латышей землевладельцев было 125 тысяч, а безземельных — 298 тысяч.) Эстонцы, в частности, массами переселялись в Петербург и Псковскую губернию. Многие переходили в православие, что облегчало переселение в другие губернии России и приобретение там земли (только в Лифляндии перешло в православие до 75 тысяч крестьян).

В борьбе против немецкого засилья — за первую половину XIX в. среди 6000 студентов Дерптского (Юрьевский, ныне Тартуский) университета было только 37 эстонцев — формирующаяся эстонская и латышская интеллигенция обращала свои взоры к русской культуре. Многие общественные деятели из эстонцев, литовцев и латышей получили образование в Петербургском (в частности, Я. Райнис и П. Стучка), Московском и Киевском университетах. Ян Райнис с благодарностью вспоминал, как его, молодого латышского студента из глубинки, «охватила свободная и широкая духовная атмосфера Петербурга». Члены латышских студенческих кружков Петербурга и Москвы, приезжая на родину, вели просветительную и пропагандистскую работу. Вытесненный с родины эстонский филолог М. Веске нашел прибежище в Казанском университете, где создал свой труд «Славяно-финские культурные отношения по данным языка». Откликаясь на смерть Тургенева, он писал: «Русская слава — это и эстонская слава. Русская радость и русская боль — это также эстонская радость и эстонская боль». Композиторы и музыканты прибалтийских народов обычно получали образование в Петербургской и Московской консерваториях, многие из них были учениками Чайковского и Римского-Корсакова.

Стремление русского правительства во второй половине XIX в. потеснить позиции немецких баронов в Прибалтике и распространить на нее общероссийское законодательство, а также ликвидировать монополию немецкого языка во всех сферах жизни объективно способствовало интересам национального пробуждения эстонского и латышского народов. Выдающийся эстонский ученый Я. Хурт писал в 1874 г.: «Эстонцу грех жаловаться на то, что государство отрицательно относится к его желаниям или же преграждает путь его национальным устремлениям. Напротив — до сих пор оно самым либеральным образом утверждало все на-

родные мероприятия и предприятия... Буквально на днях эстонский язык впервые прозвучал со сцены в драматических спектаклях, особенно успешно — в Тарту. В недалеком будущем в крупных городах непременно сложится наш национальный театр... Одним словом, везде мы видим признаки жизни, а не угасания. Национальные элементы не застывают, а все более приходят в движение». К концу XIX в. Дерптский университет (в 80-х годах преподавание там было переведено с немецкого на русский язык) выпускал уже значительное число эстонских и латышских студентов. Значительно возрос процент грамотности среди коренного населения. Он даже значительно превышал общероссийский. В конце 1881 г. в Эстляндской губернии среди эстонцев неграмотных было только 4,3 проц., (среди русских — 32,3 проц.), в Лифляндской губернии уровень грамотности в конце XIX в. составлял 77,7 проц. В это время в Эстляндии из 11 периодических изданий 6 выходило на эстонском, 3 — на немецком и 2 — на русском языке, в Лифляндии из 24 изданий также было несколько эстонских и латышских.

Население прибалтийских губерний в XIX в. было многонациональным. В Курляндии, например, в 1867 г. проживало 460 тыс. латышей, 43,5 тыс. немцев, 33,7 тыс. евреев, 12,2 тыс. русских, 10 тыс. литовцев, 4,1 тыс. белорусов, 9 тыс. поляков, 2,5 тыс. ливов, 2 тыс. жмудинцев. В Эстляндской губернии в 1881 г. эстонцы составляли 87,6 проц., немцы — 5,8, русские — 4,6, шведы — 1,4, евреи — 0,4 проц. населения. По переписи 1897 г. в Лифляндской губернии латышей было 43,4 проц., эстонцев — 39,9, немцев — 7,6, русских — 5,2, евреев — 1,8, поляков — 1,1 проц., в Курляндской — латышей было 75,1 проц., немцев — 7,6, евреев — 5,6, русских — 5, поляков — 2,9 и литовцев — 2,5 проц. При этом эстонцы и латыши составляли по-прежнему в основном сельское население. Так, в Эстляндии в 1881 г. эстонцы составляли на селе 94 проц. населения, а в городах — только 56 проц. Латыши в 1897 г. составляли менее половины населения крупных городов: в Риге их было 41,6 проц., в Митаве — 45,7, в Либаве — 38,6 проц.

Губернии Ковенская, Виленская, Гродненская, Витебская, Минская и Волынская, населенные в основном литовцами, белорусами и украинцами (в состав Витебской губернии входила и Латгалия), относились

к так называемым девяти западным губерниям (остальные три — Могилевская, Киевская и Подольская), которые также были несколько обособлены в юридическом отношении. Объяснялось это спецификой национально-социальной ситуации в этих губерниях. Дело в том, что подобно тому как в Прибалтике господствующий класс состоял из немцев, в этих губерниях (долго время находившихся под польским владычеством) он состоял из поляков, и если в Прибалтике эстонское и латышское крестьянство противостояло немецким помещикам, то здесь литовское, белорусское и украинское крестьянство противостояло помещикам польским. До 60-х годов XIX в. землевладение в Западном крае было почти исключительно польским (например, в Виленской губернии — на 95 проц., в Минской — на 94, в Киевской — на 82 проц.). Даже после подавления польского восстания 1863 г., когда правительством были предприняты самые суровые меры против польского землевладения, к концу XIX в. оно продолжало составлять около половины всего землевладения края, а в некоторых губерниях и более того (в Ковенской — 75 проц., Виленской — 73, в Гродненской — 53,8 проц.).

В отличие от Прибалтики, где наступление на права немецких баронов шло довольно решительно, в западных губерниях после польского восстания польское дворянство было резко ограничено в правах, дворянские депутатские собрания были запрещены, а специальным положением от 27 мая 1864 г. поляки устранялись от занятия всех государственных и общественных должностей, «имеющих непосредственное соприкосновение с народом». Дворянство этих губерний фактически лишалось и корпоративных прав: все выборные дворянские должности замещались по распоряжению МВД и предпочтительно лицами неполяского происхождения. Однако меры эти долго не продержались, уже в 1868 г. было разрешено назначать на эти должности поляков, и к 1883 г. последние составляли половину всех уездных предводителей дворянства в северо-западных губерниях.

Крестьянство, как уже говорилось, было представлено литовцами и белорусами, а в Волынской губернии — украинцами. Причем литовское население давало наибольший процент лиц, занятых в сельском хозяйстве (в Виленской губернии среди литовцев он, например, составлял 83,9 проц.). Из литовских крестьян

ян много было безземельных и малоземельных, которые в большом количестве переселялись в Петербург, Одессу и другие крупные города России.

Состав населения северо-западных губерний не был однородным. В Ковенской губернии в 1857 г. насчитывалось, например, 53 400 семейств жмудинов, 39 713 семейств литовцев, 23 680 — евреев, 5169 — русских, 3319 — немцев, 3131 — поляков, 126 — белорусов, 56 — украинцев, 50 — цыган (т. е. жмудины составляли 40,2 проц., литовцы — 29,9 проц., евреи — 17,8 проц.). По переписи 1897 г. в этой губернии литовцы (в т. ч. жмудь) составляли 66 проц., евреи — 13,7, поляки — 9, русские — 4,7, белорусы — 2,5, латыши — 2,3, немцы — 1,4 проц. В Виленской губернии по той же переписи 56 проц. составляли белорусы, 17,6 — литовцы, 12,7 — евреи, 8,2 — поляки, 4,9 проц. — русские.

Весьма неоднородным было и население Бессарабии, выросшее с 240 тыс. в 1812 г. до 2 млн. в 1897 г. Первая государственная школа была открыта там в 1813 г., вслед за этим было создано и много других учебных заведений. Экономика Бессарабии базируется в основном на сельскохозяйственном производстве, но уровень развития капитализма в земледелии был тот же, что и в соседних украинских губерниях. Белорусско-литовские губернии по этому показателю превосходили губернии Центральной России. В 1880—1890 гг. практически во всех западных губерниях (в отличие от центральных) происходил существенный рост размеров посевных площадей. В частности, в Бессарабской и Лифляндской губерниях за эти годы посевные площади выросли на 31—40 проц., в Волынской, Минской, Гродненской, Витебской и Виленской — на 11—25 проц., в Курляндской — до 10 проц. В Прибалтике бурно развивалась промышленность. Рига занимала по промышленному развитию третье место в стране после Петербурга и Москвы. Соединение Прибалтики железными дорогами с глубинными районами России чрезвычайно ускорило экономическое развитие этого края. Промышленность Риги, Лиепая, Ревеля и Нарвы работала на всероссийский рынок. Эстляндская, Лифляндская и Курляндская губернии стали районом обрабатывающей (в значительной мере машиностроительной) промышленности, получившим всероссийское значение.

Сельское хозяйство края по уровню капиталистического развития занимало первое место в стране. Таким образом, западные территории России, о которых идет речь, отличались в целом наиболее высоким уровнем капиталистического развития. К началу XX в. в Прибалтике значительная часть арендуемых крестьянами земель была ими выкуплена у помещиков. Средние размеры земельных наделов эстонских и латышских крестьян многократно превосходили наделы русских крестьян центральных губерний, а крестьянские наделы литовско-белорусских губерний были примерно вдвое больше их. В 1905 г. средний размер крестьянского земельного надела в Эстляндской губернии составлял 34 десятины, в Лифляндской — 43,4, в Курляндской — 32,9, в Ковенской — 14,6, Виленской — 13,5, Гродненской — 16,5 десятин, тогда как в Псковской — 9,2, Смоленской — 9, Тульской — 6,3, Рязанской — 6,6, Орловской и Тамбовской — 7, Курской — 7,3, Симбирской — 6,8 и т. д. В Прибалтике начала формироваться национальная буржуазия, ориентированная на всероссийский рынок.

Что касается Финляндии, то она занимала в составе России совершенно особое положение. Великое княжество Финляндское входило в Российскую империю примерно на тех же правах, как Царство Польское до восстания 1830—1831 гг. Финляндия имела свою конституцию, законодательный орган (Сейм), правительство, собственный бюджет и денежную систему. При этом она вносила в процентном отношении гораздо более легкий вклад в общероссийские нужды. Русские чиновники не могли служить в Финляндии, тогда как выходцы оттуда во множестве заполняли российский аппарат и офицерский корпус. Только в самом конце XIX в. были проведены некоторые меры, нарушающие принципы, заложенные в 1809 г. Благодаря своему privilegiрованному положению и относительно меньшему участию в военных и государственных расходах России Финляндия развивалась успешнее остальных районов страны. С 1812 по 1886 г. ее население возросло с 0,9 до 2,3 млн. человек, а национальный доход увеличился с 6—7 до 40 млн. финляндских марок.

ОКТАБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СУДЬБЫ ЗАПАДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

К началу первой мировой войны в Прибалтике успела сформироваться национальная буржуазия и получили распространение идеи национальной консолидации. Однако представители национальных течений, отдавая себе отчет в реальном положении вещей и собственных интересах, не помышляли о сепаратизме. 8 августа 1914 г. латышский представитель в Государственной думе депутат Я. Голдман, выступая на заседании думы, твердо и недвусмысленно заявил: «Среди латышей и эстонцев нет ни одного человека, который не признал бы, что все, чего они добились в области благосостояния, достигнуто лишь под защитой русского орла. И что все то, что еще предстоит достичь латышам и эстонцам, возможно лишь в том случае, если Прибалтика и в будущем останется неотделимой составной частью великой России».

С победой над Германией прибалтийские народы связывали и вопрос о ликвидации в будущем немецких баронских землевладений, а возможно, и национальную автономию, а также полное вытеснение немецкого элемента из экономической и культурно-политической жизни. В январе 1915 г. лифляндский губернатор сообщал, что представители латышской интеллигенции «стремятся использовать момент для осуществления своих национальных интересов», так как латышское население «падет за занять те позиции, где немцы теряют свой перевес». В том же году по инициативе латышской общественности, несмотря на сопротивление остзейских баронов, русским командованием были сформированы первые латышские стрелковые батальоны (затем было развернуто 8 стрелковых полков). Начиная вербовку добровольцев, Оргкомитет латышской общественности опубликовал воззвание «Собирайтесь под латышские знамена!», в котором говорилось, что «латышские полки будут служить освобождению и за-

щите Латвии, чтобы она и впредь процветала как неотделимая часть могучей России».

Мировая война вновь поставила на повестку дня и польский вопрос. Русское правительство собиралось решить его путем воссоздания Царства Польского. Предполагалось, что в его состав войдут и польские земли, находившиеся к тому времени под властью немцев и австрийцев. В начале войны, в августе 1914 г., верховным главнокомандующим было издано воззвание к полякам, в котором говорилось: «Пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться... Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром Русского Царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении. Одного ждет от вас Россия — такого же уважения к правам тех народностей, с которыми связала вас история». В русской армии были сформированы польские части. Германия и Австрия со своей стороны также создавали такие части, обещая создать независимую Польшу из русских владений.

После февральской революции в России надежды прибалтийской общественности на получение автономии упрочились, однако вопрос об отделении тогда не ставился. В обращении «Латыши!», опубликованном в газете «Лидуме» 12 марта 1917 г., члены Государственной думы Я. Залит и Я. Голдман выступали за автономию Латвии: «Этого требования мы придерживались при старом строе, и оно остается нашей дальнейшей задачей. Пусть здравствует свободная Латвия в великой России». То же самое Я. Залит говорил в августе на московском Государственном совещании. В сентябре в Киеве на Съезде народов России будущий министр иностранных дел Латвии З. Мейеровиц заявил, что «целью латышей является объединенная, неделимая, политически автономная Латвия в Российской республике» (в октябре на собрании организационной комиссии Латвийского временного национального совета он отметил, что такого же мнения придерживается и К. Ульманис). Эстляндской губернии постановлением Временного правительства еще 30 марта была предоставлена автономия. Финляндский сейм в июле 1917 г. принял постановление о том, что Финляндия остается автономной в составе России. Подход к этому вопросу резко меняется только после Октябрьской революции.

К октябрю 1917 г. немецкими войсками была захвачена вся Польша, часть Волынской, Гродненская, половина Виленской, Ковенская, Курляндская и южная часть Лифляндской губернии с Ригой. Таким образом, под германской оккупацией оказались все территории, населенные литовцами, и половина земель, населенных латышцами. На не занятых немцами территориях Прибалтики и Западной Белоруссии Советская власть была провозглашена в первые же дни после революции в Петрограде. В Валмиере 16—18 декабря было образовано Советское правительство Латвии. Однако в начале 1918 г. в результате наступления германских войск Советская власть в Прибалтике была свергнута. К 22 февраля немцы завершили оккупацию Латвии, а к 4 марта — Эстонии. К маю этого года Германия оккупировала также всю Белоруссию и Украину.

Еще 18—22 сентября 1917 г. в условиях немецкой оккупации в Вильно (Вильнюсе) на конференции был избран литовский национальный совет — Тариба. 11 декабря Тариба издала декларацию о «вечной прочной связи Литовского государства с Германией» (Литовское государство мыслилось в пределах территорий, населенных литовцами: Ковенской, западной части Виленской и северной части Сувальской губерний). По условиям Брестского мира Литва отделялась от России. 4 июня 1918 г. Тариба избрала королем Литвы юртембергского князя Вильгельма фон Ураха, однако 2 ноября в связи с изменением политической обстановки (поражение Германии) это решение было отменено. 5 ноября было создано правительство во главе с А. Вольдемарасом.

Поражение Германии в мировой войне вновь радикально изменило ситуацию. Однако на основании статьи 12 Компьенского соглашения о перемирии немецкие войска должны были оставаться в захваченных западных областях России «для борьбы с большевизмом». 18 ноября под защитой немцев в Латвии образовалось правительство К. Ульманиса, а на следующий день в Риге немцы передают власть в Эстонии Временному правительству Эстонии во главе с К. Пятсом. (Территория Эстонии состояла из Эстляндской и населенной эстонцами северной части Лифляндской губернии, а Латвии — из южной части Лифляндской и Курляндской губерний, а также Латгалии). Что касается Финляндии, то после Октябрьской революции правительст-

во Свинхувуда потребовало отделения от России, и 18 (31) декабря 1917 г. СНК признал независимость Финляндии. 28 января в Финляндии началась революция, но к маю была подавлена.

13 ноября 1918 г. постановлением ВЦИК Брестский мирный договор был аннулирован и начались военные действия за освобождение Прибалтики, Белоруссии и Украины. В Эстонии после восстановления Таллиннского Совета рабочих депутатов (19 ноября) и освобождения Нарвы войсками Красной Армии (28 ноября) провозглашается Эстонская Советская Республика (Эстляндская трудовая коммуна) во главе с Я. Авельтом (7 декабря последовал декрет СНК о признании ее независимости). 8 декабря ЦК КП Литвы и Белоруссии принимает решение о создании Временного революционного рабоче-крестьянского правительства во главе с В. Мицквичюсом-Капсукасом. 16 декабря это правительство издает манифест об основании Литовской Советской Республики. 17 декабря Временное Советское правительство во главе с П. Стучкой было образовано в Латвии и провозглашена Латвийская Советская Республика (22 декабря декретом СНК признана независимость Литовской и Латвийской республик). 31 декабря в Смоленске ЦК КП Белоруссии создал Временное революционное рабоче-крестьянское правительство, которое 1 января 1919 г. опубликовало манифест об образовании Белорусской Социалистической Советской Республики. Ко времени наибольших успехов советских войск (к февралю 1919 г.) ими была занята почти вся Латвия, кроме района Лиепая, восточная часть Литвы и Вильно и территория Белоруссии по линии Лида — Слоним — Пинск. 27 февраля в Вильно было провозглашено создание Литовско-Белорусской Социалистической Советской Республики.

Однако и на этот раз Советская власть на этих территориях просуществовала недолго. В Эстонии советские войска так и не продвинулись западнее Пайде и Феллина (Вильянди), а уже в январе 1919 г. белоэстонцы при поддержке английского флота, финских и шведских добровольцев перешли в наступление и к 19 января заняли всю территорию Эстонии. В Латвии местное правительство никакой реальной силы не представляло и было чисто номинальным. Зато там имелись сильная группировка германских

войск генерала фон дер Гольца и добровольческие немецкие формирования. В феврале они перешли в наступление и захватили Вентспилс и Куддигу.

Из донесений главы американской миссии
в Прибалтике делегации США на Парижской
мирной конференции о политической и военной
обстановке в Латвии

г. Либава

12 апреля 1919 г.

Я прибыл сперва в Либаву и остался здесь, так как ситуация в Латвии в настоящее время является более критической, чем на других территориях, которые мы должны прикрывать, в связи с тем, что: 1) значительная часть страны, включая Ригу, находится в руках большевиков; 2) присутствуют доминирующие немецкие военные силы, от которых безопасность страны будет зависеть до тех пор, пока не будет достигнута иная договоренность; 3) здесь крайне сложна сеть интриг, в которых принимают участие немцы, прибалтийские немцы, большевики, латышская буржуазия, евреи и латышские социалисты.

В своем предыдущем донесении я предлагал ослабить блокаду и снабжать немецкие войска. Это очень важно...

Продовольствия мало, цены высоки, а запасы уменьшаются... Из достоверных источников мне известно, что среди безработных и безземельных распространено такое настроение, что если бы они должны были умереть с голоду, то предпочли бы сделать это при большевистском режиме, где они могут грабить буржуазию и богатых.

Немцы занимают господствующее положение, так как они являются здесь силой, а латышская армия как военный фактор ничтожна. Генерал фон дер Гольц командует всеми войсками, действующими в Курляндии, и является губернатором Либавы, кроме того, он контролирует полицию и телеграф, а также транспортный отдел военной разведки. Если бы не немцы, страна была бы быстро поглощена большевиками. Естественно, это создает чрезвычайно затруднительную и ненормальную обстановку, поскольку латышский народ исторически настроен антинемецки и эти чувства были усилены действиями германской военной разведки во время войны. Фон дер Гольц сообщает нам, что немцы находятся здесь согласно ст. 12 Соглашения о перемирии, а также в целях международной борьбы против большевиков, которые угрожают западной цивилизации и западной культуре.

Нынешнее правительство де-факто Латвии крайне слабо и не представляет латышский народ. Оно было бы немедленно свергнуто, если бы состоялись народные выборы. Оно является самозванным правительством, созданным партийными вождями и людьми, которые взяли дела в свои руки в Риге и впоследствии были изгнаны из города наступлением большевиков. Оно было признано Германией в декабре. Прибалтийские немцы и социалисты также относятся к нему с неприязнью, и только буржуазия неохотно поддерживает его. В то же время это единственная организация, с которой мы имеем дело, и оно должно быть поддержано как фактическое национальное правительство или организация Латвии, но не должно быть признано в настоящее время.

28 апреля 1919 г.

Командование фронтом и некоторыми операциями против большевистских сил находится в руках генерала фон дер Гольца, который является также военным губернатором Лиепая. Он представляет собой единственную силу в стране, которая обладает исполнительной властью. По-видимому, между латвийским правительством и германским командованием не имеется четкого соглашения относительно пределов зоны операций или управления территорией, не входящей в нее.

Высшая политическая власть в Латвии, по крайней мере формально, принадлежит Временному правительству де-факто, назначенному латвийским Народным советом в Риге 18 ноября 1918 г. Оно состоит из 12 членов, все — латыши; прибалтийские немцы, евреи и русские не представлены. Правительство не обладает мандатом от народа, что дает основание считать его не более чем фактически управляющим органом. Германское верховное командование, однако, специальным договором признало латвийское правительство как формально суверенное.

...16 апреля в Либаве латвийский кабинет был насильственно свергнут, а его учреждения заняты батальоном прибалтийских немцев, только что вернувшихся с фронта. 2 члена правительства были арестованы, остальные нашли убежище, в основном у союзников. Германские части разоружили также латышских офицеров и солдат и разграбили их жилища.

Рекомендации. Необходимо, чтобы союзные державы объявили германскому командованию и латвийскому правительству (через его премьер-министра), что они желают восстановления прежнего кабинета, однако это требование должно быть удов-

летворено таким образом, чтобы в восстановленный кабинет были включены представители различных национальностей Латвии, с тем чтобы сделать его представительным. Это должно быть сделано из гуманных побуждений в целях избежания революции и кровопролития. Несомненно, что прежний кабинет не являлся представительным и был слаб — это было налогом обложение без представительства.

Военное положение имеет решающее значение. Около 1/3 территории, на которую претендует Латвия, очищено от большевиков. Фронт вдоль р. Лиелупе от Рижского залива до Литвы держат против них германские, прибалтийско-немецкие и латышские части (20 000 немцев, 3800 прибалтийских немцев, 3000 латышей и 300 русских). Решающим фактором в этой борьбе являются германские войска и германское командование. Вывод германских войск без замены их какой-либо равноценной силой означал бы передачу страны большевикам.

Преимущества, проистекающие для Германии благодаря пребыванию здесь ее военных сил, следующие:

- 1) защита Германии от большевизма;
- 2) сохранение в боеспособном состоянии находящихся вне Германии войск на случай крайней необходимости;
- 3) держа в руках «мосты на Восток» или сохраняя германское влияние на Балтийском побережье, являющемся коммерческим плацдармом для «прыжка» в Россию, Германия в настоящее время обращается на Восток, что обуславливается вынужденными обстоятельствами и угрозой бойкота со стороны союзников. Естественный путь для Германии в Россию со времени создания буферных государств — Польши, Чехословакии и других — лежит поэтому через Латвию. Помимо того что она держит эту дорогу открытой посредством контролирующего германского влияния в единственной незамерзающей гавани Латвии и России — Либаве, она также блокирует единственные ворота для проникновения союзной торговли в Россию.

О. Н. Солберт

В мае 1919 г. советские войска оставили Ригу и Советское правительство переехало в Резекне. В Литве и Белоруссии попытки советских войск отбить у противника Каунас и Гродно не имели успеха, и в конце февраля фронт стабилизировался. Бессарабия еще в апреле 1918 г. была оккупирована Румынией. Весной 1919 г. началось наступление польских войск по всему фронту. В апреле — августе они захватили

почти всю Белоруссию (до линии рек Западная Двина и Березина) и часть Украины (до линии Новоград-Волинский — Проскуров — Могилев-Подольский). В начале января 1920 г. окончательно пала Советская власть в Латвии. В течение 1920 г. Советскому правительству пришлось признать прибалтийские буржуазные государства и заключить с ними мирные договоры. 2 февраля такой договор был заключен с Эстонией, 12 июля — с Литвой, 11 августа — с Латвией. 14 октября мирный договор был подписан с Финляндией.

Между тем Польша (заключив 21 апреля договор с петлюровской Директорией, по которому в обмен на признание петлюровского правительства ей отходила Восточная Галиция, Западная Волынь и часть Полесья) 25 апреля 1920 г. начала новое наступление на фронте от Припяти до Днестра, захватив Житомир, Коростень, Киев и выйдя на левый берег Днепра. В середине мая фронт стабилизировался на линии южнее Киева — Ямполь. В конце мая советские войска перешли в наступление, в ходе которого не только освободили потерянные в апреле — мае территории, но продвинулись далеко на запад (была освобождена и юго-восточная часть Литвы по линии Браслав — Вильнюс — Гродно, которая была захвачена поляками в том же году). 11 июля министр иностранных дел Великобритании лорд Керзон потребовал от Советского правительства прекратить наступление на линии, получившей впоследствии его имя.

Эта линия, проходившая через Гродно — Яловку — Немиров — Брест-Литовск — Дорогуск — Устилуг, восточнее Грубешова, через Крылов и далее западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат, была установлена в декабре 1919 г. Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши. Она в основном соответствовала этнографическому принципу, а также границе между губерниями бывшего Царства Польского и западными губерниями России, т. е. той границе, которая существовала до 1815 г. (только часть Гродненской губернии с Белостоком и Бельском отходила к Польше). Кроме того, Польша лишалась права на всю Западную Украину (с Тернополем, Львовом, Дрогобычем, Станиславом и Коломойей).

10 июля 1920 года на конференции держав Антанты в Спа Польша согласилась признать эту границу. Более того, 17 июля Советское правительство заявило, что если Польша обратится с предложением начать переговоры, то оно согласно даже на некоторые отступления от линии Керзона в пользу Польши (а советские войска подходили тогда ко Львову, Холму и самой Варшаве). Однако польское правительство, воспользовавшись изменившимся во второй половине августа положением на фронте (поражение советских войск под Варшавой), отказалось от своих обязательств. Военные действия продолжались до 18 октября. 18 марта 1921 г. был подписан Рижский мирный договор, по которому к Польше отходили огромные территории восточнее линии Керзона. Очевидно, что такое решение, на которое вынуждено было пойти Советское правительство, было явно несправедливым, причем и с точки зрения европейских держав, признававших справедливой границу по линии Керзона. Эти-то территории, восстанавливая историческую справедливость и предотвращая их захват фашистской Германией, и принял Советский Союз под свою защиту в сентябре 1939 г. Подписанный 16 августа 1945 г. в Москве советско-польский договор об окончательном определении границы в основном соответствовал определению ее по линии Керзона.

Положение Рижского договора об обеспечении равноправия русского, белорусского и украинского населения Польши и развития их культуры и языка польской стороной выполнено не было. Это вызвало упорную борьбу белорусско-украинского населения против польского господства. Только за один 1922 год произошло 878 партизанских выступлений. В 1932 г. против восставших крестьян на Львовщине и Волыни были брошены тысячи солдат и авиация.

АНТИСОВЕТСКИЙ «САНИТАРНЫЙ КОРДОН»

В соответствии с планами Запада действенным инструментом борьбы против Советской страны должны были стать новые государства, созданные на западных территориях бывшей Российской империи, а также Румыния, захватившая в 1918 г. Бессарабию (эту аннексию СССР никогда не признавал).

Признание независимости Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши Советской властью было осуществлением на практике ленинских положений о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения, и открыло новую страницу в долгой истории отношений этих народов с другими народами России.

Образование независимых капиталистических государств сопровождалось подъемом национальной буржуазии этих стран, распространением идей буржуазного национализма. К этому были свои основания. Обретя свою государственность, Эстония и Латвия развивали национальные общественные институты, которых ранее никогда не существовало. Обретение полной независимости Финляндией, восстановление государственности Литвой и Польшей в условиях буржуазного строя способствовали усилению националистических настроений.

Это проявлялось прежде всего в отношении тех, кто в новых государствах стал национальным меньшинством. Доля такого населения была значительна. Так, в Польше на долю непольского населения приходилось около 40% (главным образом украинцы, белорусы, литовцы, немцы). Большая часть населения приходилась на национальные меньшинства и в Прибалтике. Лишь игнорирование прошлого создает впечатление о том, что население этих республик до 1940 г. состояло только из эстонцев, латышей и литовцев.

В 30-х гг. в Латвии национальные меньшинства составляли 26,6 проц. населения (в том числе: рус-

ские — 10,5 проц., евреи — 5,2, немцы — 3,8, поляки — 2,8, белорусы — 2,1 проц.). В Литве на их долю приходилось 16,1 проц. (в том числе: евреи — 7,6 проц., русские — 2,5, немцы — 1,4, латыши — 0,7 проц.). В Эстонии 12,4 проц. населения составляли неэстонцы (русские — 8,3 проц., немцы — 1,7, евреи — 0,4, прочие — 2 проц.).

Из ноты Наркоминдела БССР
министерству иностранных дел Польши

25 августа 1921 г.

Местные польские власти закрывают белорусские общественно-культурные учреждения без предъявления каких-либо обвинений, как, например, Гродненский белорусский комитет; запрещают культурно-просветительную работу (из 150 белорусских школ, бывших там ранее, осталось только 2). Жандармы избивают и арестовывают крестьян за составление приговоров об открытии белорусских школ. Так было, например, в дер. Малая Берестовица, Гродненской губ., где избili половину крестьян, а 16 арестовали.

Запрещается белорусам сноситься с учреждениями на белорусском языке. Местной администрацией запрещаются экономические организации самопомощи, как, например, кооперативы. Закрываются возникшие ранее кооперативы за ведение книг и делопроизводства не по-польски, а по-белорусски.

Съезды белорусских кооперативов закрываются, а инструкторы белорусской кооперации арестовываются.

В Гродненской губ. закрыто по распоряжению властей до 20 кооперативов (гор. Гродно, мест. Цыдайки, Дула, Цызвыки, Лунно и многие другие местечки).

Белорусским детским приютам не отпускают продуктов даже из того, что присылается разоренной Белоруссии иностранными благотворительными организациями. Все это передается польским учреждениям, опекающим детей, привлекающим таким образом голодных белорусских детей в польские учреждения, где их колонизируют.

Польские местные власти препятствуют рассылке белорусских газет, забирая их на почте. Читатели эти газеты считаются большевиками, хотя газеты не большевистские, у них производят обыски и им грозят арестами за чтение белорусских газет. Так делается, например, в Виленском уезде, Куренецком районе по распоряжению районного начальства. При переписи

в Виленском районе жителям, записывающимся белорусами, солтысы грозят арестом или высылкой в Советскую Россию. Инспектор Лидского уезда г-н Усс заявляет учителям, что с будущего года не потерпит белорусских школ.

15 мая с. г. по распоряжению директора департамента просвещения закрыта белорусская учительская семинария в Борунах.

Сообщение о колонизации и преследовании
белорусских учителей в Западной Белоруссии

Не ранее 19 апреля 1924 г.

В 1919 г. значительная часть белорусских учителей была интернирована в лагеря, а остальные разогнаны.

В 1922 г. для белорусских учителей были организованы курсы повышения квалификации в... Кракове. Учителей, которые не соглашались на выезд в Краков, уволили, а те, которые соглашались поехать, должны были дать обязательство, что после окончания курсов будут работать в польских школах.

И действительно, после окончания курсов в Кракове министерство просвещения направило белорусских учителей в польские школы: часть — в Польшу, а часть — на Волынь и в белорусские земли.

От учителей требуется свидетельство о благонадежности, выданное... старостой. Таким образом, от преподавательской деятельности отстраняются все те, в отношении «благонадежности» которых у местных властей — представителей крупных польских землевладельцев — возникают какие-либо сомнения.

Совершенно понятно, что в этих условиях часть белорусских учителей вообще оставила свою профессию, занялась другим трудом, даже физическим, часть эмигрировала в Латвию, Литву, а в основном — в Советскую Белоруссию, где имеются Белорусский государственный университет, Институт народного хозяйства, где все шире разворачивается белорусское школьное строительство.

Согласно опросу, проведенному школьным советом в Вильно за период с конца 1923 г. до 19 апреля 1924 г., в Польше оставалось еще около 150 белорусских народных учителей; из них около 30 работают в белорусских школах, около 10 — в польских, а остальные — безработные.

В отличие от Польши и Финляндии в новых республиках Прибалтики национальные меньшинства занимали большее место среди городского населения, чиновников государственной службы, что отражалось

долгую историю подчиненного положения этого края. В 1919 г. среди населения Риги латыши составляли 51,5 проц., немцы — 17, евреи — 13,5, русские — 7, поляки — 5 проц. В городах Литвы с населением свыше 2 тыс. человек литовцы составляли менее половины (43 проц.). В то время как 65 проц. латышей занималось сельским хозяйством (среди немцев так было 14 проц.), в промышленности было занято лишь 14 проц. всех латышей (27 проц. от всех немцев, 28 проц. от всех евреев), в торговле — 3,6 проц. латышей (19 проц. немцев, 49 проц. евреев). В Литве 85 проц. литовцев были заняты сельскохозяйственным трудом (58 проц. немцев, 6 проц. евреев); в промышленности работало 5 проц. литовцев, 17 проц. немцев и 22 проц. евреев; в торговле — 1 проц. литовцев, 3 проц. немцев и 30 проц. евреев.

Значительная часть государственных чиновников приходилась на представителей национальных меньшинств. Эти лица зачастую не владели местным языком. Особенно сильна была их прослойка в сфере правосудия. Здесь немцы занимали самые высокие посты. Большое место «чужестранное население» занимало и среди высококвалифицированных специалистов и интеллигенция. Так, в 1930 г. в Латвии 22 проц. всех врачей были немцы, 8,6 проц. — евреи, 7,6 проц. — русские. Тот факт, что лучшие школы Латвии были с преподаванием на языках национальных меньшинств, приводил к тому, что депутаты сейма отправляли своих детей учиться в русские или немецкие школы. Это было предметом разбирательства на заседаниях сейма.

Новые правительства осуществляли политику, направленную на ограничение привилегированного положения национальных меньшинств. Эстонский закон о земельной реформе лишил крупных наделов немецких баронов, но герпимо относился к эстонским землевладельцам. Подобным образом осуществлялась и земельная реформа в Латвии. Естественная забота правительств об укреплении национальных интересов сочеталась с дискриминационной политикой в отношении непривилегированных меньшинств. Это проявилось, в частности, в политике правительства Латвии в районах, населенных латгальцами. Развитие промышленности там тормозилось, а Латгалия превращалась в сырьевой придаток страны. Политика

«латышизации» привела к исключению латгальского языка из употребления. Аналогичное направление получила «эстонизация» районов с русскоговорящим населением в районе Нарвы.

Рост национализма, популярность авторитарных методов управления, правозкстремистской идеологии во многом определялись возросшим динамизмом новой буржуазии города и деревни, которая традиционно является социальной опорой правой идеологии. Это в сочетании с антисоветской и антикоммунистической направленностью политики этих стран благоприятствовало распространению влияния идей нового идейно-политического течения — фашизма.

Правящая в Литве партия националистов (таутининки) развивала связи с фашистской партией Италии. В Литве распространялась итальянская фашистская литература. Руководители литовского правительства рассуждали об общности государственных интересов Италии и Литвы. Орудием распространения в Латвии идеологии итальянского фашизма явилось созданное латышско-итальянское общество. В то же время правые партии новых республик постоянно говорили об особой форме их правой идеологии. Хотя президент Литвы А. Сметона выдвигал теорию средней линии между фашизмом и парламентским строем, он же провозглашал: «XX век — век фашизма».

Об истинном характере господствовавших политических сил свидетельствовало их поведение на протяжении 20 лет межвоенного периода. Когда демократические формы становились тесными для правых партий, они легко шли на их ликвидацию. В мае 1934 г. латвийское правительство Ульманиса установило неприкрытую фашистскую диктатуру. В Литве 17 декабря 1926 г. таутининки совместно с партией христианских демократов при поддержке армии совершили государственный переворот, создав фашистское правительство. В апреле 1927 г. таутининки распустили Сейм и удалили из правительства представителей христианских демократов. В 1928 г. таутининки обнародовали новую конституцию, по которой вся власть была сосредоточена в руках президента А. Сметоны. В 1927—1936 гг. Сейм в Литве не созывался, а избранный в 1936 г. парламент состоял исключительно из представителей партии националистов.

Победа партии вапсов («Союз ветеранов»), опиравшейся на прямую поддержку гитлеровской Германии, на выборах в Эстонии в октябре 1933 г. создала условия для установления фашистской диктатуры. И хотя лидеры аграриев К. Пятс и И. Лайдонер осуществили 12 марта 1934 г. переворот под лозунгом «защиты демократии», в стране фактически была установлена фашистская диктатура, только другой партии. Осенью 1934 г. парламент был распущен, а в 1935 г. запрещены все политические партии. Вместо них была создана фашистская партия «Изамаалийт» («Отечественный фронт»).

Переворот 12—14 мая 1926 г. в Польше привел к установлению диктатуры Пилсудского, которая сохранялась до его смерти в мае 1935 г. Были распущены независимая крестьянская партия и ряд других демократических организаций, в том числе представлявших интересы национальных меньшинств Польши.

Установление «королевской диктатуры» румынского короля Кароля II 10 февраля 1938 г., принятие конституции фашистского типа, в соответствии с которой были распущены политические партии и профсоюзы, означали усиление антинародной политики в отношении населения Бессарабии.

Новые режимы проводили политику репрессий против левых сил и в условиях фашистских диктатур, и под прикрытием поверхностного «демократического фасада». В 20—30-х гг. в Литве и Латвии были арестованы депутаты сеймов, представлявшие рабочие организации. Сами организации были вскоре запрещены. После фашистского переворота в Литве 27 декабря 1926 г. были расстреляны руководители компартии и комсомола. Многие организации компартии были разгромлены. В Латвии террор против подпольной компартии и других демократических сил усугубился после установления в 1934 г. диктатуры Ульманиса.

Из речи Ж. Спуре в Народном сейме
о государственной власти в Латвии

21 июля 1940 г.

Десятилетия, столетия народ Латвии пребывал в неволе, но особенно последние годы реакционного режима по-

ставили Латвию и ее народ в безвыходное положение. Мы в полном смысле слова находимся на краю бездны. Старое, плутократическое правительство бросалось от одной авантюры к другой и, таким образом, завело страну в тупик как в области внешней, так и внутренней политики. Результатом внутренней политики старого режима было то, что рабочий класс, крестьянство, трудовая интеллигенция были доведены до такого состояния, которое можно сравнить лишь со средневековым рабством. Они были лишены какой-либо возможности организоваться. Были ликвидированы даже те ничтожные права, которые существовали во времена старой, буржуазной демократии; царили полицейская дубинка и тюрьма. Насилие и произвол были основным и даже единственным орудием старого правительства в отношениях с народом.

Пока узкая правящая клика опустошала государственную казну, грабила государство, а также организации и общества трудового народа, в стране господствовали огромная безработица, народ Латвии впал в самую глубокую нищету. Насколько большой была безработица в Латвии, можно судить хотя бы по тому, что правительство, тщательно скрывавшее с помощью всевозможных средств и уловок фактическое положение, похвалявшееся в прессе о том, что в Латвии не только нет безработицы, но рабочей силы даже не хватает, — это правительство было вынуждено затем открыто признать, предать гласности тот факт, что только в Риге имеются тысячи безработных; это свидетельствует о том, что речь идет не просто о безработице, а что есть основание говорить о разрухе и голоде.

Половина фабрик работала в режиме сокращенной рабочей недели. Это тоже было проявлением безработицы. При содействии Центральн. труда, этого полицейского учреждения, рабочих хватили и отправляли в деревню, чтобы обеспечить жилищных дворохозяев дешевой рабочей силой. Разоряли семьи рабочих, не щадили даже их детей. А правящая клика прикарманивала тысячные суммы. Чтобы наполнить свои карманы, эти господа не гнушались ничем.

Приведу лишь некоторые факты.

Почти все частные долги власть имущих, родственников и друзей этой клики покрывались за счет государственных средств, а именно за счет средств Кредитного банка Латвии. Например, долги Я. Бенсона в сумме 32 000 лат, А. Петревича из Лиены — в размере 10 000 лат. Буркевичу были погашены долги в сумме 138 016 лат, ибо директор Кредитного банка признал это «по-человечески необходимым и по-государственному целесообразным». С народа дерут шкуру и, разрешите не

называть здесь вещи своими именами, суют в свой карман деньги! Но нет того чтобы обеспечить рабочим, безземельным и трудовой интеллигенции хотя бы минимальный летний отдых; их труд эти господа не признавали по-человечески необходимым и по-государственному целесообразным!

Социальное обеспечение стало пустым звуком, поскольку его основной целью являлись отнюдь не здоровье народа и охрана этого здоровья, а извлечение дохода различными «крестьянскими сыновьями». Средства больничных касс попадали в карманы жуликов. Средств на серьезное и целенаправленное лечение рабочих не было. Охрана труда стала выгодой, которой распоряжались господа. Несчастные случаи и увечья со смертельным исходом скрывались от общественности или представлялись в таком свете, что виновным оказывался сам рабочий. В случае смерти рабочего от несчастного случая его семья получает компенсацию в объеме лишь 30% зарплаты потерпевшего, тогда как в Советском Союзе в подобных случаях семье выплачивается пенсия в объеме 100% заработка.

К чему вела такая политика? К материальному и физическому уничтожению рабочего класса!

Единственным учреждением прежнего правительства — правительства Ульманиса, куда рабочий мог легко попасть, была тюрьма. И числом заключенных Латвия во времена прежнего правительства могла гордиться; в этом смысле она занимала первое место в Европе. В тюрьмах сидело более 4000 заключенных. Латвия была превращена в тюрьму народа! Я спрашиваю: желают ли кто-либо возвращения таких времен? Выборы 14 и 15 июля доказали, что таких нет. Даже упоминать об этой клике более не желают. То была горстка капиталистов, эксплуататоров и богатых землевладельцев, которые вели Латвию к гибели.

Крестьянство страдало не меньше, чем рабочий класс. Лишь ничтожная часть крестьянства — богатые дворохозяева, имевшие свободный доступ к опустошению государственной казны, грелись на «солнышке 15 мая 1934 г.». Остальная часть крестьянства, его большинство, была задавлена налогами, штрафами, принудительными отчислениями и продажами с молотка. Сдавая зерно и скот, крестьянин вместо денег получал только квитанции. Разжигалась вражда между деревней и городом. Крестьянам рассказывали, будто в их бедах и бедности виновны рабочие, а рабочим в свою очередь, что виновны крестьяне. Землю захватили в свои руки директора и высшие чиновники — люди, которые только во время летних отпусков выезжали в деревню погостить, а то время как истинный труженик должен был гнуть на них спину, — на получение земли он мог

рассчитывать лишь в случае смерти. Настоящего труженика учили терпеть и низко гнуть спину перед крупным хозяином. Я спрашиваю: хочет ли кто-нибудь возврата таких времен? 14 и 15 июля доказали, что и деревня этого не хочет. И никогда не захочет!

В деревне ждут земли. Крестьяне эту землю получают также от Сейма. Сейчас с ужасом вспоминается, в каких условиях нам приходилось жить. Так, крестьянин за литр молока получал 4—8 сантимов, а горожане платили 22 сантима. Куда девалась разница? Это мы узнаем из оставленных квитанций: эти сантимы превратились в тысячи лат и осели в различных сельскохозяйственных объединениях, а именно — в карманах клики имущих и их родственников.

В каком состоянии находилось народное образование? Здесь проводилась враждебная народу политика в самом ее неприглядном виде. Образование было доступно только богатым. Дети беднейших слоев не могли даже мечтать о среднем образовании. Даже 6-классное образование оставалось недоступным для детей рабочих. Из школ были уволены все прогрессивно настроенные работники. Учебные программы школ были реакционными. Из-за боязни проникновения прогрессивных идей из школьного преподавания был изъят даже русский язык.

Интеллигенция, работники искусства и культуры могли прославлять только старый, извращенный ульманисовский строй. Наука, искусство и культура были доведены до нелезлого низкого уровня. В литературе, скульптуре и театральном искусстве господствовала духовная нищета. В учреждениях науки, искусства и культуры подавлялись невежды и неучи — ставленники Ульманиса. Все творческое, новое, правдивое, а также любая инициатива безжалостно подавлялись. Истинно правдивого в области искусства, научной и культурной жизни этот период не дал. Существовало лишь одно — прославление враждебной латышскому народу клики. Работники науки, искусства и культуры были столь плохо обеспечены материально, что это трудно себе представить.

Тупая и алчная клика, пришедшая к власти 15 мая, не брезговала никакими средствами, чтобы как можно дольше просидеть на шее народа. Однако мера народных страданий оказалась исчерпанной. Теперь эта ненавистная власть свергнута и никогда больше не поднимется. Наступило новое время — время процветания хозяйства, науки, искусства и культуры. Разве ранее могло иметь место единение народа Латвии в политике, в хозяйственной и культурной жизни? Нет, не могло! Насаждался махровый шовинизм. Лагалия рассматривалась как колония

Латвии, откуда поставлялись дешевые рабы для крупных домохозяев и фабрик. Военнослужащим запрещалось разговаривать на родном языке. Представителей различных наций травлили друг на друга. Все это делалось от имени узкой, реакционной клики.

Из выступления В. Лациса в Народном сейме
по вопросу о вступлении Латвии в состав СССР

21 июля 1940 г.

Граждане — депутаты Народного сейма! Долгие годы народ Латвии был подчинен тиранической и продажной власти, долгие годы народ Латвии был лишен свободы. Клика врагов народа, угнетателей и вымогателей, вооружась грубой силой и прикрываясь хитрой националистической лицемерной и льстивой ложью, правила вопреки воле народа, душила и губила нашу родину, доводя ее до нищеты и разорения, держала ее в духовной темноте, гнала наастречу вымиранию, физической и хозяйственной гибели.

Жизнь рабочих Латвии была тяжела и беспросветна, полна унижений и бесправия. Мизерная зарплата, произвол полиции и предпринимателей, тревога за завтрашний день и за старость, безработица, которой сопутствовала голодная смерть, — такова была участь рабочих Латвии в эти годы злодейского бесправия. Трудовую интеллигенцию этот режим насилия угнетал не только экономически — он еще и подвергал ее тяжким унижениям и духовно уродовал. Судьбы рабочих и трудовой интеллигенции были схожими, и одинаковой была их ненависть к господствующему плутократическому режиму.

Неправильно и не полностью осуществленная аграрная реформа не обеспечила передачу всей земли в руки трудящихся, большая часть ее была оставлена в руках черных и серых баронов. Клика Ульманиса в период своего господства делала все возможное, чтобы восстановить положение, существовавшее до проведения аграрной реформы: насилием и хитростью она передала землю трудового крестьянства и государственные земли в собственность крупных землевладельцев. Трудовое крестьянство, широкие слои населения деревни или вовсе остались без земли и с восхода до заката солнца батрачили на серых баронов, или в беспросветной нужде влачили полуголодное существование в своих мелких хозяйствах.

Отягощенное выкупными платежами, лишенное возможности приобрести машины, трудовое крестьянство было вынуждено

обрабатывать свою землю устарелыми и нерациональными методами и неизбежно впадало в еще большую нищету. Плодами его труда пользовались стоявшие у власти капиталисты. Для широких народных масс цены на предметы первой необходимости росли столь высокими темпами, что зарплата огромного большинства рабочих позволяла им лишь голодать и влачить жалкое существование, а не жить нормальной человеческой жизнью. Но и трудовой крестьянин от такого повышения цен тоже ничего не получал: львиную долю от этой прибыли и повышения цен получали привилегированные посредники.

С возмущением наблюдал трудовой народ Латвии за тем, как прежняя реакционная клика вела страну навстречу еще большему разорению. Наибольшая хозяйственная активность этой банды проявлялась в разворовывании народного богатства Латвии. Захватив в свои руки народное богатство, плутократия прибрала к рукам и хозяйственную жизнь Латвии. Действительное положение дел не в состоянии была скрыть даже фальсифицированная официальная статистика.

Целью внутренней политики Ульманиса было посадить богачей на шею трудящихся. вновь создаваемые частномонополистические акционерные общества с помощью установленных ими закупочных и продажных цен оказывали тяжелое давление как на рабочих, так и на трудовое крестьянство и трудовую интеллигенцию. То был насос, который перекачивал плоды народного труда и государственные резервы в карманы новоявленных богачей. Такие основанные за счет государственных средств хозяйственные организации, как, например, «Бэкон-экспорт», имели общую ежегодную прибыль от основного капитала до 220% в год.

Эта политика высасывания соков из трудящихся сказывалась и на жизнеспособности народа — в сокращении прироста населения. Статистика приводит данные о росте смертности новорожденных — с 7,6% в 1933 г. до 8,5% в 1939 г.

Плутократия довела до последнего предела политику завинчивания гаек; особенно сильным притеснениям и даже ликвидации подвергались беднейшие налогоплательщики. С 1933 по 1940 г. общая сумма налога с оборота возросла с 9,8 млн. лат до 12,355 млн. лат, причем количество налогоплательщиков за последний год сократилось на 2000 человек.

Лечение через посредство больничных касс все более ограничивалось. В области попечительства над детьми неимущих родителей стали применяться методы рабовладельческого строя. Попечительство над престарелыми превратилось в насмешку. Лозунгом клики богачей, сидевшей на шее народа, был: блага — себе, тяготы — другим.

Отдельные отрасли промышленности нашей страны в результате преступной экономической политики были доведены до банкротства и в последние дни прежнего режима находились под угрозой полной остановки. Безработица и голод угрожали 6000 рабочих семей в текстильной промышленности.

Рабочая семья из 4—5 членов в результате повышения цен на товары первой необходимости была вынуждена переплачивать 60—80 лат в месяц, что составляло дефицит в бюджете рабочей семьи примерно 40—60 лат в месяц. В то же самое время зарплата директоров достигала многих тысяч лат; например, директор Кредитного банка Берзинш получал 15000 лат в месяц.

Народные доходы сокращались, зато возрастала задолженность. Одновременно возрастала хозяйственная зависимость Латвии от иностранных капиталистов — банкиров. Этого не отрицает и официальная статистика, свидетельствующая о том, что прибыль, ультивавшая за границу, непрерывно возрастала. Экономическая, а значит, и политическая зависимость Латвии от иностранного капитала приводила нашу страну к полному политическому краху, превращая господствующую клику в иностранных агентов, а нашу страну — в объект интриг империалистических хищников.

Бывшая преступная правящая клика Латвии всеми силами стремилась изолировать Латвию от народов Советского Союза. Из капиталистических стран в Латвию регулярно поступали все реакционные и вредоносные для латышского народа газеты, зато запрещено было буквально любое печатное слово, в котором говорилось о Советском Союзе. Запрещены были даже напечатанные в Советском Союзе издания классиков мировой литературы и учебники; таким образом, эта слепая ненависть была доведена до абсурда.

В школах Латвии запрещалось изучение русского языка. В латвийской армии насаждалось мнение о том, будто СССР враждебен латышскому народу и его суверенитету.

Прежняя реакционная правящая клика, господствовавшая над народом Латвии против его воли, старалась всевозможными средствами проводить политику межнациональной розни. У национальных меньшинств было отнято право свободно пользоваться родным языком, их школы закрывались, преследовалась их национальная культура, были ограничены их экономические права. Старое правительство не только не укрепляло дружбу между народами, но насаждало дух шовинизма и национальной вражды.

4 мая 1922 г. был расстрелян один из организаторов и руководителей Эстонской компартии В. Э. Кия-

гисепи. Жестокими репрессиями было отмечено подавление перводекабрьского восстания 1924 г. в Таллинне. В течение двух — трех месяцев было расстреляно несколько сот рабочих, а свыше 2 тыс. было арестовано.

Кровавыми расправами было отмечено подавление революции и установление буржуазного режима в Финляндии. После подавления революции до 90 тыс. ее участников было заключено в тюрьмы и концлагеря, где около 15 тыс. умерло от болезней и голода, около 20 тыс. было казнено. Хотя на выборах в Сейм Финляндии в 1922 г. было избрано 27 депутатов от Социалистической рабочей партии, все они были арестованы в августе 1923 г., а в начале 1925 г. партия была запрещена. В 1930 г. были ликвидированы профсоюзы, депутаты парламентской фракции Союза рабочих и мелких землевладельцев, обвиненные в коммунистической деятельности, были арестованы, а сейм распущен. В октябре 1930 г. финский сейм утвердил антикоммунистические законы.

Непрекращавшиеся выступления трудящихся Бессарабии против оккупантов неоднократно приводили к массовым выступлениям, таким, как Хотинское восстание 1919 г., Бендерское восстание 1919 г., политические стачки рабочих Кишинева, массовые крестьянские выступления 1920—1923 гг. Попытка восстановить Советскую власть в Бессарабии в ходе Татабунарского восстания в сентябре 1924 г., охватившего весь юг оккупированного края, была беспощадно подавлена. Только по официальным данным, при подавлении восстания было расстреляно более 3 тыс. человек. Процесс над 500 участниками восстания румынские власти пытались превратить в крупную антисоветскую провокацию.

Все эти проявления различной степени антидемократичности и репрессивности режимов в странах «санитарного кордона», давно запечатленные историками, упорно игнорируются ныне в антисоветской пропаганде, изображающей события 1939—1940 гг. как действия СССР против свободных и демократических стран, расположенных к западу от его границ.

Проведение антидемократической политики и антикоммунистических репрессий сопровождалось антисоветскими кампаниями, что затрудняло создание климата доверия на западных границах СССР. С пер-

вых же дней их существования новые государства использовали Запад в качестве плацдарма для организации различных походов и провокаций против Советской страны. Договор 1920 г. между Англией, Францией, Италией, Японией, с одной стороны, и Румынией — с другой, санкционировал незаконную аннексию Бессарабии. Опираясь на поддержку Запада, Румыния отвергла советские протесты. На территории Польши размещались вооруженные отряды Петлюры, Булак-Балаховича и других, совершавшие нападения на советскую территорию. В 1921—1922 гг. белофинские части предприняли новую попытку закрепиться в Северной Карелии.

В середине 20-х гг. предпринимаются попытки заключить военный союз между Финляндией, Польшей, Латвией и Эстонией, направленный против СССР (конфликт Польши с Литвой, после того как в октябре 1920 г. польские войска заняли Вильно и Виленьский край, привел к исключению Литвы из этих комбинаций). Нападение на советских дипломатических курьеров в феврале 1926 г. в Латвии свидетельствовало о размахе антисоветизма в этой стране. В результате этого нападения был убит дипломатический курьер Теодор Нетте.

Невзирая на эти и другие провокации, СССР предпринимает усилия по нормализации отношений со своими западными соседями. В ответ на предложение СССР, сделанное в начале 1926 г., заключить договоры о ненападении с Польшей, Литвой, Латвией, Эстонией, Финляндией эти страны предложили подписать коллективный договор с СССР. Это представляло собой новую попытку создания единого фронта прибалтийских стран, противостоящего Советской стране.

Однако известный прогресс в улучшении отношений СССР с соседями был достигнут. 28 сентября 1926 г. был подписан договор о дружбе и нейтралитете между СССР и Литвой, единственной страной, в силу конфликта с Польшей оказавшейся отстраненной от антисоветских блоков. Однако после заключения этого договора Англия закрыла Литве кредиты. Вскоре в Литве произошел государственный переворот.

9 марта 1927 г. был парафирован договор о нейтралитете между СССР и Латвией, а 2 июня 1927 г. был подписан советско-латвийский торговый договор.

Но одновременно предпринимались усилия по укреплению антисоветской направленности в политике стран «санитарного кордона». Заключенный 3 марта 1921 г. польско-румынский союз, предусматривавший совместное выступление этих стран против Советской страны, был возобновлен в 1926 г. 10 июня 1926 г. был подписан франко-румынский договор, гарантировавший границы Румынии, которые охватывали Бессарабию. 16 сентября подобный договор был заключен между Румынией и Италией. В 1927 г. происходит серия нападения на советских дипломатических работников в Варшаве. В результате одного из них был убит советский посол в Польше П. Л. Войков. Огромная территория, которая до 1917 г. являлась частью России, населенная народами, имевшими тысячелетние традиции добрососедства с русским, украинским и белорусским народами, превратилась в цепь государств, в большинстве которых господствовали авторитарные или фашистские режимы, с готовностью участвовавшие в антисоветских блоках, создаваемых ведущими империалистическими державами.

Трудности в сохранении равновесия во внешнеполитическом курсе наглядно проявлялись в советско-германских отношениях той поры. Стремление выиграть время и, оттянув нападение империалистов, укрепить положение Страны Советов определило решение подписать в Рапалло 16 апреля 1922 г. договор между РСФСР и Германией. Этот договор позволил положить конец политической и экономической блокаде Советов со стороны Запада и явился основой для развития взаимовыгодных германо-советских отношений.

В том же году между Советской Россией и Германией было заключено другое соглашение, носившее тайный характер, известное в трудах западных историков под названием «договора Радека — фон Секта». «Договор» предусматривал подготовку кадров рейхсвера и организацию военного производства для нужд германской армии на советской территории.

Предполагалось, что военное сотрудничество поможет Красной Армии в подготовке своих кадров. Рейхсвер же мог производить на территории СССР оружие, запрещенное Версальским договором, и осуществлять подготовку военного персонала в использовании этого оружия. Ссылаясь на свои источники и иссле-

дование американского историка Джоффри Бейли, западногерманский историк Пауль Карелл (это псевдоним бывшего сотрудника рейхсминистерства иностранных дел при Риббентропе Пауля Шмидта) описывал отдельные аспекты тайного советско-германского военного сотрудничества в 1923—1933 гг.: «В 1924 г. фирма «Юнкерс» производила несколько сотен металлических самолетов в год в подмосковном пригороде Фили. Очень скоро более 300 тыс. снарядов в год производилось на реконструированных арсеналах в Ленинграде, Туле и Златоусте. Отравляющий газ производился фирмой «Берзоль» в Троцке (ныне Гатчина), а подводные лодки и бронированные корабли строились и спускались на воду в доках Ленинграда и Николаева. В 1926 г. более 150 млн. марок, почти треть бюджета рейхсвера, шло на закупку вооружений и боеприпасов в СССР».

П. Карелл сообщал, что в период между 1922 и 1930 гг. в распоряжение Германии были переданы ряд центров по подготовке и обучению германских военных, центр по подготовке германской авиации около Липецка, школа химзащиты в Саратове, школа по подготовке танкистов в Казани.

Почему Советское правительство пошло на заключение этого секретного соглашения, которое нарушало и положение Версальского договора, и собственные декларации об отказе от тайной дипломатии? Во-первых, следует учесть, что, в отличие от Германии, Советская страна не была участницей Версальского договора. Более того, Советское правительство постоянно осуждало этот договор как пример империалистического разбоя и грабежа. Во-вторых, Советское правительство расценивало все соглашения с любым капиталистическим правительством как временные. Для такого соглашения было характерно невнимание и к правовым и этическим аспектам, и к его возможным отдаленным последствиям. Последующие события показали, что если подписание «договора Радека — фон Секта» в период, когда Германия была слаба, возможно, имело определенный смысл, то последующее выполнение его обязательств, по мере того как крепла экономическая и военная мощь Германии, создавало опасность для жизненных интересов СССР. По мнению П. Карелла, подготовка кадров для вооруженных сил Германии на территории Советской Рос-

сии существенно помогла в воссоздании вермахта в 30-е годы. Пилоты и штурманы, обучившиеся на базе в Липецке, оказались теми, кто составил ядро новых военно-воздушных сил третьего рейха. Первые образцы истребителей и легких бомбардировщиков, которые были пущены в массовое производство в 1933 г. после создания люфтваффе, были испытаны в Липецке. По оценке П. Карелла, «без Липецка Гитлеру потребовалось бы еще десять лет, чтобы создать современные военно-воздушные силы».

Видимо, в 1922 г. не только не просчитывали последствия этого соглашения через два десятилетия, но и не особенно верили в его прочность. Английский историк А. Тейлор справедливо отмечал: «В германо-советской дружбе не было искренности, и обе стороны знали об этом». Тем меньше надежд было у Советского правительства сохранить мирные отношения со странами Запада, не желавшими признавать законность советского строя. Какие бы разногласия ни разделяли советских руководителей по поводу срока нападения империалистов на Советскую страну, все они сходились в одном: угроза новой интервенции была неотвратима. Отмечая изначальную враждебность Запада к Советской России, А. Тейлор писал: «Западные державы ввязались в интервенционистские войны против большевистского правления, даже когда война против Германии еще продолжалась; потом они поощряли «санитарный кордон» из государств на западной границе России; наконец, они придерживались политики непризнания, даже после того, как они с неохотой открыли дверь для ограниченной торговли с Россией...» Теоретически отношения между Советской Россией и европейскими державами были состоянием временно приостановленной войны. Следует отметить, что враждебная политика империалистических держав в отношении Советской Республики была обусловлена не только классовым антагонизмом по отношению к новому строю, но и последовательным продолжением антироссийской политики. А. Тейлор отмечал, что «многие западные государственные деятели почувствовали облегчение, когда Россия исчезла. Хотя она была полезным противовесом против Германии, она была трудным союзником. В течение двадцати лет франко-русского союза Франция уклонялась от удовлетворения русских требова-

ний в отношении Константинополя. Они с большой неохотой уступили в 1915 г., но были рады отречься от своего обещания времен войны. Англичан меньше беспокоил Константинополь, но у них были свои проблемы с Россией на Ближнем и Среднем Востоке. Послевоенная коммунистическая пропаганда в Индии ни в какое сравнение не шла с угрожающей деятельностью России в Персии. Помимо этих специфических вопросов, международные дела всегда решались легче без русского участия».

Состояние «временно приостановленной войны» против всего мира империализма, при котором были возможны лишь временные соглашения с одной из группировок будущих агрессоров против СССР, определяло содержание, стиль и методы внешней политики страны. Постоянным источником военной опасности являлась западная граница СССР, превращенная в так называемый «санитарный кордон». Еще 21 марта 1917 г., выступая на заседании имперского военного кабинета, министр иностранных дел Бальфур заявлял: «Если вы сделаете абсолютно независимую Польшу... вы отрежете Россию от Запада. Россия перестанет быть фактором в западной политической жизни или почти перестанет». Это заявление определяло на многие годы вперед и основную антироссийскую (антисоветскую) цель политики Запада, и роль, отведенную бывшим западным провинциям России, а затем соседям СССР, в антисоветском курсе империалистических держав.

НА ПУТИ К РЕВАНШУ

Угрозу, которую представляли объединенные силы балтийско-польского и польско-румынского блоков для Советской страны, нельзя было недооценивать, особенно в случае военного или политического ослабления СССР. Выступая на XV съезде РКП(б), Народный комиссар по военным и морским делам К. Е. Ворошилов с беспокойством констатировал военное отставание СССР от Польши. (В 1927 г. количество танков в Красной Армии было меньше, чем в армии Польши.)

В то же время, являясь удобным плацдармом для агрессивного нападения на Советский Союз, малые страны, составившие «санитарный кордон», сами по себе не представляли смертельной угрозы для СССР. Роль возможного агрессора против Советского Союза могла выполнить прежде всего Германия, которая уже попыталась в 1914—1917 гг., а затем зимой 1918 г. поработить территории России.

Поражение Германии в первой мировой войне завершилось грабительским Версальским договором. Главные победители в войне — участники Антанты — следовали империалистическому курсу порабощения и грабежа чужих народов. Добившись победы в войне ценой 10 млн. убитых, 20 млн. раненых и 10 млн. погибших от голода и эпидемий, западные «демократии» стали расширять свои гигантские колониальные империи за счет поверженных стран. Колонии Германии в Африке и в Океании, бывшие владения Османской империи на Ближнем Востоке стали предметом дележа между двумя крупнейшими колониальными державами — Англией и Францией. Воздержавшись от захвата чужих территорий, Соединенные Штаты, разбогатевшие на войне (сумма чистого дохода от войны американских монополий составила 27,3 млрд. долларов), нашли более верный способ

укрепления своих гегемонистских планов путем экспансии своего капитала (все капиталистические страны задоликали США свыше 14 млрд. долларов). Многие предприятия Западной Европы переходили под контроль американских компаний.

По условиям мирного договора, подписанного в Версале 28 июня 1919 г., Германия не только теряла свои колонии, но также область Эльзаса и Лотарингии, захваченную ею в 1871 г., округа Мальмеди, Эйпен, Шлезвиг, часть восточных земель, в том числе город Мемель (Клайпеда). Город Данциг объявлялся вольным городом. Саар на 15 лет передавался Франции. Рейнская область объявлялась демилитаризованной. Положение Германии как побежденной страны, осужденное Советской страной Версальского договора создавало условия для развития советско-германских отношений на основе равноправия и взаимной выгоды. Однако это не входило в планы влиятельных финансовых кругов Запада.

Один из тех, кто первым изложил программу экспансии германских монополий на восток, был Парвус (А. Л. Гельфанд). Человек необыкновенной судьбы, сменивший за свою 55-летнюю жизнь несколько гражданств и идейно-политических платформ, Парвус был и видным деятелем германской социал-демократии, и членом меньшевистской партии России, и крупным финансистом Османской империи, и руководителем датской фирмы, осуществлявшей контрабандную торговлю между Россией и Германией во время мировой войны. Автор политической теории перманентной революции и экономической теории долгих циклов, Парвус, по свидетельству составителей Полного собрания сочинений В. И. Ленина, вскоре после первой российской революции «отошел от социал-демократии; во время мировой империалистической войны — шовинист, агент германского империализма, занимавшийся крупными спекуляциями, наживаясь на военных поставках».

Извлечь максимальные выгоды из военного поражения Германии, подчинить эту страну своим политическим интересам и направить ее экспансию в направлении России — эти цели во многом определяли планы влиятельных финансовых кругов стран Запада. Важным этапом в создании единого антисоветского фронта западных держав явилась Локарнская кон-

ференция 1925 г. Соглашения, подписанные в Локарно Англией, Францией, Германией, Италией, Бельгией, предусматривали гарантию их участниками границ между Германией и Францией. Одновременно в Локарно были обсуждены возможные варианты участия Германии в антисоветских акциях путем прямого участия в войне, пропуска войск к советским границам через германскую территорию и участия в экономических санкциях против СССР. И хотя Германия отказалась связать себя антисоветскими обязательствами, рейхсканцлер Лютер официально подтвердил в Локарно, что Германия «никогда не заявляла, что она при любых условиях останется бездейственной».

Несмотря на осторожную позицию Германии, западные державы выражали удовлетворение сдвигом во внешней политике этой страны после Рапалло. Министр иностранных дел Англии Ормсби Хор заявлял: «Значение Локарно огромно... Оно означает, что нынешнее германское правительство отходит от России и связывает свою судьбу с западными державами». Резолюция XIV съезда ВКП(б) так охарактеризовала соглашения, подписанные в Локарно: «Относительная стабилизация и так называемое «замирение» Европы под гегемонией англо-американского капитала привели к целой системе экономических и политических блоков, последним из которых являются конференции в Локарно и так называемые «гарантийные договоры», острием своим направленные против СССР».

Пока империалистические державы Англии и Франции разрабатывали планы того, как организовать германскую экспансию против СССР на основе сохранения Версальской системы, в Германии уже укрепилась партия, провозгласившая борьбу и против Версаля, и за экспансию на Востоке в качестве своих основных политических целей. Создание 5 января 1919 г. в Мюнхене малочисленной организации под названием «Германская рабочая партия» не вызвало особого интереса. Тем меньше внимания привлек факт вступления в ряды новой партии 12 сентября 1919 г. бывшего ефрейтора разбитой кайзеровской армии Адольфа Гитлера. Новый член партии вскоре добивается того, что на своем съезде 24 февраля 1920 г. партия принимает программу, разработанную им лично. Программа состояла из 25 пунктов и оставалась неизменной вплоть до роспуска партии в 1945 г.

Переименованная 29 июля 1921 г. в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (НСДАП), реваншистская организация устраивает в ночь на 8 ноября 1923 г. путч в Мюнхене. После его разгрома руководители НСДАП во главе с А. Гитлером были заключены в тюрьму. Находясь в заключении, Гитлер пишет книгу «Майн кампф» («Моя борьба»), в которой детально излагает планы экспансии Германии в случае прихода к власти национал-социалистов. В этой книге, общий тираж которой к 1945 г. составил 6,5 млн. экземпляров, провозглашалось: «...мы, национал-социалисты, совершенно сознательно подводим черту под внешней политикой, которой следовала предвоенная Германия. Мы начинаем там, где мы остановились шестьсот лет назад. Мы прекращаем вечное германское движение на юг и запад Европы и поворачиваем наши взоры к землям на востоке. Мы, наконец, кладем конец колониальной и торговой политике предвоенных времен и переходим к территориальной политике будущего. Когда мы сегодня говорим о территории в Европе, мы можем думать прежде всего о России и о пограничных государствах, являющихся ее вассалами». Идеи, впервые выдвинутые бывшим социал-демократом, а затем финансистом Парвусом, получали эмоциональную окраску в книге, не скупившейся на проклятия в адрес как социал-демократов, так и финансистов.

Используя широкое недовольство германского народа обострением социально-экономических проблем, особенно усилившихся под воздействием грабительской политики держав-победительниц под эгидой Версальского договора, национал-социалисты провозглашали свое намерение компенсировать потери 1918 г. в ходе захватов на востоке.

Вождь НСДАП (с 1933 г. — рейхсканцлер, а с 1934 г. — фюрер германской нации) декларировал возрождение захватнической политики, которую под лозунгом «Дранг нах Остен» («Марш на Восток») осуществлял Ливонский орден (филиал Немецкого, или Тевтонского, ордена), созданный в 1237 г. на прибалтийской земле. Советская Россия и пограничные с ней государства, которые Гитлер считал «вассалами» СССР, становились объектами будущих захватов Германии.

Он утверждал, что «великая империя на востоке созрела для крушения. Конец еврейского правления в России будет также концом России как государства... Миссия национал-социалистического движения состоит в том, чтобы пробудить такое политическое восприятие реальности, чтобы наша цель в будущем виделась... в прилежном труде германского плуга, которому меч всего лишь вернет землю».

После прихода к власти нацистов советско-германские отношения резко ухудшились. Попытки привлечь СССР к ответственности за организацию поджога рейхстага в ходе Лейпцигского процесса, аресты советских людей, находившихся на территории Германии, и обыски на их квартирах происходили, несмотря на энергичные протесты Советского правительства. Советская печать выражала свое возмущение террором, который обрушился на коммунистов, а затем и социал-демократов, антисемитскими репрессиями. Общественное мнение страны выражало солидарность с Г. Димитровым, Э. Тельманом и тысячами других жертв нацистских преследований. Военное сотрудничество СССР с Германией было прекращено. Прекратился и ряд форм научно-технического и экономического сотрудничества. Выступая на четвертой сессии ЦИК СССР 29 декабря 1933 г., наркоминдел СССР М. М. Литвинов отмечал, что прежние отношения с Германией стали неузнаваемыми.

Отдавая себе отчет в том, что фашизм представляет собой форму крайне правой реакции буржуазии против революционных сил, советское руководство 30-х гг. в то же время в своей внешней политике не делало особых различий между капиталистическими странами, подавляющее большинство которых не скрывало своей неприязни к СССР, и стремилось поддерживать отношения с любой из них в интересах отсрочки новой войны. Поэтому Советский Союз держал открытой дверь для любых шагов в сторону нормализации отношений с Германией. Однако эти шаги было трудно сделать ввиду заведомо антисоветской направленности политики руководителей третьего рейха. Это подчеркнул И. В. Сталин, выступая с Отчетным докладом на XVII съезде ВКП(б): «Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в

Италии не мешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной. Дело также не в мнимых изменениях в нашем отношении к Версальскому договору. Не нам, испытавшим позор Брестского мира, воспевать Версальский договор. Мы не согласны только с тем, чтобы из-за этого договора мир был ввергнут в пучину новой войны... Нет, не в этом дело. Дело в изменении политики Германии. Дело в том, что еще перед приходом к власти нынешних германских политиков, особенно же после их прихода, в Германии началась борьба между двумя политическими линиями, между политикой старой, получившей отражение в известных договорах СССР с Германией, и политикой «новой», напоминающей в основном политику бывшего германского кайзера, который оккупировал одно время Украину и предпринял поход против Ленинграда, превратив прибалтийские страны в плацдарм для такого похода, причем «новая» политика явным образом берет верх над старой. Нельзя считать случайностью, что люди «новой» политики берут во всем перевес, а сторонники старой политики оказались в опале.

Из этого заявления И. В. Сталина следовало, что если бы Германия отказалась от подготовки агрессии против СССР (возрождения кайзеровской политики 1918 г.), то Советский Союз мог бы установить с фашистской Германией «наилучшие отношения», хотя Советское правительство далеко не в восторге от германского режима. С точки зрения опыта второй мировой войны сама мысль о «наилучших отношениях» с гитлеровской Германией кажется невозможной. Однако в 30-х гг. никто в мире не считал невероятным поддерживать отношения с третьим рейхом. Более того, за несколько месяцев до того как И. В. Сталин констатировал невозможность нормализовать отношения с Германией ввиду ее откровенного антисоветизма, нацистская Германия, фашистская Италия, Франция и Англия подписали в июне 1933 г. так называемый «пакт четырех», предусматривавший согласование политики четырех держав во всех спорных международных вопросах в Европе и вне ее.

Обвиняя советское руководство в нежелании осуществлять акции, направленные на создание единого антифашистского фронта, многие ныне исходят из опыта второй мировой войны, казалось бы, доказав-

шего несовместимость буржуазных демократий Запада и фашистских режимов. На деле общность классовой природы сближала эти две группы империалистических держав даже по морально-этическим принципам. Это понятно всем, кто объективно оценивает исторические факты, хотя и занимая антисоветские позиции. Это игнорируют те, кто в стремлении взвалить на СССР ответственность, вину за все беды, постигшие человечество, готовы беззастенчиво фальсифицировать историю. Английский историк А. Тейлор, не выражающий симпатий к СССР, признавал: «По своим принципам и доктринам Гитлер был не более зловредным и аморальным, чем многие другие современные государственные деятели. Он обогнал их всех по злым делам. Политика западных государственных деятелей в конечном счете покоилась на силе: французская политика — на сухопутной армии, английская — на военно-морской мощи... Если западная мораль и казалась более высокой, то это прежде всего из-за того, что это была мораль статус-кво; мораль Гитлера сводилась к аморальности ревизии».

Серьезный шаг в сторону сотрудничества с Германией сделала Польша. Представителей польских верхов привлекала возможность сотрудничества с Германией на общей базе антисоветизма. Выступая с лекцией о международном положении, видный польский помещик князь Сапега объявлял: «Перед нами встал вопрос — будем ли мы форпостом Европы, расширяющимся в восточном направлении, или станем барьером, преграждающим путь европейской экспансии на Восток. Господа, история уничтожит этот барьер, и наша страна превратится в поле битвы, где будет вестись борьба между Востоком и Западом. Поэтому мы должны стать форпостом Европы, и наша внешнеполитическая задача заключается в том, чтобы подготовиться к такой роли и всячески содействовать европейской солидарности и европейской экспансии».

Эти настроения польских правящих кругов были поддержаны в Берлине. Главная мысль Гитлера в ходе его беседы 15 ноября 1933 г. с послом Польши Минским сводилась к следующему: Польша должна сыграть роль бастиона Европы в отражении угрозы коммунизма. 26 ноября 1934 г. была подписана декларация о мирном разрешении споров сроком на 10 лет. В декларации за подписями германского ми-

министра иностранных дел Нейрата и Липского заявлялось об установлении прочной дружбы между Польшей и Германией.

Пытаясь нормализовать советско-германские отношения, правительство СССР 28 марта 1934 г. предложило Германии подписать протокол, которым обе стороны обязались бы воздерживаться от каких бы то ни было действий, могущих нанести прямой или косвенный ущерб независимости или неприкосновенности пограничных с ними прибалтийских республик. Германия отклонила советское предложение. Таким образом, не в 1937 г. (как это утверждают латвийские историки в «Атмодэ»), а значительно раньше Советский Союз предпринимает попытки договориться с Германией. Однако эти переговоры носили не тайный, а открытый характер и имели, в частности, целью обезопасить обстановку в Прибалтике.

Отказ Германии от советских предложений свидетельствовал об отсутствии у нее желания к созданию мирной обстановки в регионе, расположенном между Германией и СССР.

В этих условиях Советский Союз поддержал усилия по созданию системы коллективной безопасности в Европе, которые предпринимал Барту, ставший министром иностранных дел Франции в феврале 1934 г. Предложение Барту сводилось к тому, чтобы расширить Локарнский пакт, дополнив его «восточным Локарно», которое охватывало бы Германию, СССР, Польшу, Чехословакию и прибалтийские государства. Участники нового регионального пакта должны были оказывать друг другу помощь, в том числе военную, в случае нападения на одного из них. Кроме того, обязательства взаимной помощи должны были дать и государства Западной Европы — участники Локарнского договора 1925 г. (Англия, Франция, Италия и Бельгия).

Однако переговоры о восточноевропейском пакте зашли в тупик из-за отрицательной позиции Германии и Польши. 9 октября 1934 г., во время встречи Барту с королем Югославии Александром, инициатор «Восточного Локарно» и югославский монарх были убиты. Это положило конец переговорам о восточноевропейском пакте.

13 марта 1935 г. правительство Германии заявило, что отныне оно считает себя свободным от обяза-

тельств Версальского договора, запрещавших ему создание военной авиации. 16 марта 1935 г. был опубликован декрет о введении в Германии воинской повинности. В тот же день состоялся грандиозный военный парад, на котором присутствовал Гитлер.

Встревоженные действиями Гитлера, западные державы делают заявления о необходимости создания системы коллективной безопасности в Европе. Этот вопрос обсуждался в ходе переговоров А. Идена с советскими руководителями во время первого с 1917 года визита британского министра иностранных дел в СССР. Советское правительство четко определило свое положительное отношение к проекту Восточного пакта.

А. Иден, до этого побывавший в Берлине, заявил, что Гитлер возражает против пакта о взаимной помощи и согласен подписать лишь договоры о ненападении.

«...Но какая гарантия, что германское правительство, которое так легко рвет свои международные обязательства, станет соблюдать пакт о ненападении? — возразил И. В. Сталин. — Никакой гарантии нет. Поэтому мы не можем удовлетвориться лишь пактом о ненападении с Германией. Нам для обеспечения мира нужна более реальная гарантия, и такой реальной гарантией является лишь Восточный пакт взаимной помощи...»

Иден. А как вы себе мыслите пакт взаимной помощи — с Германией или без Германии?

Сталин. С Германией, конечно, с Германией. Мы не хотим никого окружать. Мы не стремимся к изоляции Германии. Наоборот, мы хотим жить с Германией в дружеских отношениях...»

Как видно из этого диалога, ни одна из сторон в то время не только не ставила вопрос о совместной борьбе против Германии, но только подчеркивала нежелание окружать Германию, но, напротив, обе стороны заверяли о своей готовности подписать пакт о взаимной помощи с Германией и жить с ней в дружбе. В то время, как ныне газеты шокируют своих читателей различными цитатами из заявлений бывших советских руководителей об их стремлении к дружеским отношениям СССР с Германией, надо учитывать, что в 30-х гг. иной реалистичной внешнеполитической альтернативы в отношениях с Германией,

кроме призыва к дружбе и взаимному сотрудничеству, не было. Разумеется, этот курс не должен был использоваться для попустительства агрессии, а должен был способствовать укреплению мира.

В этом отношении весьма показателен следующий диалог между А. Иденом и И. В. Сталиным, который произошел в ходе этой встречи. «Разглядев очертания Англии в углу карты Советского Союза, Иден сказал:

— А вот Англия, совсем маленький остров.

— Да, маленький остров, — ответил Сталин, — но от него многое зависит. Вот если бы этот маленький остров сказал Германии: не дам тебе ни денег, ни сырья, ни металла, — мир в Европе был бы обеспечен...»

Озабоченность другой западной державы, Франции, агрессивными действиями Германии создала условия для подписания 2 мая 1935 г. франко-советского договора о взаимопомощи. В протоколе к подписанию договора стороны подчеркивали, что наряду с данным договором «должен был быть заключен договор о помощи между СССР, Францией и Германией, в котором каждое из этих трех государств должно было обязаться к оказанию поддержки тому из них, которое явилось бы предметом нападения одного из этих трех государств».

Через две недели был подписан советско-чехословацкий договор о взаимопомощи. Особый пункт протокола подписания договора оговаривал следующее: «Оба правительства признают, что обязательства взаимной помощи будут действовать между ними, лишь поскольку при наличии условий, предусмотренных в настоящем договоре, помощь стороне — жертве нападения будет оказана со стороны Франции». Эта оговорка, с одной стороны, придавала двум договорам характер трехстороннего соглашения. С другой стороны, как отмечалось в «Истории дипломатии», изданной в 1945 г., «своей оговоркой советская дипломатия предусмотрительно лишала французское правительство возможности — в случае нападения Германии на Чехословакию, — самому уклонившись от выполнения обязательств франко-чехословацкого договора, переложить на Советский Союз всю тяжесть оказания помощи жертве агрессии». Это свидетельствует о большом недоверии СССР к своим новым союзникам и его

опасениях, что новые союзные обязательства будут использованы для того, чтобы направить агрессию Германии против СССР.

Однако создание системы взаимопомощи трех стран Европы не было подкреплено действиями других стран по предупреждению агрессии. 18 июня 1935 г. Англия подписала морское соглашение с Германией, в соответствии с которым последняя получала право иметь военно-морской флот, мощь которого составляла бы 35% «в отношении к совокупной морской мощи Британской империи». Этим соглашением Германия получала возможность увеличить тоннаж своего флота в 5 раз. Соглашение практически не ограничивало строительство подводных лодок в Германии. Таким образом, через три месяца после своих протестов о нарушении Германией версальских ограничений на военное строительство Англия официально санкционировала новое нарушение Версальского договора в области военно-морских вооружений.

7 марта 1936 г. произошло нарушение Версальского договора о демилитаризации Рейнской области и соответствующих положений Локарнского договора 1925 г. На рассвете подразделения германской армии переправились через Рейн и двинулись к французской границе. В 10 часов утра Нейрат вручил официальный меморандум послам стран — участниц Локарнского договора. Утверждая, что Франция заключением договора о взаимной помощи с СССР нарушила Локарнский договор, германское правительство объявляло его практически «прекратившим существование».

Премьер-министры Англии и Франции Болдуин и Сарро выступили с осуждением нарушения Германией Локарнского пакта, но лишь через неделю после событий в Рейнской области был создан Совет Лиги Наций. Выступая на заседании Совета, парком иностранных дел М. М. Литвинов заявил: «Весь смысл выступлений господина Гитлера и его предложений в области международной политики сводится к организации похода против них всей Европы, всего мира. Пусть его агрессия фактически метит на ближайшее время в другие страны, пусть его атаки на Советский Союз являются лишь дымовой завесой для подготовки агрессии против других государств, но уже то обстоятельство, что он выбирает для этой цели ми-

шению своих беспрестанных атак Советский Союз и что он это сделал опять в связи с нарушением Локарнского договора, дает мне право открыто и с особой силой говорить о сущности агрессивной внешней политики господина Гитлера».

Осудив на заседании Совета вступление германских войск в Рейнскую область, А. Иден заявил, что это не является угрозой миру и «не вызывает той непосредственности акции, которая предусмотрена при известных условиях Локарским договором». Идена поддержали представители Франции и Бельгии. Резолюция Совета Лиги Наций ограничилась признанием факта нарушения Германией статьи 43 Версальского договора и Локарнского соглашения.

Почему западные державы отнеслись так легкомысленно к нарушению Германией международных договоров, подписанных ею? В значительной степени это было связано с надеждами на то, что ремилитаризация Рейнской области на деле приведет к активизации агрессивных действий Германии на востоке. Вступление германских войск в Рейнскую область не представлялось угрозой для Франции и других стран Западной Европы. А. Тейлор категорически утверждал, что эта акция «не повлияла на оборонительные позиции Франции. Если линия Мажино отвечала тем требованиям, которые ей приписывались, то безопасность Франции была такой же, как и прежде. Если линия Мажино не была хороша, то Франция никогда не была неуязвимой». В то же время вступление вермахта в Рейнскую область существенно затрудняло способность Франции оказать помощь своим восточноевропейским союзникам (Польше и Чехословакии) в случае нападения на них германских агрессоров. Как справедливо отмечал А. Тейлор, Франция «давно отказалась от мысли» о такой помощи. Вероятно, эти соображения во многом объясняли попустительство Запада перед лицом этого нарушения Германией Версальского и Локарнского договоров.

Германское правительство чувствовало, что может теперь беспрепятственно двигаться по пути реализации своих захватнических планов. Закон 24 августа 1936 г. продлевал срок службы в армии с одного года до двух лет. 25 октября 1936 г. в Берлине состоялось подписание германо-итальянского соглашения, названного Муссолини «осью».

Ровно через месяц договор «оси» был дополнен германо-японским соглашением, получившим название антикоминтерновского пакта. Договор содержал обязательство сторон информировать друг друга о деятельности Коммунистического Интернационала и вырабатывать меры «защиты от его деятельности, а также... против тех, кто внутри или вне страны прямо или косвенно действует в пользу Коммунистического Интернационала». Через год к договору присоединилась Италия. Впоследствии к нему присоединились Венгрия, Маньчжоу-го, Испания, Болгария, Финляндия, Румыния, Дания, Словакия, Хорватия и японское правительство Нанкина. Антикоминтерновский договор существенно расширил состав и географию фашистско-милитаристского блока.

Оценивая в марте 1939 г. подписание антикоминтерновского пакта в выступлении с Отчетным докладом на XVIII съезде ВКП(б), И. В. Сталин объяснял его как попытку прикрыть истинные цели итало-германо-японского блока антикоммунистической демагогией. «Фашистские заправилы, раньше чем ринуться в войну, решили известным образом обработать общественное мнение, т. е. ввести его в заблуждение, обмануть его...» Война против интересов Англии, Франции, США? Пустяки! «Мы ведем войну против Коминтерна, а не против этих государств. Если не верите, читайте антикоминтерновский пакт, заключенный между Италией, Германией и Японией. Так думали обработать общественное мнение господа агрессоры, хотя не трудно было понять, что вся эта неуклюжая игра в маскировку шита белыми питками, ибо смешно искать «очаги» Коминтерна в пустынях Монголии, в горах Абиссинии, в дебрях испанского Марокко».

Через полгода, беседуя с И. фон Риббентропом, И. В. Сталин вновь говорил о том, что антикоминтерновский пакт не напугал СССР. Как свидетельствует запись этой беседы, «господин Сталин вставил, что антикоминтерновский пакт испугал главным образом лондонское Сити и мелких английских торговцев».

Однако, стремясь в марте 1939 г. показать опасность антикоминтерновского пакта для стран Запада, стараясь убедить своего берлинского гостя в августе 1939 г. в том, что СССР не воспринял подписание пакта как провозглашение «крестового похода» про-

тив Советской страны, И. В. Сталин вряд ли не отдавал себе отчета в той опасности, которую представлял германо-японский договор 1936 г. для консолидации всех сил капиталистического мира против СССР. А. Тейлор отмечал: «Антикоминтерновский пакт между Германией и Японией вместе с... осяю Рим и Берлин влиял не только на советскую политику. Он очень повлиял на Англию и Францию... Когда антикоминтерновский пакт выдвинул политические идеи на первый план, люди в демократических странах также почувствовали призыв антикоммунизма. Они старались быть нейтральными в борьбе между фашизмом и коммунизмом или даже быть на фашистской стороне. Они боялись Гитлера как правителя сильной, агрессивной Германии; они приветствовали его, как многие тогда, как защитника европейской цивилизации против коммунизма». Разумеется, подобное состояние общественного мнения на Западе в конце 30-х гг. полностью игнорируется теми, кто пытается представить западные страны в качестве принципиальных врагов фашизма, которым СССР нанес удар в силу договора 1939 г.

Милитаризация Германии, укрепление ее внешне-политических связей со своими союзниками, попустительство западных держав перед лицом военно-политических акций фашистских держав вдохновляло Гитлера на более решительные действия. 12 марта 1938 г. германские войска захватили Австрию, которая на следующий день была включена в состав третьего рейха.

24 марта 1938 г., выступая в парламенте, премьер-министр Англии Чемберлен отверг советские предложения о коллективных мерах в защиту мира. Он заявил, что правительство Англии не может принять заранее никакого обязательства в отношении района, «где его жизненные интересы не затрагиваются в такой степени, как это имеет место в отношении Франции и Бельгии». Это заявление открывало свободу действий для Германии в том же регионе, где только что произошла оккупация Австрии.

МЮНХЕНСКАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ

Новым этапом германской экспансии в Европе явились агрессивные действия против Чехословакии. За день до начала вторжения в Австрию Г. Гитлер провел беседу с чехословацким посланником Машным и заверил его, что «Германия не имеет дурных намерений в отношении Чехословакии». Эти заверения Гитлер подтвердил английскому послу Гендерсону на следующий же день. Однако через два месяца после этих заверений отношения между Германией и Чехословакией оказались на грани войны.

В течение лета и начала осени 1938 г. германская дипломатия оказывает психологическое давление на эmissаров Лондона, стремясь создать у них преувеличенное впечатление о военной мощи Германии. 12 сентября 1938 г., выступая в Нюрнберге, Гитлер заявил: «Не для того всемогущий создал 7 миллионов чехов, чтобы они угнетали три с половиной миллиона судетских немцев». Он объявлял о том, что еще 28 мая он отдал приказ всемерно увеличить мощь германской армии и авиации и выстроить «гигантские укрепления» на западной границе Германии.

Угрозы Гитлера действовали на западные державы, которые стали искать компромисса. 15 сентября 1938 г. премьер-министр Чемберлен выехал на встречу с Гитлером. После его возвращения в Лондон и переговоров с премьер-министром Франции Даладье Чехословакия была уведомена западными державами о том, что для предотвращения войны в Европе она должна передать Германии Судетскую область. 21 сентября в 2 часа ночи посланники Англии и Франции нанесли визит президенту Чехословакии Э. Бенешу, заявив ему, что если его правительство не примет англо-французского плана, то весь мир признает Чехословакию единственной виновницей неизбежной войны.

За два дня до ночного визита послов западных держав, 19 сентября, Бенеш поставил два вопроса перед

Советским Союзом: «Готов ли СССР оказать немедленную эффективную помощь, если Франция останется верной и также окажет помощь?», «Поможет ли СССР Чехословакии как члену Лиги Наций в соответствии с 16-й и 17-й статьями ее Устава?» 20 сентября ответы СССР на эти вопросы гласили: «Да, немедленно и эффективно» и «Да, во всех отношениях».

Однако вступление СССР на защиту Чехословакии не входило в планы Запада. Признавая это, английский историк А. Тейлор отмечал: «В чехословацком вопросе участвовала еще одна держава, хотя все, включая чехов, пытались притвориться, что ее нет. Этой державой была Советская Россия... Правительства Англии и Франции упоминали о Советской России лишь для того, чтобы подчеркнуть ее слабость в военном отношении, и хотя такая оценка ставила под вопрос их информированность, кажется, она отражала их истинные желания. Они хотели, чтобы Советская Россия была исключена из Европы, а поэтому они предполагали, что это является объективной реальностью». Ради недопущения СССР в европейский дом западные державы готовы были не только отдать Чехословакию Гитлеру, но и присоединиться к гитлеровской агрессии.

«Если же чехи объединятся с русскими, — заявили посланники в ходе своего ночного визита к президенту Чехословакии, — война может принять характер крестового похода против большевиков. Тогда правительствам Англии и Франции будет очень трудно остаться в стороне». Готовность Чехословакии воспользоваться советской помощью против агрессии превратила бы Англию и Францию в соучастников агрессора. Это ярко свидетельствовало о степени антисоветизма держав Запада, готовых даже накануне фашистской агрессии объединиться с гитлеровской Германией для осуществления «крестового похода против большевиков». В условиях такого давления правительство Бенеша капитулировало. В тот же день (21 сентября) министр пропаганды Вавречка в своем выступлении по радио заявил: «Наши друзья и союзники принудили нас принять условия, которые обычно предлагают побежденному противнику. Не недостаток мужества заставил нас принять решение, от которого сжимаются наши сердца... Не будем осуждать тех, кто покинул нас в момент катастрофы: свой суд по поводу этих дел произнесет история».

Готовность правительства Чехословакии капитулировать под давлением Запада вызвала в Праге взрыв демонстраций солидарности с Советским Союзом. Полпред СССР в Чехословакии сообщал 22 сентября 1938 г.: «В Праге происходят потрясающие сцены. Полпредство окружено полицейским кордоном. Несмотря на это, толпы демонстрантов при явном сочувствии полиции приходят к полпредству, высылают делегации, требующие разговора с полпредом. Толпы поют национальный гимн и буквально плачут. Поют «Интернационал». В речах первая надежда на помощь СССР, призывы защищаться, созвать парламент, сбросить правительство. Имена не только Годжи (премьер-министра Чехословакии. — Ю. Е.), но и Бенеша встречаются свистом и криком... Делегатам заявляю, что СССР дорожит Чехословацкой республикой и интересами ее трудящихся, а потому готов помочь защитой от нападения».

В этот день, 22 сентября, Чемберлен прибыл в Бад-Годесберг для встречи с Гитлером. От имени Англии и Франции Чемберлен объявил Гитлеру о принятии германских требований в отношении Судет. Неожиданно Гитлер выдвинул новые требования. На сей раз он желал удовлетворить притязания Польши и Венгрии на часть чехословацкой территории. Одновременно Германия настаивала на том, чтобы эвакуация ряда районов Судетской области началась 26 сентября и закончилась за два дня. Эти новые ультимативные требования Чемберлен не смог принять и 24 сентября вылетел в Лондон. Чем объяснялись новые требования Гитлера: его ли желанием непременно осуществить вооруженное вторжение в Чехословакию и продемонстрировать мощь германского оружия, как утверждает У. Ширер, или стремлением добиться новых уступок без особого ущерба для своей армии? На это ныне ответить трудно.

Известие о германском ультиматуме вызвало шок в Европе. С решительным осуждением политики капитулянтства выступил Черчилль, который заявил корреспонденту агентства Рейтер: «Расчленение Чехословакии под англо-французским нажимом означает полное отступление европейской демократии перед угрозой применения силы со стороны фашистской Германии. Эта капитуляция носит характер катастрофы; она отнюдь не содействует укреплению мира и обеспече-

нию безопасности Великобритании и Франции. Наоборот, она неизбежно приведет обе эти страны к такому состоянию, когда они в конце концов лишены будут всякой возможности сопротивляться».

Стремясь снять обвинения в капитуляции перед Гитлером, западные державы решили провести демонстрацию готовности к сопротивлению нацистской агрессии. Английский флот был приведен в боевую готовность. В Лондоне началась раздача противогазов населению, вокруг общественных зданий укладывали мешки с песком, рыли траншеи. 24 сентября во Франции был осуществлен призыв резервистов. Началась установка зенитных батарей.

Чехословацкое правительство, которое 21 сентября, уступив перед англо-французским нажимом, приняло германские требования, на сей раз решительно отвергло германский меморандум. Посланник Чехословакии в Лондоне Масарик 25 сентября сообщил Чемберлену ответ на германские требования: «Фактически, — говорилось в ноте Чехословакии, — это ультиматум, который обычно предъявляется побежденному народу... Нам лишают действительной основы нашего национального существования. Мы должны сдать немцам большую часть нашей тщательно подготовленной обороны и впустить германскую армию в глубь нашей страны... Наша национальная и экономическая независимость автоматически исчезнет с принятием плана господина Гитлера». Чехословацкое правительство заявляло, что признает немецкий меморандум абсолютно «неприемлемым».

Авантюристические действия Гитлера вызвали тревогу среди германских военачальников за судьбу вермахта. Возможность военного столкновения с объединенными армиями Чехословакии, СССР, Франции, Англии ставила Германию перед перспективой сокрушительного военного поражения. По мнению ряда военных руководителей, Гитлер зашел слишком далеко. Как отмечал фельдмаршал фон Бломберг на Нюрнбергском процессе: «До 1938 г. немецкие генералы не выступали против Гитлера. Для этого не было оснований, так как он достигал тех результатов, которые они хотели». Генералы Бек, фон Витцлебен, фон Брокдорф-Альфельд и другие при участии начальника генерального штаба генерала Гальдера в конце августа 1938 г. организовали заговор с целью арестовать Гитлера, как

только тот подпишет приказ о нападении на Чехословакию, и представить его перед судом за то, что «он безрассудно пытался ввергнуть Германию в европейскую войну, а поэтому он больше не способен управлять».

Заговорщики предупредили английское правительство о планах Гитлера совершить нападение на Чехословакию в конце сентября и просили правительства Англии и Франции проявить твердость и дать понять Гитлеру, что агрессии будет дан вооруженный отпор.

Верность своему союзническому долгу перед Чехословакией продемонстрировал в сентябрьские дни 1938 г. СССР. Даже когда правительство Бенеша капитулировало, Советский Союз заявлял о своей решимости защитить Чехословакию. Готовность Советского Союза выполнить свои обязательства по своему договору с Чехословакией не получила поддержки у Запада. «Допустим, что решимость Советского Союза была фальшивой, — ставит вопрос Тейлор. — Это можно было проверить, согласившись на переговоры между военными штабами, как это предложил Литвинов. Отказавшись от этого предложения, Бонне продемонстрировал свои опасения относительно того, что стремления СССР были искренними».

Ни Франция, ни Англия не собирались выступить в поддержку Чехословакии. 27 сентября Чемберлен направил Гитлеру послание, в котором он обещал выполнить новые требования Германии. Он писал: «Я готов немедленно и лично приехать в Берлин, чтобы обсудить условия передачи Судетской области с вами и с уполномоченным чехословацкого правительства, а также с представителями Франции и Италии».

До начала выступления генералов-заговорщиков оставалось несколько часов, когда они узнали о решении Чемберлена и Даладье приехать в Мюнхен для подписания соглашения на условиях Гитлера. Те из генералов, которые уцелели после репрессий против участников заговора 20 июля 1944 г., утверждали, что именно лидеры Запада помешали устранить Гитлера и предотвратить мировую войну.

29—30 сентября 1938 г. в Мюнхене состоялась конференция с участием Гитлера, Муссолини, Чемберлена, Даладье. Стороны подписали соглашение, в соответствии с которым Чехословакия к 10 октября должна была эвакуировать свои войска и полицию из Судет-

ской области с оставлением на месте в нетронутом состоянии всего движимого и недвижимого имущества и ценностей. Таким образом, Чехословакия лишалась большей части своих оборонительных сооружений. Даже не проконсультировавшись с представителями Чехословакии, Чемберлен и Даладье подписали документ, обрекавший страну на гибель.

Когда Мюнхенское соглашение было подписано, чехословацким представителям было объявлено, что «это приговор без права апелляции и без возможности внести в него исправления». 30 сентября чехословацкое правительство заявило, что оно «подчиняется решениям, принятым в Мюнхене без нас и против нас».

Капитуляция Англии и Франции в Мюнхене убедительно доказала неспособность западных держав не только оказать организованный отпор гитлеровской Германии, но хотя бы выполнить свои союзнические обязательства. Об этом не умалчивали даже те западные историки, которые стремились обелить действия «демократий» перед началом войны. Однако невнятное бормотание о «Мюнхенскомговоре» в пропагандистских сочинениях на страницах советской печати последних лет, призванных оправдать внешнеполитические действия Англии, Франции, Польши, прибалтийских стран в 1938—1939 гг. и взвалить вину за начало мировой войны на Советский Союз, не позволяет понять истинный смысл событий 1938 года.

Прежде всего опыт Мюнхена показал многим малым странам Европы бессмысленность расчетов на помощь великих «демократических» держав перед лицом агрессии. Даже в условиях перевеса в военном потенциале над Германией западные «демократические» страны проявили политическое бессилие. В то же время кризис 1938 года продемонстрировал готовность «демократий» выступить единым фронтом с Гитлером.

Для СССР становилось ясно, что в условиях неизбежного конфликта с гитлеровской Германией он должен полагаться на собственные силы либо на поле военных сражений, либо в сфере дипломатии. Германское же правительство прекрасно поняло, что отныне оно может смело осуществлять любые авантюры, которые до Мюнхена повергали в панику даже гитлеровских генералов. Дорога к новой экспансии была открыта. Оставалось лишь решить вопрос о ее направлении.

ПОДГОТОВКА К ГЕРМАНО-ПОЛЬСКОМУ ПОХОДУ НА УКРАИНУ

Победа Гитлера в Мюнхене открывала дорогу «крестовому походу» против СССР, о котором говорили посланники Англии и Франции Бенешу во время своего почтового визита к чехословацкому президенту. После Мюнхена Гитлер утверждал, что он «спас Европу от большевизма». Как отмечал А. Тейлор, «проницательные обозреватели ожидали, что следующий шаг Гитлера будет на Украину — движение, которое западные государственные деятели ожидали с удовольствием, а советские государственные деятели — со страхом». А. Тейлор подчеркивал, что «если Гитлер действительно собирался добраться до Украины, он должен был сделать это через Польшу». Это определяло последующие действия Германии.

Гитлер решил предпринять агрессию против СССР совместно с Польшей. В качестве условия раздела Украины Гитлер потребовал аннексии свободного города Данцига. Тогда, предлагал он, «Германия и Польша могут действовать совместно на Украине».

Обращаясь к истории германо-польских отношений, часть западных историков обходит ту роль, которую в них играли антисоветские планы. Как отмечает И. Д. Овсяный, «сразу же после установления в Германии фашистского режима польское правительство довело по неофициальным каналам до сведения советских руководителей, что «Польша никогда, ни при каких обстоятельствах не объединится с Германией против России». Однако уже в мае 1933 года в ходе беседы Гитлера с польским посланником Высоцким обе стороны объявили о хороших перспективах взаимоотношений между двумя странами.

В беседе Гитлера с новым послом Польши в Берлине, бывшим кайзеровским офицером Юзефом Липским, фюрер заявил о своих мирных намерениях. По словам Липского, «проблема границ не была затронута в разговоре с канцлером непосредственно; он лишь на-

мекнул, что эти вопросы следует отложить на будущее в надежде, что при благоприятных обстоятельствах может быть найдено решение, удовлетворяющее обе стороны».

Поворот к улучшению польско-германских отношений отразился в декларации 26 января 1934 г. о мирном разрешении споров. На деле речь шла о сотрудничестве двух стран, направленном против СССР. Как сообщал Ю. Липский в Варшаву, Гитлер «подчеркнул ответственную роль, которую Польша играет на Востоке. Обратившись к вопросу о России, он сказал, что, в отличие от других, не является оптимистом в том, что касается России...» Гитлер утверждал, что «перед лицом динамичного курса Японии... Россия будет вынуждена отказаться от своих позиций на Дальнем Востоке. Она получит тогда возможность всю силу своего давления обратить на Запад. Очень серьезная опасность тогда возникнет для западной цивилизации, особенно в связи с тем, что Россия прочно укоренилась в своей коммунистической доктрине. С этой точки зрения канцлер рассматривает роль Польши как очень важную. Он сказал: Польша является последним барьером цивилизации на Востоке».

Поддержав эти мысли Гитлера, Ю. Липский сказал, что Польша «часто играла роль щита для европейской культуры», приведя в качестве примера сражение под Варшавой в 1920 г. Суммируя итоги переговоров 1934 г., Липский подчеркивал: «Мне представлялось в высшей степени желательным, чтобы в ближайшем будущем развитие польско-германских отношений шло в направлении высказанных канцлером идей».

Антисоветский и прогерманский характер польской внешней политики во многом определялся и личными привязанностями Юзефа Бека. Этот министр иностранных дел Польши (с 1932 г.) во время гражданской войны в Советской России занимался там нелегальной деятельностью, вербуя поляков в подпольные вооруженные отряды по заданию «Польской военной организации». Имя майора Бека упоминалось в ноте Черина от 10 сентября 1921 г. в связи с тем, что упомянутый майор санкционировал транспортировку яда в РСФСР для действий организации Савинкова. Затем, оказавшись военным атташе в Париже, Бек был выслан из Франции за участие в похищении секретного

документа. Эти эпизоды из биографии министра свидетельствовали и о его антисоветизме, и об отсутствии особых симпатий к Франции. Зато Бек был известен как убежденный сторонник антисоветского союза Польши с Германией.

Тесному сближению Польши с Германией помогло соучастие этих стран в разделе Чехословакии, в ходе которого Польша захватила Тешинский район. 24 октября 1938 г. в ходе встречи И. фон Риббентропа с послом Польши в Германии Ю. Липским был поставлен вопрос об общей политике в отношении России на основе антикоминтерновского пакта. Эти вопросы стали центральной темой переговоров Гитлера с Бекем в январе 1939 г. Как и на встрече Риббентропа с Липским в октябре 1938 г., Гитлер поставил вопрос о передаче Германии Данцига и создании через «польский коридор» экстерриториальной дороги между Померанией и Восточной Пруссией в качестве условия участия в совместной агрессии против СССР. Бек сначала заявил о желании обдумать это предложение, а затем его отверг.

Возражая против территориальных уступок Германии, польское правительство в то же время охотно поддерживало германские планы вовлечения своей страны в войну против СССР. В книге И. Д. Овсяного «Тайна, в которой война рождалась» говорится: «В середине ноября советская разведка получила документ, содержащий запись беседы советника посольства Германии в Варшаве Р. фон Шелля с вице-директором политического департамента министерства иностранных дел Польши Кобылянским. В связи с вопросом о судьбе Карпатской Украины, раздела которой совместно с фашистским правительством Венгрии добивались пилсудчики, Кобылянский заявил: «Министр не может говорить так открыто, как могу говорить я. Вопрос о Карпатской Руси имеет для нас решающее значение... Если Карпатская Русь отойдет к Венгрии, то Польша будет согласна впоследствии выступить на стороне Германии в походе на Советскую Украину...» Как видим, заявляя в Москве об «улучшении» отношений, польская правящая клика в то же время выторговывала у гитлеровцев условия участия Польши в антисоветском походе. Приведенный документ, а также другие аналогичные материалы, в частности полученные через Р. фон Шелля, которыми располагало Советское пра-

вительство, не оставляли места для иллюзий относительно намерений польских властей.

Поддерживая готовность Польши к участию в антисоветской войне, Гитлер в то же время не был готов ждать доброй воли правительства в вопросе о Данциге. Об этом свидетельствовал секретный приказ Гитлера от 24 ноября 1938 г. о подготовке «квазиреволюционного захвата Данцига» вооруженными силами Германии. В то же время директива подчеркивала, что захват должен быть осуществлен при «политически благоприятной обстановке, а не в результате войны против Польши». Директива предусматривала использование тех вооруженных сил Германии, которые должны были захватить Клайпеду (Мемель) и прилегающий район.

Что являлось для Гитлера главной целью в ноябре 1938 г.: захват Данцига или участие Польши в совместном походе против СССР — сейчас трудно сказать. Очевидно одно: в это время Запад не придавал особого значения польско-германским разногласиям, возникшим в связи с предложением Гитлера передать Данциг Германии и создать экстерриториальную дорогу между Померанией и Восточной Пруссией через «польский коридор». «Маленькое облачко отчужденности между Польшей и Германией не было замечено в Западной Европе», — отмечал А. Тейлор. Мир ожидал неминуемого польско-германского нападения на Советскую Украину.

В тот же день, когда Гитлер подписал свою директиву о захвате Данцига, Чемберлен с тревогой запрашивал французских руководителей, будет ли приведен в действие франко-советский договор, «если Россия обратится к Франции за помощью на том основании, что сепаратистское движение на Украине спровоцировано Германией». Чемберлен советовал французам денонсировать франко-советский договор, так как «будущее все еще не ясно». Как отмечал А. Тейлор, установка Чемберлена была предельно проста: «Россия должна сражаться за интересы Англии, но Великобритания и Франция не должны сражаться за ее интересы».

В свою очередь французское правительство спешило укреплять свои связи с Германией, что отразилось в содержании франко-германской декларации от 6 декабря 1938 г., подписанной Ж. Бонне и И. фон Риббентропом. Участвовавший в переговорах переводчик

П. Шмидт свидетельствовал, что Бонне заявил о «незаинтересованности Франции в судьбах Востока». Газета «Эпок» писала в эти дни: «Риббентроп, намекая о подготовке похода на Украину, желал получить хотя бы молчаливое согласие Франции. И господин Жорж Бонне дал это согласие. Оба собеседника прекрасно поняли друг друга и прекрасно договорились».

Зимой 1938/39 г. активизировалась активность украинских националистов. Базой для этой деятельности стала Закарпатская Украина (называвшаяся тогда Карпатской Русью). Посол Франции Кулондр писал в декабре 1938 г.: «Что касается Украины, то на протяжении последних десяти дней о ней говорят все национал-социалисты... Похоже, что пути и средства еще не определены, но цель, по-видимому, точно установлена — создать Великую Украину, которая станет житницей Германии. Для достижения этой цели надо будет подчинить Румынию, убедить Польшу, отторгнуть земли у СССР. Германский динамизм не останавливается ни перед одной из этих трудностей, и в военных кругах уже поговаривают о походе на Кавказ и Баку».

В этих условиях Советское правительство постоянно заявляло о том, что оно не верит в реальность нападения Германии на СССР. Беседуя с Кулондром, нарком М. М. Литвинов заявлял: «Гитлер сможет напасть на Великобританию или СССР. Он выберет первый вариант... и чтобы успешно осуществить это предприятие, он предпочтет достичь взаимопонимания с СССР». Эти оценки произносились и на более высоком уровне.

Выступая 10 марта 1939 г. с Отчетным докладом ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии, И. В. Сталин утверждал, что антисоветская направленность заявлений Германии — это лишь прикрытие ее планов, направленных против Англии, Франции, США. Он пронизывал над сообщениями западной печати по поводу возможного нападения Германии на СССР: «Деятели этой прессы до хрипоты кричали, что немцы идут на Советскую Украину». Эти выступления западной печати Сталин рассматривал как попытку спровоцировать советско-германский конфликт: «Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без види-

мых на то оснований... Еще более характерно, что некоторые политики и деятели прессы Европы и США, потеряв терпение в ожидании «похода на Советскую Украину»... говорят и пишут черным по белому, что немцы жестоко их «разочаровали», так как вместо того, чтобы двинуться дальше на восток, против Советского Союза, они, видите ли, повернули на запад и требуют себе колоний. Можно подумать, что немцам отдали районы Чехословакии, как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом, а немцы отказываются теперь платить по векселю, посылая их куда-то подальше».

Однако, кажется, что эти заявления были лишь попыткой сделать хорошую мину при плохой игре. Вероятно, А. Тейлор не слишком преувеличивал, когда утверждал, что «советские правители хотели бы изолировать себя от Европы, но они не были уверены, что Европа изолирует себя от них». И хотя, как подчеркивал А. Тейлор, Советское правительство «вынуждено было возобновить призыв к народному фронту и коллективной безопасности», опыт Мюнхена не вселял больших надежд: «Трудно было поверить, что советские рассчитывали, что эта политика увенчается успехом».

Заявляя о готовности Советского правительства бороться «за мир и укрепление деловых связей со всеми странами», И. В. Сталин отмечал утрату доверия к тем, кто мог бы стать партнерами по антигитлеровскому блоку. Он объявлял их людьми, «не признающими человеческой морали», которым было бы бессмысленно «говорить об измене, о предательстве и т. п.». В после-мюнхенской обстановке, заявлял он, опрокинуты «элементарные понятия международного права», поставлена «под вопрос ценность международных договоров».

Эти раздраженные заявления свидетельствовали о том, что Сталин и другие советские руководители отнюдь не испытывали благодушия по поводу той ситуации, в которой оказался Советский Союз весной 1939 г. перед лицом возможного германо-польского нападения. Обвинения в аморальности, измене и предательстве и одновременно горькие признания в бессмысленности этих обвинений производились от сознания отчаянной изоляции и отсутствия надежды на какую-либо помощь со стороны. В то же время заявление Сталина о полном обесценивании элементарных понятий междуна-

родного права и международных договоров, обращенное к мировой общественности, открывало дорогу для резких поворотов во внешней политике СССР, при которых игнорировались бы правовые соображения и договорные обязательства.

Между тем «данцигское облачко» на горизонте польско-германских отношений, освещаемых радужными планами совместного похода на Украину, стало разрастаться, хотя ничто еще не предвещало бури. 30 января 1939 г., выступая в рейхстаге, Гитлер заявил о том, что «дружба между Германией и Польшей» является «одним из вдохновляющих факторов в политической жизни в Европе». Однако за 4 дня до этого заявления Риббентроп, обсуждая в Варшаве с Беком план присоединения Польши к антикоминтерновскому пакту, вновь поставил вопрос о Данциге и экстерриториальной дороге. Настойчивость Германии, наконец, стала беспокоить польское руководство и через месяц после визита Риббентропа в Варшаву 26 февраля посол Германии в Польше проинформировал свое правительство о намерении Бека посетить Лондон. В своей депеше посол расценил это намерение как попытку Бека «установить контакт с западными демократиями» в связи с его опасениями, «что может возникнуть конфликт с Германией из-за Данцига». Очевидно, что Польшу стала беспокоить разрастающаяся облачность в германо-польских отношениях.

Прозвозглашение «независимости» Словакии под властью марионеточного режима Тисо 14 марта, оккупация Гитлером остальной части Чехословакии и создание из нее «протектората Богемии и Моравии» показали всему миру истинную цену нацистских гарантий, фальшь обещаний прочного мира в Европе, которые щедро раздавали мюнхенские капитулянты. Советское правительство решительно осудило вторжение гитлеровских войск в Чехословакию, назвав их «произвольными, насильственными, агрессивными». 18 марта Советское правительство обращается к английскому правительству с предложением созвать конференцию представителей шести стран (СССР, Франция, Англия, Польша, Румыния, Турция) для того, чтобы обсудить вопросы коллективной безопасности в Европе.

Это предложение Чемберлен называет «поспешным». В личном письме от 26 марта он пишет: «Я должен признаться в своем глубоком недоверии по отно-

нению к России. Я совершенно не верю в ее способность обеспечить эффективное наступление, даже если бы она и хотела этого. Я не верю в ее мотивы... Более того, к ней относятся с ненавистью и подозрениями многие малые государства, особенно Польша, Румыния и Финляндия».

В тот же день Риббентроп встретился с послом Польши в Берлине Липским и в категорическом тоне потребовал удовлетворения германских требований по Данцигу и экстерриториальной дороге через «коридор». В польско-германских отношениях уже ощутимо слышались раскаты грома. Однако еще сияли лучи надежды на укрепление антисоветского сотрудничества. Рейхсминистр подчеркнул, что основой «разумных польско-германских отношений» является «единая антисоветская политика».

Следующие два дня (22 и 23 марта) ярко продемонстрировали, что понимает Германия под «разумными отношениями». По требованию Риббентропа 22 марта в Берлин прибыла правительственная делегация Литвы, которой было предложено подписать соглашение о передаче Клайпеды (Мемеля) и прилегающего района Германии. Литовцы не сразу согласились с этим требованием. Тем временем в Берлине шли запросы от Гитлера, который на борту линкора «Германия» вместе с адмиралом Редером нетерпеливо требовал информации об итогах переговоров. В случае отказа Литвы все было готово к штурму Клайпеды. В 1 час 30 минут ночи соглашение было подписано, а в 2 часа 30 минут 23 марта Гитлер произносил речь в «освобожденном» Мемеле.

Захват Клайпеды вызвал озабоченность в Варшаве. Как сообщал германский посол в Польше Г. А. фон Мольтке, в польской столице считали, что «теперь наступил черед Данцига и коридора». Польша осуществляла ряд мобилизационных мероприятий и усилила концентрацию своих воинских подразделений в районе Данцига. Это вызвало протест Риббентропа, который был высказан Липскому. Хотя отношения между двумя странами ухудшались, Гитлер отдал 25 марта распоряжение главнокомандующему сухопутными силами фон Браухичу быть готовым к военной оккупации Данцига лишь в случае уступчивости поляков. Видимо, вопрос о Данциге все еще рассматривался Гитлером в контексте распылять Польшу за участие в будущем польско-германском походе.

Однако Польша не собиралась проявлять уступчивость. 22 марта Бек обратился к Англии с предложением о заключении секретного англо-польского соглашения. 30 марта посол Англии в Варшаве Кеннард представил англо-французское предложение о пактах взаимопомощи с Польшей в случае нападения Германии. В инструкциях, направленных Кеннарду, подчеркивалось, что СССР не должен привлекаться к предлагаемым мероприятиям. Девизом гласила: «Становится ясным, что наши попытки укрепить положение будут сорваны, если Советский Союз будет открыто связан с данным проектом. Недавно были получены телеграммы от ряда миссий Его Величества, в которых содержались предупреждения, что включение России не только поставит под угрозу наши конструктивные усилия, но поможет консолидировать отношения ряда стран с антикоминтерниевским пактом, а также вызовет беспокойство среди ряда дружеских правительств». Таким образом, отношения Советского Союза с Европой регулировались следующим принципом: ворота открывались для пропуска армий захватчиков, идущих на СССР, и прочно закрывались для любых форм сотрудничества с нашей страной, требующих взаимности и равноправия.

Слухи о «возможности немедленного нападения Германии на Польшу» ускорили развитие событий. Не дожидаясь ответа Польши на предложение о договоре, Англия заявила готовность дать гарантию защиты независимости этой страны. Бек дал согласие на этот шаг. 31 марта 1939 г., выступая в палате общин, Чемберлен заявил, что Англия и Франция «окажут польскому правительству любую поддержку, какая имеется в их распоряжении», если на Польшу будет совершено нападение.

Кризис в польско-германских отношениях, возникший первоначально по вопросу о компенсации за будущую добычу на Украине, перерос в острый конфликт, вовлекавший крупные державы Европы. Как и полтора года назад, мир вновь оказался на пороге войны.

1 апреля Гитлер произнес речь с критикой «провокационных» действий Англии и содержащую угрозы в ее адрес, а уже 3 апреля им была подготовлена секретная директива о подготовке нападения на Польшу («план Вайс»). План предусматривал разгром вооруженных сил Польши, присоединение Данцига и «создание на Востоке ситуации, благоприятствующей требованиям национальной обороны». Гитлер ставил задачу добиться политической изоляции Польши и ограничения войны польской территорией. Директива исходила из «парастающих внутренних кризисов во Франции», которые заставят «Англию проявить осторожность». Он полагался на верность Италии договору осн. О позиции СССР было сказано, что «вмешательство России... вряд ли будет полезным для Польши». (Как и западные державы, Гитлер низко оценивал военный потенциал СССР). Подготовка операции должна быть завершена к 1 сентября 1939 г.

Итак, страна, дружеские отношения с которой так высоко оценивал Гитлер 30 января, которая еще в начале марта рассматривалась во многих странах мира как соучастница «неминуемого» германского похода на Украину, превратилась в мишень будущего нападения Германии. Почему произошла такая резкая смена курса в Берлине? Многие в действиях руководства третьего рейха свидетельствуют о правоте тех историков, которые подчеркивают непредсказуемость, характерную для авантюристического стиля Гитлера и его окружения. Он импровизировал и рисковал во время вступления войск в Рейнскую область или повышая ставки в ходе торга с Чемберленом в сентябре 1938 г. (Даже не подозревая в последнем случае, что, ужаснувшись его авантюризмом, его же собственные генералы готовили ему удар в спину.)

Однако риск азартного и жадного игрока проявлял не только Гитлер. Аналогичные качества были харак-

терны и для действий польского правительства во время раздела Чехословакии и участия в разработке планов похода на Украину. Правительство Польши продемонстрировало, кроме того, политическую слепоту, отказавшись даже рассмотреть вопрос об участии СССР в совместных мероприятиях по отпору гитлеровской агрессии. Между тем Польша отчаянно нуждалась во внешней поддержке. Еще весной 1939 г. военный атташе Великобритании в Варшаве Суорд сообщал о безвыходном военно-стратегическом положении Польши, окруженной с трех сторон Германией. Он обращал внимание на то, что у Польши лишь 600 самолетов, которые не идут ни в какое сравнение с немецкими. Он подчеркивал, что сухопутная армия Польши плохо оснащена в техническом отношении и может оказать лишь частичное сопротивление германскому нападению. На основе этих данных английский посол в Варшаве Кеннард утверждал, что поляки не смогут защищать «коридор» или западную границу и будут вынуждены отступить до Вислы. Поэтому, добавлял он, «дружественная Россия жизненно необходима для Польши». Кроме того, меры Германии по укреплению своей западной границы затруднили бы эффективные наступательные действия союзников, которыми они могли бы ослабить силу удара вермахта по Польше.

Стремясь избежать обвинений в неразумности своих действий, английское правительство стремилось придать нежеланию обеспечить реальное сотрудничество с СССР благовидную форму. Предлог для отказа от сотрудничества с СССР был найден в морализаторских проповедях. В начале 1939 г. руководители английской внешней политики стали провозглашать примат интересов малых стран по сравнению с задачами коллективной безопасности в Европе. Выступая в палате лордов, Галифакс заявлял о том, что английская политика основана на принципе пренебрежения правами малых государств. Оценивая по достоинству это заявление как яркое проявление лицемерия, историк А. Тейлор так охарактеризовал позицию Галифакса: «Проявляя убогое морализаторство пьяниц, которые бросили пить, люди, у которых хватило совести бросить Бенетта, теперь были готовы выполнять любой каприз Бека».

По мнению А. Тейлора, нежелание правительства Англии предпринять действенные меры против Гитле-

ра свидетельствовало о том, что оно «стремилось сохранить мир в Европе, но не выиграть войну... Даже их мораль была однобокой. Они признавали обоснованность германских жалоб в отношении Версальского урегулирования. И, однако, им никогда не приходило в голову, что у Советской России мало желания сохранять в Восточной Европе статус-кво, который сложился в результате двух унижительных договоров, подписанных в Брест-Литовске и Риге. Нежелание русских поддерживать фронт мира вызывало у них раздражение, но любое проявление желания со стороны России вступить в войну против Германии еще больше тревожило их. Они хотели, чтобы русскую помощь можно было включать и выключать поворотом крана, а они, и, может быть, поляки, имели бы возможность поворачивать его».

Такая позиция Англии вполне соответствовала взглядам польского правительства. В этой связи А. Тейлор отмечал исторические причины этого совпадения позиций двух стран. «Обе страны выиграли от удивительного совпадения обстоятельств, при которых завершилась первая мировая война, когда и Германия, и Россия потерпели поражения. Этим обстоятельствам Польша была обязана своей иллюзорной независимостью; благодаря им Англия приобрела величие и авторитет, которые можно было поддерживать без особых усилий. Обе страны хотели, чтобы мир оставался таким же, каким он стал в 1919 году. Польша не желала пойти и с Германией, и с Советской Россией. Англичане не желали и думать о решающей победе любой из них».

Новый этап в польско-германском кризисе был связан с дипломатической инициативой США. 15 апреля в событиях в Европе вмешался президент США Ф. Д. Рузвельт, обратившийся к Гитлеру и Муссолини с предложением дать гарантии ненападения Германии и Италии на 31 страну мира. Через два дня рейхсминистрство иностранных дел Германии направило запросы к правительствам всех стран, упомянутых Рузвельтом, кроме Польши, Англии, Франции и СССР. Германское правительство требовало ответа на два вопроса: считает ли правительство, что его стране в чем-либо угрожает Германия; поручало ли оно Рузвельту сделать это предложение? Правительства почти всех стран ответили отрицательно. Лишь румынский ответ

гласил: «Правительству рейха лучше известно, имеется такая угроза или нет».

Правительство Латвии замешкалось с ответом. Уже 18 апреля из Берлина в Ригу было направлено указание для германского посланника: «В то время как практически все правительства уже ответили, и естественно отрицательно, господин Мунтерс (министр иностранных дел Латвии) отнесся к этой анекдотичной американской пропаганде как к вопросу, по которому он захотел проконсультироваться со своим кабинетом. Если господин Мунтерс немедленно не ответит «нет» на наш вопрос, мы должны включить Латвию в список стран, которые превратились в добровольных помощников Рузвельта. Я думаю, что подобного заявления господина фон Котце (посланника Германии) будет достаточно, чтобы получить пужный ответ от него» (от Мунтерса. — Ю. Е.).

Нужный ответ Латвии был тут же получен. Это убедительно свидетельствовало о степени влияния Германии на прибалтийские страны.

Несколько лет до этого внешнеполитические ведомства прибалтийских республик выражали опасения по поводу экспансионистских устремлений Берлина и благожелательного отношения к ним со стороны «западных демократий». На закрытом совещании представителей трех министерств иностранных дел 28 июня 1935 г. подписание военно-морского соглашения между Германией и Великобританией было воспринято как объявление о немецких притязаниях на все Балтийское побережье. В прибалтийских странах многие ясно понимали ту опасность, которую представлял германский нацизм для них. По этой причине фашистские партии Прибалтики, не скрывая своей идеологии, старательно отмежевывались от гитлеризма. Эстонская фашистская партия вапсов («Союз ветеранов»), тщательно перенимавшая опыт нацизма и получавшая прямую помощь от гитлеровцев, заявляла о своей особой идеологической концепции и отрицала связи с германским национал-социализмом. При этом чем ближе страна была расположена к Германии, тем четче высказывались эти опасения. Оценивая в декабре 1933 г. на съезде партия таутилинков роль германского нацизма, президент Литвы А. Сметона говорил: «Он открыто агрессивен и стремится не только получить утраченные в последней войне земли, но и захватить новые

территории за счет балтийских стран, а потом и России».

Эти заявления Сметоны имели веские основания. В 1934 г. в Каунасе проходил процесс по делу о подрывной деятельности нацистов в Литве. В 1933 г. в Клайпеде возникли две соперничавшие друг с другом национал-социалистические организации, каждая из которых имела свои штурмовые отряды. Следствие изобличало нацистов в том, что те получили указание «быть в полной готовности присоединиться к штурмовым отрядам, прибытие которых в Литву ожидалось через несколько дней».

Правители Эстонии, Латвии, Литвы отдавали себе отчет в том, что внутри их стран имеются влиятельные прогерманские силы. Нетрудно было догадаться, что в случае вооруженного конфликта определенная часть немецкого меньшинства может сыграть роль «пятой колоны» Гитлера и поможет восстановить господствующее положение немецкого населения в экономической и государственной жизни этих стран, отчасти утраченное им после 1918 г. Об этом, например, свидетельствовала демонстративная поездка в нейтральные воды Балтики на пароходе большой группы немцев, проживавших в Риге, для голосования за Гитлера на выборах президента Германии 19 августа 1934 г. Однако Германия имела своих сторонников не только среди немецкого меньшинства, но и вербовала их среди местного населения.

Правящие круги прибалтийских государств понимали неустойчивость не только своего внутреннего, но и внешнего положения в случае нападения Германии. Став свидетелями Мюнхена, они осознавали тщетность надежд на помощь Англии и Франции в такой ситуации. Лишний раз об этом свидетельствовала пассивность западных «демократий» во время захвата Клайпеды (Мемеля). А поскольку антикоммунистическая идеология лидеров прибалтийских режимов ставила пределы в развитии их отношений с СССР, то, как и Мунтерс, они приучались вести себя на международной арене так, как это было угодно Берлину.

28 апреля Гитлер произнес речь в рейхстаге. Обрушившись на Англию за якобы проводимую ею «политику окружения» и на Польшу за начатую ею мобилизационную подготовку, Гитлер объявил о денонсировании англо-германского военно-морского соглаше-

ния 1935 г. и польско-германского договора о ненападении 1934 г. Затем, издеваясь над Рузвельтом, он перечислил все страны, которые были названы в письме президента США, и торжественно обещал не нападать на каждую из них. (Все же при перечислении стран Гитлер опустил Польшу.)

В своем выступлении Гитлер провел параллель между поведением Польши и Чехословакии год назад. Тем самым он откровенно намекал на возможность аналогичного исхода. Это свидетельствовало о крайнем обострении обстановки. Несмотря на проводимую Западом политику ostracизма в отношении СССР, Советский Союз выступил с новой инициативой, направленной на обуздание агрессора. 17 апреля М. М. Литвинов в беседе с послом Англии в СССР внес предложение о Пакте взаимопомощи Англии, Франции и СССР, к которому могли бы присоединиться Польша и другие страны Европы.

Так на практике осуществлялась политика, исходившая из реальности враждебного окружения СССР и наличия двух альтернатив: подготовки к скорому участию в вооруженном конфликте против Германии с ненадежными союзниками, вероломство которых было проявлено в Мюнхене, и попытки добиться временной отсрочки конфликта путем договоренности с Гитлером, неуважение к договорам и вероломство которого продемонстрировались им постоянно с момента его прихода к власти.

В любом случае судьба СССР зависела от воли тех, с кем наша страна вступила бы в соглашение. При этом партнерами СССР при любом выборе стали бы империалистические страны, постоянно проповедующие антисоветизм и проводившие политику, направленную против Советской страны. В любом случае результат был бы чреват непредвиденными опасностями для СССР и ставил бы под угрозу его существование. Однако иного реального пути, кроме поиска решения в пределах двух альтернатив, у Советского Союза не было, и, видимо, это понимали все советские руководители, в том числе и те, кто непосредственно отвечал за проведение внешней политики. Подобный курс стал осуществляться, когда народным комиссаром иностранных дел СССР был М. М. Литвинов. Эта политика продолжалась и при новом наркome — В. М. Молотове, назначенном на этот пост 3 мая 1939 г.

Многие западные историки, отмечая роль М. М. Литвинова в пропаганде идей коллективной безопасности, считают, что его отстранение свидетельствовало об отказе СССР от последовательной политики отпора гитлеризму и подготовке поворота к сближению с Германией. Хотя, без сомнения, как и всякое новое назначение, приход В. М. Молотова на пост наркома иностранных дел был связан с переменой в методах работы НКВД и стиле общения с иностранными представителями. Поэтому многие историки явно преувеличивают значение отставки М. М. Литвинова, объявляя ее переломным моментом в советском внешнеполитическом курсе предвоенных лет. При этом особо подчеркивается то, что М. М. Литвинов был евреем, а В. М. Молотов — русским.

По мнению этих историков, пребывание М. М. Литвинова на посту наркома иностранных дел затрудняло возможный компромисс с гитлеровской Германией из-за откровенного антисемитизма ее руководителей. Считается, что В. М. Молотову было бы легче проводить такой курс. Те же историки прекрасно знают, что с точки зрения антисемитизма Гитлера и других отставка М. М. Литвинова не имела принципиального значения. Автор «Майн кампф» и его сподвижники продолжали объявлять советское руководство «еврейским». Чтобы удовлетворить требования Гитлера в еврейском вопросе, советскому руководству пришлось бы вывести из Политбюро ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановича, а ряду видных деятелей правительства, включая В. М. Молотова — развестись со своими женами.

Считать же, что русскому наркому были безразличны антисемитские взгляды нацистов, значит, следовать лживому русофобскому стереотипу. В то же время полагать, что единственная проблема, которая могла отделять советского наркома от вождей рейха, — это разногласия по еврейскому вопросу, значит игнорировать размах расистских предрассудков гитлеровцев, включавших и презрение к славянам и прочим народам «нижних рас», и их патологический антимарксизм. Для советского руководства нацистские лидеры были прежде всего лицами классово чуждыми. Позже в своем приказе по случаю 1 Мая 1942 г. И. В. Сталин писал: «На самом деле немецкие фашисты являются не националистами, а империалистами, захватывающими чужие страны и высасывающими из них кровь для то-

го, чтобы обогатить немецких банкиров и плутократов. Геринг, глава немецких фашистов, сам является, как известно, одним из первых банкиров и плутократов, эксплуатирующим десятки заводов и фабрик... Гитлер, Геббельс, Гиббентроп, Гиммлер и другие правители нынешней Германии являются цепными собаками немецких банкиров, ставящими интересы последних превыше всех других интересов». Видимо, эта оценка 1942 г. соответствовала отношению к фашизму и его руководителям, сформировавшемуся еще в 20-е годы и укрепившемуся после 1933 г. Вряд ли В. М. Молотов занимал принципиально иные позиции по отношению к нацистскому руководству, чем И. В. Сталин в 1942 г. или М. М. Литвинов в 1939 г.

А. Тейлор предлагает более веское объяснение смене лиц на посту советского наркома иностранных дел: «Постараемся взглянуть на мир с советской точки зрения... Они понимали, что они впервые стали участниками серьезной дипломатии. До сих пор внешняя политика была в руках коммунистов второго плана — сначала Чичерина, а затем Литвинова (никто из них не был членом Политбюро) — с тех пор как Троцкий перестал быть народным комиссаром по иностранным делам в начале 1918 года... Молотов был вторым лицом в Советском Союзе, уступая лишь Сталину. Это просто означало признание того, что внешняя политика приобрела большее значение».

Характеризуя курс нового наркома, который он рассматривал как продолжение старого курса, но осуществляемое лицом принципиально более высокого ранга, А. Тейлор утверждал, что «главным мотивом советской политики» было желание, чтобы СССР «оставили в покое. Советы знали свою слабость; они боялись враждебной коалиции капиталистических государств; они стремились продолжать свое экономическое развитие. Они были согласны с английским правительством в стремлении к миру, но у них были разногласия относительно того, как сохранить мир. Они не верили, что Гитлера можно умиротворить уступками; они считали, что его можно лишь сдержать демонстрацией объединенной оппозиции».

Назначение нового наркома не означало прекращения переговоров с Англией. Напротив, именно английское правительство не торопилось с ответом на предложение М. М. Литвинова. Это было связано с тем, что

предложение СССР от 17 апреля было, по сути, неприемлемым для Англии. Особые возражения вызывала идея о военной помощи странам, расположенным на границе с Советским Союзом. По словам Тейлора, «с точки зрения Англии предложение Советского правительства оказать помощь Польше без предварительного приглашения было достаточно плохо. Предложение же о помощи балтийским государствам было еще хуже. Англичане считали, что русские просто пытаются протолкнуть контрабандой «империалистические» притязания. Это обвинение с тех пор часто повторялось. Но, однако, беспокойство Советского Союза в отношении этих государств было искренним. Русские боялись германского нападения на Ленинград, а ввиду превосходства германского военно-морского флота на Балтийском море — это было весьма вероятным. Поэтому они хотели укрепить свое военное положение на суше, контролируя балтийские государства. Прекрасно понимая, что эти государства, если они будут прижаты к стенке, отдадут предпочтение Германии, а не России, они хотели закрепить положение о том, что советская «помощь» будет оказана без приглашения. Это игнорирование независимости малых государств, без сомнения, было неэтичным, но, учитывая, что Советская Россия занимала позицию, враждебную Германии, для этих опасений Советского правительства были реальные основания».

9 мая правительство Чемберлена официально отклонило советское предложение о тройственном пакте. Вместо этого, имея в виду английские гарантии Польше и Румынии, правительство Чемберлена предложило, чтобы, «если Великобритания и Франция окажутся вовлеченными в военные действия во исполнение этих обязательств, советское правительство осуществило немедленную помощь, в случае выраженного желания в такой помощи, таким образом и на таких условиях, как об этом будет достигнута договоренность». В соответствии с «концепцией крана» «помощь СССР включалась и выключалась по воле Англии, а не Советского Союза».

Тейлор подчеркивал: «Отказ англичан от советских предложений убедил советских правителей в том, что их недоверия обоснованы. Они были правы... Главный мотив возражений англичан был связан с их нежеланием оставлять решение вопроса о войне и мире в советских руках. Поляки могли принимать такое реше-

ние; балтийские государства могли принимать такое решение; Советское правительство — никогда».

Несмотря на негативный ответ, Советское правительство, как на это и рассчитывали в Лондоне, возобновило свои усилия по созданию антигитлеровской коалиции. Сравнивая сроки, которые требовались СССР для подготовки ответов английскому правительству, с темпами, в которых работала английская дипломатия в своих отношениях с Советским правительством, А. Тейлор замечал: «Отсрочки были со стороны Запада, а Советское правительство отвечало с почти захватывающей дух скоростью. Англичане внесли первое предварительное предложение 15 апреля; советское контрпредложение пришло через два дня — 17 апреля. Англичанам понадобилось три недели, прежде чем они подготовили ответ 9 мая; Советы тогда протянули пять дней. Англичанам потребовалось 13 дней; Советам опять пять дней. Снова англичанам понадобилось 13 дней; Советское правительство ответило за 24 часа. Потом темп ускорился. Англичане постарались убраться за 5 дней; советский ответ пришел через сутки. Англичанам понадобилось 5 дней, для русских — один день. 8 дней — для английской стороны, советский ответ пришел в тот же день. На этом обмен практически закончился. Если эти даты что-нибудь значат, то только то, что англичане тянули, а русские хотели добиться результатов». Есть другие свидетельства того, что англичане относились к переговорам с прохладцей, стремясь скорее успокоить общественное мнение, чем достичь чего-либо. Антон Иден решил поехать в Москву со специальной миссией; Чемберлен отказался от этого предложения.

Дипломат, которого послали в Москву с особой миссией ради решения какой-то второстепенной задачи (во всяком случае, не для подписания союза), легкомысленно писал домой 21 июня: «Я надеюсь, что мы чего-то достигнем в конце концов. Когда я говорю «в конце», я вспоминаю замечание Нагжиара (французского посла), высказанное им сегодня, что, возможно, он достигнет пенсионного возраста и уйдет на пенсию, прежде чем я уеду из Москвы». Мог ли чиновник так безответственно писать, если бы он и его начальники действительно рассматривали союз с СССР как нечто такое, от чего зависит, сохранится ли мир или будет война?

Эти свидетельства ярко демонстрируют существенные различия в подходах советской и английской дипломатии. Перед лицом очевидного саботажа переговоров со стороны своего партнера СССР продолжал свои усилия по созданию антигитлеровской коалиции, поддерживая дипломатическую переписку на высоком уровне. Ныне эти факты, которые всегда признавались объективными историками во всем мире, игнорируются. Напротив, выдвигаются бездоказательные утверждения о том, что Советский Союз использовал переговоры с Англией как ширму для подготовки сговора с Германией.

Упорное сопротивление, проявляемое английским правительством, договору о взаимной помощи требовало от Советского Союза изыскивать возможности для нормализации отношений с Германией. 20 мая германский посол фон дер Шуленбург был впервые принят новым наркомом иностранных дел. Сообщив послу о возможности возобновления переговоров по экономическим вопросам, В. М. Молотов сказал, что для этого надо создать «необходимые политические основы». Когда Шуленбург попытался узнать, что значат эти «основы», он получил ответ, что об этом должны подумать правительства двух стран. Все попытки посла получить менее туманный ответ «от хитрого комиссара по иностранным делам были напрасны». Шуленбург сообщал в Берлин о том, что Молотов «известен своим упрямством».

Пока английское правительство не решалось подписать пакт о взаимопомощи с СССР из-за опасений, что в результате этого Советскому Союзу придется помогать, агрессивные державы завершали процесс консолидации своих усилий. 22 мая в Берлине был подписан так называемый стальной пакт о взаимной помощи между Германией и Италией. Договор предусматривал «немедленную» военную помощь стороне, «оказавшейся вовлеченной в военные осложнения».

7 июня были подписаны договоры о дружбе Германии с Эстонией и Латвией. Это серьезно осложнило обстановку на западной границе СССР. Посланник Италии в Таллине Чикконарди сообщал, что в ходе переговоров начальника штаба германских сухопутных сил Гальдера и начальника военной разведки Германии адмирала Канариса с руководителями Эстонии, состоявшихся во время их пребывания в этой стране, обсуж-

дался вопрос об оккупации Прибалтики немецкими войсками.

Эти перемены в политической ориентации прибалтийских стран привели к тому, что советское предложение о гарантиях странам Восточной Европы было отвергнуто правительствами Латвии и Эстонии. В заявлении эстонского правительства говорилось, что оно «рассматривает русское предложение как недружелюбный акт, направленный против нейтралитета Эстонии». По поручению своего правительства посланник Эстонии в Москве Рей заявил британскому послу в СССР Сиддсу, что советское предложение «заставило бы нас воевать до последнего солдата на стороне Германии».

Эта позиция правительств Латвии и Эстонии не разделялась значительной частью прибалтийского рабочего класса. В документах латвийской полиции отмечалось: «Рабочие настроены крайне враждебно к гитлеровской Германии, и своим единственным спасителем они считают СССР». Но антидемократические, полуфашистские режимы Прибалтики были готовы идти по пути все более активного сотрудничества с нацистской Германией, хотя та никогда не отказывалась от своих планов поглощения «Балтийского края».

Требования о признании незаконности советско-германских договоров 1939 года никогда не сопровождались аналогичными призывами в отношении договоров о дружбе между Германией и Латвией, Германией и Эстонией, подписанных 7 июня 1939 г. Ни слова не говорится об их совместных планах ввода германских войск в Прибалтику, о готовности режима Пятса пожертвовать последним эстонским солдатом для защиты интересов Германии.

Эти события, которые свидетельствовали о готовности Германии поглотить Прибалтику, не вызвали беспокойства в Лондоне и Париже. Видимо, чем дальше на восток были обращены направления гитлеровской экспансии, тем меньше оснований для тревоги испытывали правящие круги Англии и Франции. Английское правительство поддержало действия, которые могли лишь способствовать превращению Прибалтики в плацдарм для наступления германских войск против СССР. Выступая на заседании комиссии Государственной думы, министр иностранных дел Эстонии Сельтер заявил, что «Англия в принципе согласна с заключением германо-эстонского пакта». Речь шла не просто

о готовности Англии еще раз уступить внешнеполитической экспансии Германии. Как сообщалось в английской печати, на президента Эстонии Пятса «было оказано сильное давление, чтобы он не отказался от германских предложений. Это давление, по-видимому, исходило — пусть это не покажется странным — из кругов, связанных с британским ведомством иностранных дел». В ответ на заявление Рея Спидса передал ему, что Лондон хорошо понимает эту точку зрения, считая ее вполне обоснованной, и Спидсу «дапа директива от Форин оффис учесть позицию прибалтийских государств». Эта позиция западных держав делала практически невозможным достижение действенного англо-франко-советского сотрудничества против Гитлера.

К этому времени мало у кого в мире сохранились иллюзии относительно способности Польши самостоятельно выстоять в вооруженном конфликте. В своей последней книге «Преданная революция» Л. Д. Троцкий делает немало прогнозов на будущее. Почти все эти прогнозы оказались неверными (поражение СССР в мировой войне, крах Японской империи под напором восставших в Корее, Маньчжурии и военного переворота, крушение мирового капитализма после свержения Гитлера в Германии и т. д.), за единственным исключением: Троцкий правильно оценил неспособность польской Польши уцелеть как независимому государству в случае войны. Если даже столь неудачливый пророк оказался прав в этом прогнозе, это уже свидетельствует о том, насколько очевидной была военная беспомощность Польши.

Сознавали безнадёжное положение Польши и советские руководители. Неизбежность быстрого разгрома польской армии и возможное вступление вермахта на территорию прибалтийских стран на основе соглашений Германии с их правительствами делали реальной перспективой появление немецких армий на тогдашней западной границе СССР, которая проходила в двухстах километрах от Киева, семидесяти километрах от Минска, тридцати километрах от Ленинграда.

Руководители СССР не намеревались спокойно наблюдать приближение к советским границам вооруженных сил страны, которая постоянно выдвигала захват советских земель в качестве одной из важнейших целей своей политики. Позже К. Е. Ворошилов так характеризовал возможные действия Красной Армии в

случае, если бы договор о ненападении с Германией не был подписан к началу польско-германской войны: «Мы не могли ждать, пока немцы разобьют польскую армию и нападут на нас, будут бить по частям... Нам нужен был плацдарм для соприкосновения с противником». Вопросы войны и мира на западных границах СССР были неразрывно связаны с военно-стратегическими соображениями о рубежах, на которых Красная Армия встретит наступающий вермахт. Об этом свидетельствовали не только переговоры с Германией в конце августа 1939 г., но и англо-франко-советские переговоры с весны 1939 г.

Пока польско-германская война не началась, Советский Союз мог дипломатическими средствами ослабить тот урон, который он понес бы в случае неизбежного военного разгрома Польши и почти неизбежной оккупации Прибалтики немецкими войсками. Этого можно было добиться лишь заключением военного союза с Польшей и выходом частей Красной Армии на такие рубежи на польской территории, на которых можно было остановить наступление немцев. Однако упрямая позиция польского правительства исключала возможность этого. Другая возможность состояла в том, чтобы договориться с Германией и остановить ее продвижение внутри Польши на основе соглашения. Для этого варианта создавались благоприятные условия, так как Германия тоже не была готова к войне с СССР.

В этом случае СССР должен был бы не только отказаться от помощи Польше, когда на нее нападёт Германия, но и договориться с лидерами рейха о тех рубежах, на которых германская армия остановится, захватив часть Польши. Как мог СССР пойти на союз с государством, агрессивный характер которого он постоянно разоблачал перед всем миром и против которого он призывал объединить значительную часть Европы? Как мог СССР идти на договорённости, исходящие из возможности оккупации Германией страны, независимость которой многократно собирался гарантировать СССР? Если ставить эти вопросы в отрыве от конкретной исторической обстановки, то ответ очевиден: любое соглашение, предусматривающее нейтралитет СССР в случае нападения Германии на Польшу, было вопиющим разрывом с прежней политикой и нарушением моральных обязательств.

Однако надо вспомнить, что к этому времени не

прошло и полугодом с тех пор, как Польша собиралась вместе с Германией атаковать СССР и делить Украину. (Следует также иметь в виду, что Польша наотрез отказывалась принять гарантии СССР и заключить с ним действенный союз.) Не проявляли высокую мораль и лидеры Англии и Франции, сначала предав Чехословакию, затем поощряя польско-германский поход на Украину, затем пытаясь сговориться с Гитлером летом 1939 г. Сталин не слишком преувеличивал, когда говорил на XVIII съезде ВКП(б) о всеобщем попрании морали теми, кто вершил международными делами в 1939 г.

Дело было не только в специфической атмосфере первой половины XX века, для которой были характерны особенно разрушительные и жестокие войны и решение судеб многих народов на основе человеконенавистнической морали. Отречение от своих прежних союзников, территории которых перекраивались в пользу бывших смертельных врагов, характерно для всей истории дипломатии. Принцип английской внешней политики, сформулированный Г. Пальмерстоном, об отсутствии у Англии постоянных привязанностей и наличии лишь постоянных собственных интересов, постоянно использовался многими государственными деятелями различных стран и народов.

Изменения, происшедшие в мире за сто лет после наполеоновских войн, мало повлияли на принципы международных отношений и формы внешнеполитических деклараций. Тайная дипломатия и секретные разделы чужих территорий, противостоящие друг другу коалиции с постоянно менявшимся составом их участников, союзы и конфликты, обусловленные все в большей степени экономическими интересами влиятельных финансовых кругов, определяли содержание и форму международных отношений и накануне второй мировой войны.

Оказавшись вовлеченными в сеть взаимоотношений с лидерами стран, проводившими традиционную политику эксплуатации и грабежа других народов, передела чужих стран, советское руководство было вынуждено следовать правилам международных отношений, носивших, по сути, аморальный характер. Однако нигилистическое отношение к международным правовым нормам и международной морали, восприятие любых соглашений с капиталистическими странами как вре-

менных с точки зрения близкой мировой пролетарской революции также способствовали принижению нравственного начала во внешней политике. Нарушения же законности, игнорирование моральных норм советским руководством в 30-х гг. в своей внутренней политике лишь благоприятствовали оправданию собственного аморализма во внешней политике всеобщей аморальностью.

Откликнувшись на призывы из Берлина к переговорам, Москва одновременно продолжает переговоры с Парижем и Лондоном. 23 июня Англия и Франция наконец приняли советское предложение начать переговоры на уровне военных штабов с целью согласования военной конвенции, которая должна была определить, сколько вооруженных сил должна выставить каждая сторона против Гитлера.

Для переговоров с высшими военными руководителями СССР были назначены делегации стран Запада, возглавляемые престарелым английским адмиралом Драксом и второстепенным французским генералом Думенком. Одна из инструкций гласила: «Британское правительство не желает принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать нам руки при тех или иных обстоятельствах. Поэтому следует свести военное соглашение к самым общим формулировкам». Инструкцией же определялось отношение английского правительства к подписанию военной конвенции, предложенной СССР: «Эта идея мало привлекает английское и французское правительства... До того времени, когда политическое соглашение будет заключено, делегация... должна вести переговоры очень медленно, следя за ходом политических переговоров».

Инструкции, выданные начальником французского генерального штаба Гамеленом для военной делегации Франции, характеризовали отношение соседей СССР к возможному передвижению советских войск навстречу наступлению германских войск таким образом: «Поляки не могут принять еще в мирное время принцип вступления русских войск на их территорию в случае конфликта... Возможность того, что они откроют свои границы для русских войск всех родов, остается маловероятной».

Однако соседи СССР великодушно не возражали против разнообразного снабжения их Советским Сою-

зом: «Поставки со стороны России для Польши, Румынии и Турции сырья, продовольствия, вооружения, снаряжения и оборудования будут, очевидно, хорошо приняты названными государствами. Очень желательно, чтобы СССР поставил им то, что Франция и Англия не могут им дать, во всяком случае в ближайшем будущем».

Прохладное отношение английского правительства к переговорам по вопросам военного сотрудничества трех держав нашло отражение и в подготовке состава английской делегации. Комментируя назначение адмирала Дрэкса, маршала авиации Бернета и генерал-лейтенанта Хейвуда для участия в трехсторонних переговорах, германский посол в Лондоне Дирксен писал: «Адмирал уже фактически на пенсии и никогда не был в составе военно-морского штаба. Генерал — чисто боевой офицер. Маршал авиации знаменит как пилот и инструктор, но не стратег. Кажется, это свидетельствует о том, что задача военной миссии скорее состоит в том, чтобы установить боевую ценность советских сил, чем подписать соглашения об операциях... Все атташе вермахта согласны в том, что в военных кругах Англии проявляют скептицизм по поводу предстоящих переговоров с советскими вооруженными силами».

Несерьезное отношение к возможности заключения соглашения с Советским Союзом проявилось и в том, что адмирал Дрэкс явился в Москву без официальных полномочий английского правительства для ведения переговоров. Эти полномочия прибыли лишь 21 августа. Официальный представитель Англии на переговорах в Москве Стрэнг даже выразил свое сомнение в необходимости таких переговоров. В своем письме от 20 июля он писал в министерство иностранных дел Англии: «Понистине поразительно, что от нас ожидают обсуждения военных секретов с Советским правительством, прежде чем мы обрели уверенность в том, что они наши союзники».

Как отмечал У. Ширер, подход Советского Союза был диаметрально противоположным: «Прежде чем русские связали себя политическими обязательствами, они хотели знать, на какую военную помощь Запада они могли рассчитывать». 27 июля, встретившись с англо-французскими участниками переговоров, В. М. Молотов подчеркивал: «Самое главное — узнать, сколько

дивизий каждая сторона сможет выделить ради общего дела и где они будут размещены».

Между тем ход событий в начале августа 1939 г. свидетельствовал о том, что польско-германский конфликт может в ближайшие дни перерасти в военные действия. 4 августа нацисты захватили сенат Данцига. На городских зданиях появились флаги со свастикой, а улицы стали патрулировать эсэсовцы. Власти Данцига попытались ликвидировать польскую таможенную границу между Восточной Пруссией и «вольным городом». Обострение обстановки вокруг Данцига неумолимо приближало начало польско-германского конфликта. СССР отказался ясно определить характер своих действий в случае развязывания военных событий на Востоке. Германия стала добиваться не только надежных гарантий невмешательства западных стран в будущий польско-германский конфликт, но и возможной поддержки Германии со стороны Запада в случае выступления СССР против нацистов в ходе этого конфликта.

10 августа в Берхгесгадене произошла тайная встреча Гитлера с комиссаром Лиги Наций в Данциге Буркхартом. Гитлер утверждал, что «Польша прибегает к угрозам в отношении Данцига». Он заявлял: «Если вновь возникнет малейший инцидент, я без предупреждения разгромяю поляков, так что от них не останется и следа. Я ударю как молния».

Заявив, что он готов пойти на всеобщую войну из-за Данцига и польского коридора, Гитлер в то же время подчеркивал, что он ничего не требует «от Запада ни сейчас, ни в будущем». Он подчеркивал: «Нужна свобода рук на Востоке... Германия нуждается в зерне и лесе. Для получения зерна мне нужна территория на Востоке, для леса — колония, только одна колония. Все остальное ерунда... Все, что я предпринимаю, направлено против России... Мне нужна Украина, чтобы нас не могли морить голодом, как в прошлую войну». Эти заявления Гитлер делал через неделю после того, как министр иностранных дел заверял советского поверенного в делах в благожелательном расположении Германии к России.

После встречи с Гитлером Буркхарт вылетел в Базель, где он имел секретную встречу с доверенными представителями английского и французского ми-

пистров иностранных дел Роджером Макинсом и Пьером Арналем. Так готовилась почва для оформления союза Германии с Англией и Францией. Публикация 12 августа в газете «Пари суар» об отбытии Буркхарта из Дании на личном самолете Гитлера вызвала переполох в мировой печати. Высказывалось предположение о том, что «Гитлер вручил Буркхарту для передачи Чемберлену письмо с предложением присоединиться к походу Германии против СССР».

Так как в этот день 12 августа в Москву, наконец, прибыли военные делегации Англии и Франции для ведения переговоров, то эта новость вызвала резко негативную реакцию общественного мнения Запада. Неблагоприятное отношение к очередной сделке с Гитлером как раз в тот момент, когда, казалось, открывалась возможность создать мощную антигитлеровскую коалицию, ослабляло шансы на достижение соглашения Гитлера с западными демократиями. Однако тайные переговоры Запада с нацистским руководством были продолжены. 16 августа состоялась встреча представителя военно-воздушных сил Англии барона де Роппа с Риббентропом в Берлине. Ропп заявил: «Было бы абсурдом для Германии и Англии ввязаться в смертельную борьбу из-за Польши. Результатом может быть взаимное уничтожение воздушных сил... в то время, как Россия с ее нетронутыми силами останется единственной страной, оказавшейся в благоприятном положении».

За 4 дня до этого в Москве началось совещание военных делегаций трех стран. В состав советской делегации входили нарком обороны К. Е. Ворошилов, начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников, нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов, начальник ВВС А. Д. Локтионов. Открывая совещание, К. Е. Ворошилов заявил о том, что речь должна идти о выработке конкретного плана развертывания вооруженных сил в случае войны.

В конкретной обстановке лета 1939 года правительства стран Запада не могли не отдавать себе отчета в том, что для проведения боевых операций советские войска должны иметь возможность подойти к войскам противника. Вероятнее всего, западные державы были бы рады, если бы правительства Румынии, Польши и прибалтийских стран проявили сто-

ворчивость. Как утверждал посол Германии в Лондоне Дирксен, для того чтобы обеспечить участие СССР в активных военных действиях против Германии, Англия готова была «уступить» СССР Прибалтику, которую до этого с такой же легкостью «отдавала» Германии (и об этом также старательно умалчивают многие современные авторы публикаций по истории 1939 года).

18 августа послы Англии и Франции посетили Бека с призывом согласиться на пропуск советских войск через польскую территорию. Ответом на это было надменное заявление Бека о том, что он не видит «выгоды от действий Красной Армии на территории Польши».

Разумеется, западным державам было нелегко убеждать Румынию и Польшу пропустить советские войска через их территорию после того, как они годами поощряли антисоветскую направленность в политике стран «санитарного кордона». Однако не столько заботой об эффективном отноре Германии были обусловлены эти хлопоты западных союзников. В Лондоне и Париже прекрасно понимали, что угроза для Запада будет устранена или во всяком случае отсрочена в случае затяжной войны на Востоке. В то же время они ясно представляли себе, что возможные агрессивные действия Германии против Польши быстро увенчаются разгромом последней. Они сознавали, что это ясно понимает и Советский Союз.

14 августа Риббентроп передал Молотову через Шуленбурга, что «скорейшее выяснение германо-русских отношений» связано с кризисом «в германо-польских отношениях». Он предупреждал, что «капиталистические демократии Запада... пытаются втянуть СССР в войну против Германии», что «дела могут принять такой оборот, что оба правительства лишатся возможности восстановить германо-советскую дружбу и совместно разрешить территориальные вопросы, связанные с Восточной Европой. Среди этих вопросов есть и такие, которые связаны с Балтийским и Черным морями, Прибалтикой, Польшей, Юго-Восточным районом и т. д. В подобных вопросах политическое сотрудничество между двумя странами может иметь только положительный результат». Риббентроп объявил о своей готовности «прибыть в Москву с краткосроч-

ным визитом, чтобы от имени фюрера изложить взгляды фюрера господину Сталину».

В ответ на обращение Риббентропа В. М. Молотов предложил 15 августа договориться о советско-германском договоре. Одновременно Советское правительство ставило вопрос о готовности Германии «повлиять на Японию с целью улучшения советско-японских отношений и урегулирования пограничных конфликтов». В. М. Молотов запрашивал также, «намеревается ли Германия дать возможные совместные гарантии прибалтийским государствам».

На следующий же день после этой беседы Молотов с Шуленбургом Риббентроп направил новое послание в Москву. Германия принимала предложение «заключить с Советским Союзом пакт о ненападении» на 25 лет. Германия объявляла о своей готовности «гарантировать безопасность прибалтийских государств» и «попытаться повлиять на улучшение и укрепление русско-японских отношений». Риббентроп высказывал особую заинтересованность в том, чтобы его поездка состоялась как можно скорее. Он был готов выехать в Москву, начиная с пятницы 18 августа, «принимая во внимание настоящую ситуацию и каждодневную возможность возникновения серьезных инцидентов» и нежелание Германии «терпеть бесконечно польские провокации».

Ответная нота 17 августа обращала внимание на то, что «политика германского правительства заставила СССР провести серьезные мероприятия по усилению своей обороноспособности на случай возможной агрессии Германии против СССР, а также принять участие в организации оборонительного фронта группы государств, направленного против такой агрессии». Подчеркнув верность принципу «мирного сосуществования различных политических систем», Молотов в ответ на просьбы Риббентропа заявил о том, что «сначала должно быть заключено экономическое соглашение». Лишь затем (правда, «через короткий промежуток времени») предлагалось «либо заключение пакта о ненападении, либо подтверждение Договора о нейтралитете от 1926 года». «В любом случае», как подчеркивала советская сторона, это «должно сопровождаться заключением протокола, в который среди прочих вопросов будут включены германские заявления от 15 августа».

Телеграмма Шуленбурга о его встрече с Молотовым была отправлена утром 18 августа в 5 часов 30 минут. Поняв, что Советское правительство не собирается принимать Риббентропа 18 августа для подписания договора о ненападении, Гитлер, по оценке У. Шпрера, «был близок к отчаянию...» Он решил удвоить усилия для того, чтобы достичь соглашения с СССР. Из ставки фюрера в Оберзальцберге вечером 18 августа была отправлена новая телеграмма в Москву. Шуленбургу предписывалось «немедленно» условиться «о новой беседе с господином Молотовым» и сделать «все, что возможно, чтобы эта беседа состоялась без задержки». Шуленбург должен был передать Молотову: «В нормальных условиях мы, естественно, тоже были бы готовы провести дальнейшую перестройку германо-русских отношений через дипломатические каналы и довести ее до конца в обычном порядке. Но, по мнению фюрера, существующая необычная ситуация делает необходимым использование какого-нибудь другого метода, который приведет к быстрым результатам».

Ссылаясь на то, что «в любой день могут произойти столкновения, которые сделают неизбежным начало военных действий», Риббентроп просил о «немедленном ответе на предложение» Германии, настаивал на согласии Советского правительства на его «немедленный въезд в Москву». По поручению Риббентропа Шуленбург огласил германский проект статей договора о ненападении. Шуленбург сообщал также о том, что рейхсминистр будет облечен полномочиями для подписания «специального протокола», регулирующего «интересы обеих сторон в тех или иных вопросах внешней политики, например в согласовании сфер интересов на Балтике, проблемы Прибалтийских государств и т. д.». Одновременно Шуленбург сообщал о том, что окончательное соглашение между СССР и Германией подписано. (Сообщение «Правды» от 21 августа гласило, что торгово-кредитное соглашение было подписано 19 августа Е. Бабариным и Ю. Шнурре.)

Однако несмотря на то, что Шуленбург выполнил указания своего шефа («настаивайте... на быстром осуществлении моей поездки и соответствующим образом противьтесь любым возможным советским возражениям»), германские требования о «немедленном»

выезде Риббентропа в Москву не были удовлетворены. Во время очередной встречи с Шуленбургом, состоявшейся 19 августа в 2 часа дня, Молотов, одобряя идею договора, заявил, что «германский проект пакта о ненападении ни в коем случае не является исчерпывающим». Вместо этого проекта Молотов предложил взять за образец один из пактов о ненападении, заключенных СССР «с другими странами, например, с Польшей, Латвией, Эстонией и т. д.»

Шуленбург писал в Берлин: «На все доводы, которые я неоднократно и подчеркнуто выдвигал в пользу необходимости торопиться, Молотов возразил, что пока что даже первая ступень — завершение экономических переговоров — не пройдена. Прежде всего должно быть подписано, провозглашено и приведено в действие экономическое соглашение. Затем наступит очередь пакта о ненападении и протокола... Молотова, очевидно, не трогали мои возражения; и первая беседа закончилась заявлением Молотова о том, что он высказал мне взгляды Советского правительства и не может более ничего к ним добавить».

Создается впечатление, что подписание экономического соглашения само по себе не изменило отношения Советского правительства к политическому соглашению с Германией. СССР оставлял для себя возможность отказаться от договора о ненападении (германский проект был отвергнут без обсуждений) и требовал внесения ясности в содержание предлагаемого Германией протокола к договору. Видимо, ко времени встречи Шуленбурга с Молотовым 19 августа Советское правительство еще не приняло окончательного решения.

К этому времени трехсторонние переговоры зашли в тупик. 14 августа советская делегация выразила официальное сожаление по поводу «отсутствия у военных миссий Англии и Франции точного ответа на поставленный вопрос о пропуске советских вооруженных сил через территорию Польши и Румынии». 17 августа по предложению Дракса в работе совещания был объявлен перерыв до 21 августа. За день до встречи Шуленбурга с Молотовым демарш послов Англии и Франции в Варшаве был высокомерно отвергнут Беком. 19 августа Галифакс обратился через посла Англии в Польше с просьбой к Беку дать необхо-

димое согласие, указав, что Польша «срывает» военные переговоры в Москве.

В тот же день английский и французский послы вновь посетили Бека. Тот был снова неуступчив, хотя и согласился обдумать ответ. На следующий день, 20 августа, Бек вновь ответил отказом, заявив послам Англии и Франции: «Я не допускаю, что могут быть какие-либо дискуссии относительно какого-либо использования нашей территории иностранными войсками. У нас нет военного соглашения с СССР. Мы не хотим его».

Оказывая всемерное давление на Польшу, западные союзники в то же время отчаянно пытались убедить СССР за столом московских переговоров в необходимости связать себя военными обязательствами по участию в польско-германском конфликте. Как последний шаг, глава французской делегации Думенк по поручению премьер-министра Франции Даладье сообщил Ворошилову о согласии Франции «в принципе» на проход советских войск через польскую территорию.

К. Е. Ворошилов потребовал письменных полномочий от Даладье на подписание Думенком военного пакта, разрешающего проход советских войск через Польшу. Таких полномочий Думенк предъявить не мог. В этой связи К. Е. Ворошилов заявил: «Я боюсь одного. Французская и английская стороны позволили, что политические и военные переговоры слишком затянулись. Вот почему мы не должны исключить возможности в настоящее время определенных политических событий». Вечером 21 августа 1939 г., когда происходил этот разговор, К. Е. Ворошилов уже прекрасно знал, что «определенные политические события» совсем не исключены в самом ближайшем будущем.

В это время в Москве уже произошла радикальная перемена по отношению к германскому предложению. По словам Шуленбурга, 19 августа, едва ли не через полчаса после завершения беседы Молотов передал ему, что просит разыскать его снова в Кремле в 16.30. Во время второй встречи Молотов объяснил, что после его доклада Советскому правительству он получил полномочия вручить германскому послу советский проект договора о ненападении. Молотов заявил, что Советское правительство готово принять Риббентропа

в Москве «примерно через неделю после обнародования подписанного окончательного соглашения», т. е. 26 или 27 августа.

Попытки Шуленбурга приблизить дату прибытия Риббентропа оказались безуспешными. Казалось бы, СССР уже сделал выбор. Однако, ссылаясь на необходимость согласовать текст договора (подчеркивая это, Молотов заявлял, что «Советское правительство относится очень серьезно к договорам, которые оно заключает»), Советское правительство отодвинуло дату приезда Риббентропа на неделю, а это оставляло известную возможность для внешнеполитических маневров.

ДОГОВОР ОТ 23 АВГУСТА 1939 ГОДА

Новым событием в советско-германских отношениях явилось прямое обращение Гитлера к Сталину, которое Шуленбург передал Молотову 21 августа в 3 часа дня. Гитлер, как отмечает У. Ширер, «проглотив свою гордость, лично просил советского диктатора, которого так часто и так долго оскорблял, принять его министра иностранных дел немедленно в Москве». Гитлер приветствовал «подписание нового германо-советского торгового соглашения» и объявлял его первой ступенью «перестройки германо-советских отношений».

Гитлер безоговорочно принимал проект пакта о ненападении, который был предложен Молотовым. Он объявлял, что пакт «возобновляет политическую линию, которая была выгодна обоим государствам в течение прошлых столетий». На время Гитлер забывал о строках в «Майн кампф», в которых предполагалось повернуть историю на шесть столетий назад, к тем ее страницам, когда германское воинство шло походом на Восток. Одновременно Гитлер переделывал историю последних дней, изображая дело так, что именно Москва является инициатором протокола к договору. (Он упоминал протокол, «желаемый Советским правительством».)

Гитлер настаивал на том, чтобы «не теряя времени, вступить в новую фазу отношений друг с другом». «Поэтому, — писал он, — я еще раз предлагаю принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, самое позднее в среду, 23 августа».

К последней декаде августа, когда у Советского правительства были исчерпаны резервы времени для отсрочки решения, перед ним был набор из ограниченного числа альтернатив. Подобно ситуации, возникшей зимой 1917—1918 годов во время переговоров в Бресте, Советская страна имела три схожие возмож-

ности для внешнеполитических действий: 1) заявить о своем решительном неприятии сделок с Германией и тем самым взять курс на войну с гитлеровским режимом; 2) заявить о своем отвращении к любым соглашениям с империалистической державой, но в волеизъявлениях с Германией не вступать; 3) подписать договор о мирных отношениях с Германией. Учитывая существенные изменения, происшедшие за 20 лет в мире и в положении Советской страны, рассмотрим, как выглядели возможные варианты действий в 1939 году.

К чему привели бы отказ от договора о ненападении с Германией и продолжение попыток достичь соглашения с западными державами о совместных вооруженных действиях против Германии? Советское правительство не могло не догадываться, что военный конфликт может начаться со дня на день. Неоднократно выраженное стремление германских руководителей подписать договор с СССР как можно быстрее и не позднее 23 августа свидетельствовало об одном: до начала войны остаются считанные часы. (На военном совещании у Гитлера был назначен день начала войны — 26 августа. Лишь затем дата была перенесена на 1 сентября.)

Советское правительство понимало, что антигитлеровский союз к началу военных действий создать не удалось. Более того, оно видело, что западные державы стремятся максимально уклониться от выполнения своих союзнических обязательств и возложить основную тяжесть военных усилий на Советский Союз. В этом случае возникала опасность того, что в ближайшие дни Советскому Союзу предстояло бы вступить в бой с мощной германской армией без помощи Англии и Франции, имея рядом Польшу, которая и слышать не желала о военном сотрудничестве с СССР.

Советское правительство твердо знало, что Польша категорически не допустит пропуск советских войск через свою территорию. Из слов западных делегатов на трехсторонних переговорах получалось, что Красная Армия должна была находиться в состоянии полной боевой готовности на границе и ждать, когда польское правительство поймет обреченность своего положения и обратится к СССР за помощью. Правда, у Красной Армии был и другой выход: в случае нападения Германии на Польшу проигнорировать сооб-

ражения международного права, перейти границу и ударить по германским частям на польской территории. Однако в этом случае Советский Союз мог бы стать объектом широкого осуждения за нарушение суверенитета Польши. К тому же части РККА могли подвергнуться нападению со стороны польских войск. Красной Армии пришлось бы воевать не только против мощной германской армии, но и против частей армии Польши.

Переговоры с западными странами показали, что помощь Англии и Франции была бы лишь слабой, косвенной и крайне ненадежной. Перед СССР вставала перспектива захвата немцами стратегически удобных рубежей для дальнейшего броска в глубь Советской страны до начала активных действий Красной Армии, а также разгрома ряда советских армий в сражениях на территории Польши, Белоруссии или Украины в крайне невыгодных условиях. Как и платформа «революционной войны», выдвинутая «левыми коммунистами» в 1918 году, этот вариант действий ставил судьбу Советской страны в зависимость от внешних факторов и почти фатально обрекал ее на сокрушительное военное поражение.

Отказ от любых соглашений с империалистическими державами был подобен тому решению, которое принял Троцкий в Бресте: никаких соглашений (ни с Германией, ни с западными державами) не подписывать, но в военных действиях против Германии участия не принимать. Вероятно, подобные действия дали бы известную отсрочку вступления СССР в войну, но практически неизбежная агрессия Германии началась бы с рубежей, расположенных в основном по польско-советской границе, установленной Рижским договором.

Если бы СССР позволил Германии беспрепятственно выйти к советско-польской границе 1939 года, разгром частей и соединений Красной Армии принял бы еще более катастрофический характер, чем тот, который был в июне 1941 г.

В течение двух десятилетий после завершения гражданской войны Советское правительство прилагало усилия по укреплению военного потенциала страны. Однако, несмотря на грозные заявления о том, что «от тайги до британских морей Красная Ар-

мия всех сильнее», истинное состояние военной готовности СССР в начале мирной передышки было ниже всякой критики. Выступая на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г., наркомвоенмор К. Е. Ворошилов рисовал пугающую картину состояния предприятий оборонной промышленности, сохранивших, по его словам, «архаические пережитки времен Ивана Калиты», при виде которых «берет оторопь». К 1929 г. в Красной Армии насчитывалось около 26 тысяч станковых пулеметов, 7 тысяч орудий разных калибров, 200 танков и бронемашин, 1000 боевых самолетов старой конструкции. Отставание Красной Армии от армий капиталистических стран было катастрофическим.

Темп развития военного производства в годы пятилеток неизмеримо ускорился. Ежегодное производство самолетов, достигнув 860 в 1931 г., выросло до 3578 в 1937 году. За эти же годы производство танков выросло с 740 до 3139, артиллерийских орудий с 1911 до 5020, винтовок с 174 тысяч до 397 тысяч. К 1 января 1939 г. количество пулеметов в армии составляло 77 тысяч, артиллерийских орудий — 45 790. Существенно выросли качественные показатели вооружений. По своим боевым качествам советские танки не уступали зарубежным образцам. Новая противотанковая пушка образца 1937 года могла пробивать броню боевых машин всех типов, состоявших в то время на вооружении зарубежных армий. Однако решение многих задач по повышению военного потенциала СССР до уровня передовых капиталистических стран должно было быть осуществлено лишь в течение третьей пятилетки (1938—1942 годы).

Отсрочка военного конфликта с Германией позволяла решить задания третьего пятилетнего плана для оборонной промышленности. Ряд показателей свидетельствует о качественных переменах, происшедших с 1939 г. по июнь 1941 г. в вооружении советских войск, и отчасти подтверждает справедливость аргумента И. В. Сталина об «определенном выигрыше», который получил СССР, заключив договор о ненападении. За этот период поступление винтовок и карабинов в войска возросло на 70 процентов, число ручных пулеметов возросло на 44 проц., а станковых — на 29. Именно за эти месяцы были созданы совершенные образцы оружия, танков, самолетов, не уступавшие со-

ответствующим видам вооружений в германской армии. Накануне войны были созданы «катюши».

Дальнейшие события показали, что к ноябрю 1942 года численный перевес Красной Армии на советско-германском фронте, а также количественное превосходство в орудиях, минометах, танках и САУ были достигнуты (даже после огромных потерь 1941—1942 гг.). К этому времени существенно вырос и качественный уровень советской техники. Одновременно был значительно сокращен разрыв в самолетах (3254 у Красной Армии, 3500 у Германии и ее союзников). Это в известной степени отражало достижения советской оборонной промышленности в ее соревновании с военной индустрией Германии. Надежды на то, что время работало на укрепление военной мощи СССР, не были беспочвенными.

Видимо, в 1939—1941 гг. советское руководство во главе с И. В. Сталиным рассчитывало максимально долго расширять «щель во времени» и оттягивать начало войны, вплоть до достижения военного превосходства над Германией. Не исключено, что это также вело его к нежеланию признать, что Германия не считалась с этими надеждами и расчетами Советского правительства и собиралась начать войну раньше того, как СССР к ней сможет подготовиться. Стремление убедить себя и других в том, что «щель во времени» для германского наступления предельно узка, заставляло И. В. Сталина не верить в то, что Гитлер решится начать наступление в конце июня, так как это было слишком поздно, чтобы добиться решительного успеха, не верить, что германское наступление будет успешно развиваться после 1 сентября (после начала дождей) и уж тем более после 1 октября.

Вряд ли заявление И. В. Сталина о том, что отсрочка нападения Германии принесла выигрыш для СССР и проигрыш для Германии, в достаточной полной мере отражает реальность. К 22 июня 1941 г. Советская Армия продолжала отставать от германской по уровню технического оснащения. Танков новых типов, значительно превосходивших по своему качеству немецкие, было выпущено немного: в 1940 г. имелось только 243 KB и 115 Т-34. Лишь в первые шесть месяцев 1941 г. выпуск новых танков существенно возрос: 393 KB и 1110 Т-34.

К июню 1941 г. германская армия превосходила

Красную Армию по количеству и качеству различных видов военной техники. В конце сентября 1941 года Сталин признавался посланцу Рузвельта Гарри Гонкинсу, что после летних поражений «превосходство Германии над Россией составляет в авиации 3:2, по танкам 3:1 или 4:1, по числу дивизий 320:280». Вероятно, что военное столкновение с Германией осенью 1939 года обернулось бы еще более крупными поражениями для частей и соединений Красной Армии, чем в 1941 году, но убедительно подтвердить, что 22 месяца после подписания договора о ненападении дали Советскому Союзу «определенный выигрыш» и принесли «проигрыш для фашистской Германии», не представляется возможным.

Совершенно очевидно, что Советское правительство не смогло использовать 22 месяца — от 23 августа 1939 года до 22 июня 1941 года — для того, чтобы добиться равновесия, а тем более превосходства над германскими вооруженными силами. Но было ли это возможным? 6 ноября 1944 года, выступая с докладом по случаю 27-й годовщины Октябрьской революции, И. В. Сталин дал обоснование причин поражений «миролюбивой нации» после нападения «нации агрессивной». «Агрессивные нации в нынешней войне, — утверждал И. В. Сталин, — еще перед началом войны имели уже готовую армию вторжения, тогда как миролюбивые нации не имели даже вполне удовлетворительной армии прикрытия мобилизации». Именно этим И. В. Сталин объяснял поражение Англии в США в войне с Японией, поражения Советской Армии в первый период Великой Отечественной войны. «Германия, как агрессивная нация, — заявлял И. В. Сталин, — оказалась более подготовленной к войне, чем миролюбивый Советский Союз». Эта аргументация отчасти преследовала цель оправдать поражения Красной Армии в 1941—1942 гг., вызванные, в частности, и крупными ошибками руководства страны во главе с И. В. Сталиным. (В то же время она должна была подкрепить положение И. В. Сталина о необходимости укрепления военно-политического сотрудничества антигитлеровской коалиции, сложившейся во время войны.) При всей сомнительности деления наций на «миролюбивые» и «агрессивные» надо признать, что подчинение экономической, социальной и политической жизни страны целям вой-

ны повышает степень готовности общества припять жертвы и лишения, связанные с предвоенной подготовкой, а затем и военными действиями. Пропаганда милитаризма, являющаяся неизбежным спутником практически любого диктаторского режима, облегчает подчинение производственной активности страны целям гонки вооружений, помогает создать общественный климат в стране, оправдывающий снижение уровня потребления, возмещающий жертвенность отдельного человека во имя победы своей страны. Все это происходило в тех нациях, которые были «агрессивными», по определению И. В. Сталина. Это подтверждалось широко известным лозунгом Геринга: «Пушки вместо масла». Это можно было увидеть из содержания кинофильмов Японии времен войны, в которых гибель солдата за императора воспевалась как высшее счастье.

Однако нельзя преувеличивать эффективность такого воздействия на общественное сознание и его результативность в достижении военного превосходства «агрессивной» нации. Как бы ни оглушала немцев милитаристская пропаганда, они не проявляли готовности отказаться от того набора социально-экономических благ, которые они имели в мирный период истории «третьего рейха».

В известной степени режим Гитлера стал пленником своей же социальной демагогии. Кроме того, глубокая разница между искусственной версией пропаганды (какой бы изощренной она ни была) и правдой жизни не позволяла народам «агрессивных» наций пойти на такие жертвы и лишения, на которые идет народ страны, стоящий перед угрозой уничтожения в результате нападения извне.

Именно последнее обстоятельство привело к тому, что англичане пошли на более значительные ограничения в уровне потребления, более активное участие населения в военных приготовлениях, чем подданные «третьего рейха». Сознание угрозы для своего существования многократно усиливает способность народа к сопротивлению захватчикам, порождает массовую самоотверженность населения, которая проявляется в поддержке армии обороняющейся от агрессии страны, в партизанской войне и трудовых усилиях в военном производстве.

Как бы ни были пастойчивы лозунги о необходи-

мости «догнать и перегнать передовые капиталистические страны по уровню производства», как бы ни была жестка дисциплина в годы сталинских пятилеток, вряд ли пропаганда и административные методы управления могли так воздействовать на общественное сознание страны, стиль жизни и труд людей, как реальное понимание смертельной угрозы, нависшей над советским народом в результате агрессии Германии. (Естественно, что репрессии этих лет лишь серьезно подрывали способность страны выдержать грядущие испытания.)

Лишь нападение Германии и ее союзников на Советскую страну создало ту ситуацию, когда политическое сознание народа перешло в новое качество. Лишь в условиях борьбы за свое существование стал возможен массовый боевой и трудовой героизм советского народа, приведший его к победе над германским фашизмом. Хотя не исключено, что успехи оборонной промышленности СССР после выполнения заданий третьей пятилетки в конце 1942 года могли быть впечатляющими, вряд ли можно было рассчитывать, что темпы производства вооружений достигли бы таких размеров, какими они были в годы войны.

Достичь трудового подъема в условиях тяжелых условий возможно было лишь в стране, реально сознающей возможность своего порабощения и уничтожения. Возможно, что ситуация была бы иной, если бы в стране не было культа личности, нарушений законности, господства административно-бюрократических методов. Однако, исходя из исторической реальности тех лет, трудно представить себе, что любые призывы правительства к умножению усилий страны во имя укрепления обороны вызвали бы в августе 1939 г. самоотверженность советских людей, проявленную ими в 1941—1945 гг. (Хотя вряд ли без двух десятилетий, в течение которых советские люди реально ощущали себя словно в крепости, осажденной врагами, советский народ смог бы так ясно осознать опасность своей гибели в случае вражеской интервенции. Лишь годы гитлеровской оккупации вызвали понимание такой угрозы среди части населения Западной Европы, постепенно включившейся в движение Сопротивления.)

И хотя в августе 1939 г. Советское правительство еще не могло знать ни размеров, ни времени германского нашествия, для него было совершенно ясно, что в данный момент страна к войне не готова. Как и зи-

мой 1918 г., холодный расчет говорил в пользу заключения договора с Германией. Однако в отличие от генерала Гофмана на брестских переговорах Гитлер предлагал не унижительные и грабительские, а почетные и выгодные условия мира.

Характеризуя осенью 1941 г. позицию Сталина перед войной с точки зрения Запада, посол США в Москве Джозеф Дэвис писал: «Сталин — восточный человек, но холодный реалист... В 1938—1939 годах он не доверял ни Англии, ни Франции. Не верил он и в способность демократических стран эффективно противостоять Гитлеру. Тогда он ненавидел Гитлера и боялся его точно так же, как и сейчас. Он пошел на заключение пакта о ненападении с Гитлером не столько по идеологическим мотивам, сколько по практическим соображениям, так как это было его наилучшей надеждой на сохранение мира для России».

Вопрос о том, что СССР не был готов к войне, не вызывает сомнений. Но готовы ли были Советская страна, друзья СССР и мировое общественное мнение к миру Советского Союза с Германией? Поворот от вражды к дружбе с Германией был самой резкой переменой во внешнеполитическом курсе страны с 1917 года. В то же время отказ от конфронтации с капиталистическим миром после гражданской войны, вступление СССР во многократно заклеенную Лигу Наций в 1934 г., переговоры, предусматривавшие возможность военного союза с империалистическими державами (Англией и Францией), подготовили общественное мнение к возможным изменениям во внешней политике страны. Правда, в данном случае речь шла о сотрудничестве с оплотом антикоммунизма и антисоветизма. Однако часто повторявшаяся фраза Сталина, сказанная им в январе 1934 г., о том, что «фашизм... в Италии не поменял СССР установить наилучшие отношения с этой страной», настраивала общественное сознание на возможность резкого поворота и в советско-германских отношениях. Наконец, отсутствие гласности и нарушение демократических норм в СССР в те годы позволяли И. В. Сталину рассчитывать на эффективность политической пропаганды, которая могла обосновать необходимость советско-германского сотрудничества.

Аналогичные соображения позволяли И. В. Сталину рассчитывать на то, что антифашистское движение

мира, ядро которого составляли партии Коминтерна, примет этот поворот в советской внешней политике, как оно принимало предыдущие изменения в советском курсе.

Что же касается мнения буржуазных сил, то И. В. Сталин, наверное, отдавал себе отчет в том, что СССР не пользовался среди них широкой поддержкой. Фраза, которую 23 июня 1941 года произнес тогда малоизвестный американский сенатор из штата Миссури Гарри Трумэн: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывает будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше» — ярко выражала отношение значительной части буржуазной общественности Запада к СССР. Об этом же свидетельствовал рост популярности СССР среди этих сил в годы войны, когда шансы его на выживание снижались до предела. Впрочем, впоследствии можно было наблюдать подобные же подъемы популярности нашей страны среди этих сил по той же причине.

Ответ И. В. Сталина Гитлеру был готов через два часа после того, как Шуленбург зачитал послание германского фюрера. Выражая уверенность в том, что «германо-советский пакт о ненападении станет решающим поворотным пунктом в улучшении политических отношений между нашими странами», И. В. Сталин соглашался «на прибытие в Москву господина Риббентропа 23 августа».

На следующий день Гитлер подписал полномочия Риббентропу для переговоров в Москве «о заключении пакта о ненападении, а также всех смежных вопросов» и «подписания как пакта о ненападении, так и других соглашений, являющихся результатом этих переговоров, с тем чтобы этот пакт и эти соглашения вступили в силу немедленно после их подписания».

23 августа Риббентроп прибыл в Москву, и в тот же день начались советско-германские переговоры. По словам Риббентропа, «последним препятствием к окончательному решению» явилось «требование русских... признать порты Либавы (Лиепая) и Виндава (Вентспилс) входящими в их сферу влияния». Согласно Гитлера, полученное из Германии телеграммой, устранило и это препятствие. Поздно ночью 23 августа советско-германский договор о ненападении был подписан.

Германия получала гарантию неучастия СССР в

германо-польской войне. СССР получил отсрочку германского нападения. Но, как и во времена Бреста, существенное значение в подобном договоре имели не только «щели во времени», но и «щели в пространстве», и прежде всего те рубежи, на которых будет размещена германская армия к моменту своего неизбежного нападения на СССР. Советские руководители соглашались, что фронт военных действий может переместиться в глубь Советской страны. Об этом, в частности, свидетельствовала постановка И. В. Сталиным задачи создания «базы хлебного производства на Волге» в связи с тем, что могут возникнуть «всякие возможные осложнения в области международных отношений». В то же время советские руководители стремились максимально отдалить рубеж германского наступления от Волги (которой суждено было стать рубежом германской оккупации по плану «Барбаросса»). На протяжении 1939 года Советское правительство постоянно стремилось добиться выхода своих войск на такие рубежи, которые позволили бы им встретить германскую армию на существенном удалении от западной границы СССР.

Фактор пространства был неразрывно связан с фактором времени. Чем с более дальнего расстояния начинали бы свое наступление немецкие войска, тем больше снижалась бы для них вероятность достичь Ленинграда, Киева и Москвы до осенней распутицы и зимних холодов. Однако перемещение армий Германии по Восточно-Европейской равнине нельзя планировать без учета особенностей местности, используемых для создания оборонительных рубежей, осуществления контрударов и иных боевых действий.

История военных действий 1941—1945 гг. наглядно выявила, что наличие определенных характеристик территории в западной части СССР позволяло наступающим и обороняющимся войскам проводить схожие операции в тех же местностях как в ходе наступления немецких армий в 1941 г., так и в ходе наступления советских армий в 1943—1945 гг. (Видимо, это отражало не только специфику местности, но и особенности вооружения и боевой техники тех лет.) Ход боевых операций показал, что создать устойчивую оборону внутри территории Белоруссии представлялось трудным перед лицом превосходящих сил наступающей армии. Лишь в районе течения Днепра и Великой

(Исковское озеро — Полоцк — Витебск — Орша — Могилев — Жлобин) стремительное наступление германской армии было приостановлено к 10 июля 1941 г. Осенью 1943 г. советско-германский фронт стабилизировался примерно на этой же линии вплоть до начала наступления Красной Армии в июне 1944 г. В 1941 г. Белоруссия стала местом грандиозных окружений многочисленных советских армий. Через три года белорусская земля превратилась в место окружения и пленения многих сотен тысяч немецких войск и быстрого продвижения Красной Армии до рубежа, проходившего по рекам Неман, Нарев и Висла (рубеж по реке Висла Наполеон именовал «естественной границей России»). На этом рубеже фронт вновь стабилизировался на несколько месяцев.

И в 1941 г., и в 1944 г. наступления в Белоруссии были быстрыми: менее трех недель двигались немецкие войска до Витебска, менее пяти недель освобождала Красная Армия Белоруссию. Из этого можно сделать вывод, что любой рубеж, проведенный восточнее рек Висла, Нарев, Неман и западнее Днепра, мог в случае наступления превосходящих сил противника сделать обороняющихся объектом окружения и задержать выход вражеских войск к Днепру лишь на 2—4 недели.

Трудно оказывалось сдерживать наступление и в Западной Украине восточнее рубежа по рекам Висла и Сан и западнее советско-польской границы 1920 года. Красная Армия освобождала эту территорию две недели. Примерно столько же времени потребовалось и для продвижения немцев (правда, с более западных рубежей). Лишь рубеж по рекам Висла и Сан давал возможность сдерживать наступление достаточно долго.

Опыт военных действий 1941—1944 гг. в Прибалтике показал, что трудно было удерживать Восточную Литву и Юго-Восточную Латвию. Однако задержать наступающие войска оказывалось возможным в остальной части Прибалтики, в частности в районе Риги и нижнего течения Даугавы, на линии Пярну — Тарту и в Курляндии (хотя и опыт защиты Лиепая советскими частями, и окружение немецких армий группы «Север» в 1944—1945 гг. показали трудности положения оборонявшихся).

Продвижение немецких войск в Прибалтике даже в условиях блицкрига потребовало 1,5 месяца. Совет-

ские войска освободили Прибалтийские республики (кроме Курляндии) за 2,5 месяца. Таким образом, выход советских войск в Прибалтике на рубеж по реке Неман позволял задержать продвижение наступающего противника по крайней мере на пару месяцев и избежать серьезных окружений в случае своевременного отступления из Курляндии и Северо-Западной Эстонии.

Все эти наблюдения свидетельствуют о возможности создать достаточно долговременную оборону по рубежу Неман — Бабер — Нарев — Висла — Сан или по линии Западная Двина — Днепр — польесская болота — польско-украинская граница 1920 года. На территории же, заключенной между этими рубежами, создать надежные оборонительные рубежи оказывалось практически невозможным. Удовлетворение требований СССР на трехсторонних переговорах позволило бы советским войскам надеяться удержать германские армии от вторжения на Украину, в Белоруссию и Прибалтику в течение достаточно долгого времени. Вопрос о выгодных рубежах советской обороны неизбежно встал и в ходе советско-германских переговоров.

«Секретный дополнительный протокол», на который ныне ссылаются, определял раздел Прибалтийских стран (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва) на сферы влияния, при этом «северная граница Литвы» объявлялась «чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР». Далее отмечалось: «В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих Польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены приблизительно по линии рек Нарев, Висла и Сан. Вопрос о том, желательна ли в интересах обеих сторон сохранение независимости Польского государства, и о границах такого государства будет окончательно решен лишь ходом будущих событий».

Речь шла также и о проблемах Юго-Восточной Европы. В то время как советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии, германская сторона ясно заявила о полной политической незаинтересованности в этих территориях.

Хотя подлинность секретного протокола не доказана, но последующие события подтвердили наличие определенной договоренности между СССР и Германией о сферах действий в Восточной Европе. Линия их разграничения в основном соответствовала тем позициям,

которые затем позволили Германии занять долговременную оборону в 1944—1945 гг. Надежно защитившись от советских войск по рекам Нарев — Висла — Сана (как это случилось с осени 1944 до января 1945 г.), германские войска могли бы нанести из Литвы сокрушительный удар по советским армиям, размещенным в Белоруссии. Такая договоренность была намного хуже того, чего хотели достичь советские военачальники на трехсторонних переговорах. «Щель в пространстве» позволяла не укрыться от германской агрессии, а лишь отчасти замедлить выход германской армии к границе 1920 года и Днепру.

Но в какой степени военно-стратегические требования противостоящих армий соотносились с суверенным статусом независимых государств? На территориях, которые использовались для стремительных прорывов танковых колонн и проведения грандиозных сражений, располагались независимые страны, стремившиеся до начала войны сохранить свой нейтралитет или избежать неудобного выбора из двух конфликтующих группировок. Суверенный статус многих стран мира, располагавшихся в пределах различных стратегических рубежей, охранялся международным правом. На практике же эти правовые положения игнорировались.

Так, Англия, энергично защищавшая суверенные права Прибалтики и Польши в 1939 г., когда вставал вопрос о пропуске советских войск к рекам Неман и Висла, забыла о своих принципах, когда в ходе войны возникла опасность Суэцкому каналу, и оккупировала Египет вопреки протестам египетского правительства. Аналогичным образом в 1941 г. Советский Союз и Англия приняли решение ввести свои войска на территорию Ирана, когда возникла угроза установления там прогерманского режима. В 1942 г. США высадились в Марокко, презрев необходимость испросить на то разрешение у марокканского султана и правительства Виши, с которым они поддерживали дипломатические отношения. В значительной степени это было обусловлено вопиющим игнорированием международного права Германией и ее союзниками по антикоминтерновскому пакту, как об этом свидетельствовали захваты Японии в Китае, оккупация фашистами Эфиопии, а также Албании, Греции, Австрии и многих других стран Европы. Судьбы нейтральных Голландии и Дании показали, что соблюсти нейтралитет во второй мировой войне

было крайне трудно. В этой ситуации положение стран «санитарного кордона» не оставляло им реальных шансов на сохранение неприкосновенности их границ.

Обсуждение всей суммы этих вопросов было неизбежно связано с договором о ненападении. Такая дискуссия не могла носить открытый характер. Тайные соглашения, до сих пор имеющиеся в международной практике (примером этому является секретное дополнение к действующему и ныне американо-японскому договору о безопасности 1951 года), заключаются с целью скрыть какие-то действия партнеров от мирового общественного мнения или третьих сторон, но по своей юридической сути касаются лишь сторон, подписавших договор. Секретные договоры не могут иметь юридической силы для каких-либо сторон, которые не только не являются участниками этого соглашения, но и не знают о его существовании. Они не могут повлиять на правовой статус какой-либо третьей стороны, быть юридическим основанием для каких-либо территориальных или государственных изменений в стране, даже не знаящей о факте такого соглашения.

Понятие «сфера влияния» было достаточно неопределенным и во многом зависело от конкретного положения той или иной страны или территории. Объявление Германии о своей незаинтересованности в Бессарабии означало ее готовность не препятствовать тем действиям СССР, которые будут связаны с непризнанием румынской аннексии этого края. Объявление Литвы и значительной части Польши «сферой влияния» Германии могло означать, что СССР не начнет войны, если германские войска войдут на территорию этих стран. Аналогичным образом могла бы действовать и Германия, если бы советские войска вступили бы в Эстонию, Латвию, Финляндию и восточную часть Польши. Однако дальнейшие события показали, что в этом вопросе было много неясного и подобные действия обеих сторон были предметом дополнительных консультаций. В противном случае они заставляли партнера по соглашению врасплох.

Дальнейшие действия Германии и СССР в отношении стран Прибалтики и Польши следует оценивать по их содержанию, а не по тайным договоренностям относительно «сфер влияния». Какими бы ни были тайные договоренности с Германией, единственно, что стало предметом гласности, — это советско-германский

договор о ненападении. Выступая на внеочередной четвертой сессии Верховного Совета первого созыва 31 августа 1939 года с докладом о ратификации договора, В. М. Молотов подчеркнул: «Советский Союз заключил пакт о ненападении с Германией, между прочим, в силу того обстоятельства, что переговоры с Францией и Англией патолкнулись на непреодолимые разногласия и кончились неудачей по вине англо-французских правящих кругов... Эти люди требуют, чтобы СССР обязательно втянулся в войну на стороне Англии против Германии... Если у этих господ имеется уж такое неудержимое желание воевать, пусть воюют сами, без Советского Союза... Мы бы посмотрели, что это за воляки».

В. М. Молотов объяснял, что «улучшение политических отношений с государством фашистского типа» не связано с вопросами идеологии. Он подчеркнул: «Дело не идет о нашем отношении к внутренним порядкам другой страны, а о внешних отношениях между двумя государствами... Вчера еще фашисты Германии проводили в отношении СССР враждебную нам внешнюю политику. Да, вчера еще в области внешних отношений мы были врагами. Сегодня, однако, обстановка изменилась и мы перестали быть врагами. Политическое искусство заключается не в том, чтобы увеличивать количество врагов для своей страны... Советско-германский договор о ненападении кладет конец вражде между Германией и СССР, а это в интересах обеих стран». В тот же день договор был ратифицирован.

КРАХ ПОЛЬШИ

Вопреки упрямой пропагандистской версии, распространяемой в последнее время в печати и по телевидению, о том, что подписание советско-германского договора толкнуло мир к мировой войне, история свидетельствует о том, что дорога к этой всемирной катастрофе сделала немало крутых поворотов, имела немало развилок и перекрестков даже за неделю до рокового обрыва в пропасть. Разумеется, заключение советско-германского договора о ненападении существенным образом изменило международную обстановку. Однако его воздействие носило гораздо более сложный и противоречивый характер, чем это можно себе представить из современных сочинений, в которых так легко отбрасываются страницы истории, неудобные для гладкой версии о «советско-нацистском сговоре» с целью погубить человечество. Уже 22 августа, когда стало известно о предстоящей поездке Риббентрона в Москву, правительство Англии заявило о том, что советско-германский договор о ненападении «никоим образом не повлияет на его обязательства в отношении Польши». 24 августа английский парламент принял закон о чрезвычайных мерах, в соответствии с которым в стране были осуществлены мобилизационные мероприятия. В тот же день во Франции были призваны 360 тысяч резервистов.

В личном письме к Гитлеру Чемберлен писал 22 августа: «Возможно, что объявление о советско-германском соглашении воспринимается в некоторых кругах Берлина в том смысле, что вмешательство Великобритании на стороне Польше уже не является фактором, с которым нужно считаться. Трудно придумать большую ошибку. Какой бы характер ни носило германо-советское соглашение, оно не может изменить обязательства Великобритании по отношению к Польше... Утверждается, что, если бы правительство Его Вели-

чества более четко определило свою позицию в 1914 году, можно было бы избежать великой катастрофы. Справедливо это утверждение или нет, но на сей раз правительство Его Величества преисполнено решимости добиться того, чтобы подобного трагического непонимания не было». Эта «решимость» была продемонстрирована подписанием 25 августа англо-польского договора о взаимной помощи.

Почему западные державы, став пособниками в захвате гитлеровцами Чехословакии, на сей раз объявляли о своей готовности защищать Польшу? Это было вызвано прежде всего изменением ситуации за год. Если Мюнхен открывал путь к походу Германии и Польши на Украину, то готовность Англии и Франции уступить Гитлеру Польшу после заключения советско-германского договора не давала гарантии того, что Германия двинет свои войска на СССР и увязнет в долгой войне, которая истощит обе страны.

Новая уступка Запада, существенно укрепив Германию, окончательно подорвала бы доверие малых стран Европы к способности Англии и Франции быть гарантами их независимости. И если судьба восточноевропейских стран мало беспокоила западные державы, то угроза независимости Бельгии, Голландии, Люксембурга, Швейцарии серьезно тревожила Англию и Францию. Наконец, мюнхенские капитулянты учитывали острую политическую ситуацию в своих странах и даже в своих партиях. Возможность политического поражения Чемберлена и Даладье в случае нового Мюнхена была крайне велика.

Однако существовали и обстоятельства, толкавшие Запад к возрождению мюнхенской политики. Прежде всего, ни Англия, ни Франция не были готовы к серьезной войне против Гитлера.

Благополучный для Запада исход требовал всемерной отсрочки боевых действий с Германией. Этого можно было достичь либо принятием очередного захвата Гитлера как совершившегося факта и организацией внешне впечатляющей, но неэффективной демонстрации протеста, либо новой сделкой с Гитлером, которая торпедировала бы договор 23 августа 1939 года и привела бы к неизбежно затяжной советско-германской войне. Правительства Англии и Франции попытались обеспечить защиту интересов своих стран и своих внутриполитических позиций, прибегая в течение пос-

ледней недели августа попеременно то к демонстрации жесткости, то к попыткам умиротворения Гитлера.

Демонстрация жесткости в письме Чемберлена не возымела действия на Гитлера. В своем ответе английскому премьеру фюрер говорил о своей готовности обсуждать с Польшей вопросы Данцига и коридора «с позиций поистине беспрецедентного великодушия». В то же время он утверждал, что безусловные гарантии, которые получила Польша от Англии, лишь поощрили поляков «развязать волну беспрецедентного терроризма против одного с половиной миллиона немецких жителей в Польше. Эти зверства ужасны для жертв и невыносимы для такой великой державы, как германский рейх». (В последующем тема «зверств» по отношению к местному немецкому населению все чаще используется германской пропагандой для оправдания нападения Германии на Польшу.) Гитлер объявлял: «Если Англия нападет на Германию, она готова к этому и преисполнена решимости дать ответ». Угрозы Чемберлена не изменили планов Гитлера. Вряд ли повлияла на перемену решения и новость о подписании англо-польского пакта о взаимной помощи 25 августа. Германские войска должны были начать боевые действия 26 августа в 4 часа 30 минут утра. Гитлер не придавал серьезного значения любой демонстрации Запада, коль скоро это не было связано с боевыми действиями, угрожающими безопасности Германии. В связи с посещением послом Англии в Берлине Гендерсоном Гитлера 25 августа Гальдер записал в своем дневнике: «Фюрер не расстроится, если Англия будет вести мнимую войну».

Именно в это время Чемберлен и Даладье предприняли ряд усилий с целью договориться с Гитлером. Переговоры с германским правительством шли как по официальным каналам Гендерсона, так и через шведского предпринимателя Далернуса. В ходе допросов на Нюрнбергском процессе Геринг сообщал, что, поддерживая связь с Лондоном через Далернуса, он «имел в виду новый Мюнхен».

После беседы с Гитлером Далернус 27 августа встретился с Чемберленом и Галифаксом, которым он сообщил условия урегулирования польско-германского конфликта, предложенные Германией:

1. Германия желает заключить пакт о союзе с Британией.

2. Британия поможет Германии получить Данциг и коридор, но Польша получит свободную гавань в Данциге, балтийский порт Гдыню и коридор к нему.

3. Германия гарантирует новые польские границы.

4. Германии будут возвращены ее колонии или их эквивалент.

5. Будут даны гарантии для немецкого меньшинства, проживающего в Польше.

6. Германия даст обязательство защищать Британскую империю.

Почти одновременно в Лондоне были получены предложения Гитлера, переданные им через Гендерсона, которые в отдельных деталях расходились с условиями, о которых сообщал Далериус. После долгих совещаний английские руководители просили шведского дипломата передать Гитлеру свои предложения. Они соглашались на заключение англо-германского союза. Одновременно они предлагали начать польско-германские переговоры о коридоре. Эти предложения были позитивно встречены в Берлине.

29 августа Далериус сообщал в Лондон из Берлина о том, что «Гитлер и Геринг считают, что сейчас существуют определенные возможности для мирного урегулирования». По словам Далериуса, вожди рейха соглашались на «основные моменты» английского ответа. Гитлер просил «лишь» Данциг и право на экстерриториальную дорогу. Одновременно была направлена официальная нота Германии, в которой содержались требования на Данциг, коридор и обеспечение прав немцев, живущих в Польше. Нота требовала прибытия в Берлин польского эмиссара, имеющего полномочия для ведения переговоров.

31 августа были обнародованы новые германские предложения, которые были восприняты на Западе как «умеренные». По словам переводчика П. Шмидта, Гитлер заявлял: «Мне требовалось алиби, особенно в глазах немецкого народа, чтобы показать, что мною было все сделано для сохранения мира». Как свидетельствовал У. Ширер, эти предложения «обманули немцев». Гендерсон стремился убедить Липского вступить в контакт с правительством Германии, чтобы начать переговоры между Герингом и главнокомандующим Польши Рыдз-Смиглы. Одновременно Галифакс направлял аналогичные призывы Беку. Хотя ни в Лондоне, ни в Париже не верили в успех польско-германских перего-

воров, им было также важно продемонстрировать, что ими было сделано все возможное для сохранения мира.

В это время Муссолини выступил в роли посредника в углублявшемся конфликте. 31 августа итальянский министр иностранных дел Чивано предложил Англии от имени Муссолини посредничество, но лишь в случае безоговорочного согласия правительства Чемберлена на передачу Данцига Германии. Одновременно посол Италии Аттолико посетил Вайцзекера и, сообщив, что его страна ведет переговоры с Лондоном, попросил Риббентропа принять Липского. В тот же день Липский был принят Риббентропом, но рейхсминистр отказался вести переговоры с польским послом, как только получил от него ответ об отсутствии полномочий вести польско-германские переговоры по всем спорным вопросам. Сообщить об итогах своей встречи в Варшаву посол не смог, так как телефонная связь с посольством оказалась отключенной немцами.

Вечером 31 августа Геринг в беседе с Далериусом и Гендерсоном доказывал правоту Германии и противозаконность действий поляков, рассуждая о «польском тщеславии и их славянской бесцельности», и расписался в любви к Англии. Создавалось впечатление, что он передавал посредникам в переговорах с Чемберленом и Галифаксом аргументы, которые английское правительство могло затем использовать, объясняя свой отказ от защиты Польши.

Однако вряд ли Гитлер стремился к буквальному повторению Мюнхена. Как и в сентябре 1938 года, он стремился к впечатляющей военной победе, способной запугать мир и уж во всяком случае соседей Германии. Новый Мюнхен мог и подождать. Сделав все возможное для имитации своего «миролюбия» и заручившись поддержкой Италии как в демонстрации военной солидарности, так и в поисках новой сделки с Западом, Гитлер вновь дал сигнал к войне.

Еще до визита Липского к Риббентропу в полдень 31 августа Гитлер отдал окончательное распоряжение о начале военных действий 1 сентября. В его директиве указывалось: «На Западе важно, чтобы ответственность за начало военных действий лежала на Англии и Франции. Пока незначительные нарушения границ следует останавливать действиями местного значения... Если Англия и Франция откроют военные действия против Германии, задача соединений вермах-

та на Западе состоит в том, чтобы беречь свои силы и таким образом создавать условия для победоносного завершения операций против Польши.

1 сентября германская армия в составе 57 дивизий (2500 танков и 2000 самолетов) атаковала польские войска на всех фронтах. Строительство оборонительных укреплений на западной границе не было завершено (по плану они должны были быть сооружены лишь в 1944 г.). Лишь половина из 770 самолетов Польши находилась в боевых частях; они были устаревших конструкций и не способны догнать немецкие бомбардировщики. Немецкие танки существенно превосходили польские по боевым качествам.

С 1 по 3 сентября развернулось сражение в пограничной полосе, а с 4 сентября — в глубине фронта. Господство германской авиации в воздухе препятствовало объединению польских войск для нанесения контрудара. Почти все польские войска отступали неорганизованно и разрозненно, а это облегчало немцам их разгром. Утром 5 сентября генералы Гальдер, Браухич и фон Бок констатировали, что «противник практически разбит». 6 сентября пал Краков, 8 сентября германские войска взяли Сандомир и вышли на окраину Варшавы.

Дезорганизации обороны способствовало и поведение ряда польских военачальников и правительства Польши. Командующий армией «Прусы» генерал Домб-Бернацкий дезертировал. Покинул Варшаву и переехал в Брест, утратив связь со своими армиями, главнокомандующий маршал Рыдз-Смиглы. 6 сентября правительство Славой-Складовского тайно покинуло Варшаву и переехало в Люблин. 7 сентября Бек получил через французского посла в Польше Ноэля согласие предоставить правительству убежище во Франции. На следующий день правительство переместилось из Люблина в сторону Львова, а затем в Румынию. Там члены польского правительства были интернированы властями по требованию Германии.

Но даже в этой обстановке всеобщего краха в ряде мест польские войска оказывали героическое сопротивление захватчикам. Уверно сражались защитники военно-морской базы Гдыни. Небольшой гарнизон Хелы выдерживал непрерывные атаки с суши, воздуха и моря до 2 октября. Гарнизон Медлина оказывал со-

противление до 29 сентября. Вплоть до 28 сентября (три недели) продолжалась оборона Варшавы.

Национальная катастрофа всегда раскрывает различные проявления общественного сознания в крайних формах паники и трусости, самоотверженности и массового героизма. В эти дни проявился еще один фактор массового общественно-политического сознания — национализм меньшинства. Если общенациональный патристизм объединяет страну в единый лагерь и позволяет народу терпеть крайние лишения и бесконечные жертвы во имя победы над превосходящими силами захватчика, то национализм, противопоставляя интересы этнического меньшинства всей стране, ослабляет волю общества к отпору врагу. Даже малочисленная агентура, орудуя среди национального меньшинства, может нанести непоправимый вред обороне страны перед лицом надвигающейся агрессии.

Попытки использовать национальные меньшинства, руководимые националистами или авантюристическими сепаратистами, имеют давнюю историю. В ходе Северной войны Карл XII воспользовался сепаратистскими тенденциями гетмана Мазепы в борьбе против Петра I. Наполеон использовал в своих целях стремление различных слоев польского населения к независимости. Во время первой мировой войны кайзеровская Германия пыталась заручиться поддержкой ирландских патриотов, боровшихся против английского владычества, а царская Россия — играть на антиавстрийских настроениях населения Западной Украины.

В своей деятельности разведка Гитлера старалась особенно активно использовать выходцев из Германии. (Перед второй мировой войной за пределами Германии проживало от 2 до 3 миллионов немецких подданных.) Уже после 1918 г. германское правительство субсидировало ряд организаций немецкого населения тех районов, которые отошли от Германии по Версальскому договору. Эта активность существенно возросла после прихода к власти Гитлера. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что многие из лидеров нацистов родились за пределами Германии, долго там жили или участвовали в движениях групп немецких меньшинств и в иных националистических организациях (Гитлер родился в Авст-

рии, Гесс — в Египте, Розенберг — в Ревеле (Таллинне), Геринг долго жил в Австрии, будущие министры земледелия третьего рейха Дарре и Баке родились соответственно в Аргентине и на Кавказе).

В 1936 г. нацисты создают специальную службу связи с немецкими национальными меньшинствами. Среди этого населения стали создаваться отделенные национал-социалистической партии. К 1941 г. в «Заграничной организации национал-социалистической партии Германии» (АО) состояло 28 тысяч человек. Эта организация стремилась подчинить своему политическому руководству всех немецких подданных, занимавших враждебную позицию по отношению к «третьему рейху». Штатные сотрудники АО следили за настроениями выходцев из Германии.

Большую роль в обработке местного немецкого населения играла провокационная деятельность СС и СД. Создаваемые при СС небольшие оперативные группы, одетые в чехословацкую военную форму, действуя на территории этой страны, убивали судетских немцев. Позже аналогичным способом было осуществлено провокационное нападение мнимых поляков на немецкую радиовещательную станцию в Глейвице, что и явилось предлогом для начала второй мировой войны.

Гитлеровской пропаганде и провокаторам СС оказывалось сопротивление. Даже в Судетской области коммунисты, социал-демократы и представители других политических партий из местного населения боролись против идеологии нацизма. В Саарской области был создан объединенный антифашистский фронт. Однако к началу мировой войны национал-социалисты сумели захватить руководство местными немецкими группами в Эстонии, Латвии, Литве, Венгрии, Югославии, Румынии. К подобной деятельности привлекались и представители других национальных меньшинств, проживавшие в этих странах и испытывавшие проявления дискриминации. Это в значительной степени способствовало возникновению военных «пятых колонн» в этих странах.

Распространению нацистского влияния на местное немецкое население в Польше способствовали провокации, организованные СД: «Перед агентами СД поставили задачу — совершать такие преступления, вину за которые можно было бы затем возложить на по-

ляков; вместе с тем эти преступления должны были вызвать негодование и ожесточение против поляков среди немецкого национального меньшинства». В то же время «многие местные немцы уже давно лелеяли надежду, что придет день, когда они снова окажутся под немецким правлением». Немецкое меньшинство подвергалось постоянной пропагандистской обработке со стороны нацистов. Положение немцев в Польше активно использовалось в качестве предлога для вторжения Германии.

Накануне военных действий различные нацистские органы обращались к молодежи немецкого национального меньшинства с призывом не являться по мобилизации в польскую армию в случае войны, заниматься пораженческой пропагандой и при первом удобном случае присоединяться к германским войскам. Некоторое число людей из состава немецкого и украинского национальных меньшинств прошло специальную подготовку на территории Германии. Из них создавались диверсионные группы, в задачу которых входили боевые действия партизанского характера, нарушения линий снабжения и связи польских войск.

По первоначальному плану Германия должна была напасть на Польшу 26 августа. Когда вечером 25 августа пришел приказ об отмене наступления, один из диверсионных отрядов не смог получить его. В результате диверсанты захватили перевал в Южной Польше и удерживали его несколько дней до подхода немецких армий. После 1 сентября такие отряды выводили из строя электростанции, занимали заводы, шахты. Крупный отряд из местных немцев сумел захватить город Катовице еще до подхода немецких регулярных войск.

Удары немецкой «пятой колонны» застали поляков врасплох, хотя еще до начала войны на стенах домов были развешены плакаты с предостерегающими надписями: «Берегись шпионов! Немецкий шпион тебя слушает!». Бдительность польского населения выразилась лишь в тотальной подозрительности по отношению к местным немцам после начала войны.

Вовлечение населения национальных меньшинств в борьбу великих держав всегда было чревато для него опасностями, которые зачастую не принимали в расчет националистические лидеры, склонные к поли-

тическому авантюризму. Благодарность внешнего великодержавного союзника оказывалась сомнительной, зато месть господствующей нации обрушивалась не только на небольшую часть активистов национального движения, но и на все население, которое надолго рассматривалось в качестве вероломного врага. Неизбежной реакцией на проявления подрывной деятельности, которая обычно охватывает лишь небольшую часть национального меньшинства, является шовинистическая шпиономания, которая приобретает особенно крайние формы в периоды поражений страны.

Поражение Польши вызвало неизбежный рост паники и шпиономании. Основным объектом этих эмоций стало местное немецкое население. Хотя основания для недоверия к немецкому меньшинству в Польше имелись, следует учесть, что подавляющая часть этого населения не принимала участия в подрывной деятельности, инспирируемой Берлином. В 1937 году потребовалось личное вмешательство Гитлера для того, чтобы добиться отставки умеренных лидеров немецкого меньшинства в Польше. Значительной части немецкого населения, проживавшего в Польше, были чужды идеи национал-социализма.

Объясняя неожиданное для общественного мнения Польши ее военное поражение, многие поляки считали, что во всем виновато немецкое население и что шпионажем в пользу Германии заняты все немцы поголовно. Утверждалось, что немецкие фермеры выкашивают траву «по определенному плану», кормушки для скота устанавливают «особым образом», чтобы дать соответствующий сигнал немецким летчикам. Подозревали, что «местные немцы оставляют в своих комнатах свет или направляют вверх луч света от фонаря через дымовую трубу, чтобы облегчить ориентировку немецким летчикам».

Многие верили, что немцы «прикидывались рабочими, нищими, священниками, монахинями». Сами же агенты опознавали друг друга «по пуговицам определенной формы, свитерам условленной расцветки, а также по тому или иному разнообразию в одежде, например повязыванию лент или шарфов».

Расправа с людьми, «уличенными» в подобных «преступлениях», была короткой. В Познани расстреляли как «шпионов» двух местных немцев: у них на квартире польские солдаты нашли альбомы с марка-

ми, немецкий шлем времен первой мировой войны, мотоциклетную фару и спидометр. В Торуне расстреляны 34 местных немца. Утверждалось, что они подавали сигналы немецким самолетам зеркалами и белыми полотнищами.

Около 50 тысяч немцев было арестовано и согнано со своих мест. Их стояли в «большие концентрационные лагеря, организованные близ русской границы». Те, кто оказался в колоннах этих людей, позже вспоминали: «Когда нам приходилось следовать через мало-мальски значительный населенный пункт, на обочинах улиц быстро скапливались толпы взбешенных местных жителей; слышалась брань, в нас плевали, бросали камни или навоз, били палками. И все это проходило безнаказанно. Больше всех придирались к нам эвакуированные польские железнодорожники и солдаты-дезертиры. Конвоировавшие нас полицейские были настроены недружелюбно. Они разрешали нам не более одной короткой остановки в день, чтобы утолить голод и жажду, и неохотно соглашались на большие привалы. Правда, во время следования через города они защищали нас от толпы, которая была способна забить или затоптать человека ногами; тем не менее все мы получили те или иные телесные повреждения».

Но даже в этой обстановке всеобщей ненависти к немцам находились трезвые головы. Некоторые поляки даже помогали защищать местных немцев или скрывали их у себя в жилищах. Были и офицеры, которые воспрещали или прекращали избиение. Хотя общее мнение сводилось к тому, что ни за одного немца заступаться не стоит, некоторые поляки все же делали это, рискуя собственной жизнью.

По словам де Йонга, «невозможно назвать точное число всех жертв гнева польского народа». Немецкие источники утверждают, что к 1 февраля 1940 года были найдены и опознаны трупы почти 13000 местных немцев. Эта цифра вызывает сомнение. Однако не исключено, что паника перед «пятой колонной» повлекла за собой гибель нескольких тысяч человек из общего числа 750 000 немцев, проживавших на территории Польши. Расправы с немецким населением Польши всячески использовались германской пропагандой после оккупации Польши для оправдания жестокостей режима, установленного захватчиками.

Начало действий германских войск в Польше сопровождалось попытками Германии вовлечь СССР в войну с Польшей. Уже 3 сентября Риббентроп направил телеграмму в Москву, сообщая о намерении немцев удерживать «под военной оккупацией районы», которые входили «в германскую сферу влияния», и призывал осуществить выступление советских войск «против польских сил в русской сфере влияния». Риббентроп подчеркивал, что это было связано с необходимостью для Германии «по военным соображениям... действовать против тех польских сил, которые будут находиться на польских территориях, входящих в русскую сферу влияния». Так, предпринимались попытки использовать договор, который всего три дня назад был ратифицирован Верховным Советом СССР и должен был обеспечить Советскому Союзу нейтралитет, в качестве средства вовлечения нашей страны в войну. Обращение Риббентропа к Молотову 3 сентября с призывом к СССР присоединиться к походу вермахта против Польши было в значительной степени вызвано тем, что правительство «третьего рейха» сознавало неблагоприятную реакцию немецкого населения в связи с угрозой войны на два фронта.

Тем временем Муссолини продолжал свои усилия по организации нового Мюнхена. Еще 31 августа Чиапо предложил организовать 5 сентября конференцию для «рассмотрения положений Версальского договора, которые являются причиной нынешних бед». В полдень 1 сентября министр иностранных дел Бонне согласился на такую конференцию. Бонне даже не упомянул о выводе немецких войск из Польши в качестве условия для проведения такой конференции.

Однако под давлением Англии Франция присоединилась к английскому правительству, оповестив его о своей готовности выполнить обязательства перед Польшей. Правда, уже на следующий день французские военные отказались поддержать требование Галифакса об ультиматуме Гитлеру. К этому были веские основания: англичане могли делать благородные жесты, французам же «пришлось бы воевать в одиночку, если бы немцы атаковали их на Западе. Там не было бы ни одного английского солдата, который бы им помог».

Тем временем палата общин требовала от правительства Чемберлена решительных действий. Оказав-

шись перед угрозой отставки, английское правительство 3 сентября потребовало от Германии прекращения военных действий. По воспоминаниям переводчика П. Шмидта, это сообщение застало вождей рейха врасплох: «Гитлер сидел неподвижно и смотрел перед собой... После молчания, которое, казалось, продолжалось вечно, он повернулся к Риббентропу, который стоял у окна. «Что же теперь?» — спросил Гитлер, свирено озираясь, всем видом показывая, что министр иностранных дел ввел его в заблуждение относительно возможного поведения Англии, Риббентроп спокойно ответил: «Я думаю, что французы вручат такой же ультиматум через час».

Через два часа Риббентроп, вызвав английского посла, отклонил английский ультиматум. В полдень 3 сентября германское радио уже передавало сообщение о том, что Англия объявила войну Германии. У. Ширер был свидетелем того, как немцы восприняли сообщение по радио о начале войны с Англией. Во время передачи на людной Вильгельмштрассе было около 250 человек. «Они внимательно слушали объявление. Когда оно завершилось, никто не проронил ни слова. Они стояли неподвижно на месте. Потрясенные. Люди все еще не представляли себе того, что Гитлер привел их к мировой войне... В «Майн кампф» Гитлер говорит, что величайшую ошибку, которую совершил кайзер, начав воевать с Англией, Германия никогда не должна повторить... На лицах людей — удивление, подавленность... Мало кто верил, что Англия и Франция вступятся... Раньше англичане и французы были уступчивы. Почему бы не новый Мюнхен? Вчера, когда казалось, что Лондон и Париж колеблются, все, включая тех, кто был на Вильгельмштрассе, были настроены оптимистично».

Германия остро нуждалась в свидетельствах прочности своего международного положения. Однако вопреки призывам Риббентропа Москва не спешила присоединиться к военным действиям против Польши.

Отвечая 5 сентября на послание Риббентропа, Молотов указывал, что «в подходящее время нам будет совершенно необходимо начать конкретные действия», но выражал сомнение, не нанесет ли ущерб «чрезмерная поспешность» и не будет ли она «способствовать объединению наших врагов». Явно Советское правительство сознавало опасность возникшей

ситуации и стремилось избежать вовлечения в конфликт.

9 сентября в беседе с Шуленбургом Молотов сообщил, что «Советское правительство было застигнуто совершенно врасплох неожиданно быстрыми германскими военными успехами» и Красная Армия не готова к выступлению. (К этому времени польское правительство уже перемещалось из Люблина в Румынию, а Рыдз-Смиглы находился во Владимире-Волынском.)

По словам Шуленбурга, Советское правительство «намеревалось воспользоваться дальнейшим продвижением и заявить, что Польша разваливается на куски и что вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым «угрожает» Германия. Этот предлог представит интервенцию Советского Союза благовидной в глазах масс и даст Советскому Союзу не выглядеть агрессором». В ответ на призывы Шуленбурга обеспечить «быстрые действия Красной Армии», по его словам, Молотов повторил, что «уже было мобилизовано более трех миллионов человек», но потребуются «еще две-три недели для приготовлений».

В эти дни военные приготовления в СССР приняли такой характер, что через несколько дней, в своем выступлении по радио 17 сентября, В. М. Молотов был вынужден специально обратиться «к гражданам Советского Союза с разъяснением». Председатель СНК заявил: «В связи с призывом запасных среди наших граждан наметилось стремление накопить побольше продовольствия и других товаров из опасения, что будет введена карточная система в области снабжения. Правительство считает нужным заметить, что оно не намерено вводить карточной системы на продукты и промтовары, даже если вызванные внешними событиями государственные меры затянутся на некоторое время. Боюсь, что от чрезмерных закупок продовольствия и товаров пострадают лишь те, кто будет этим заниматься и накапливать ненужные запасы, подвергая их опасности порчи. Наша страна обеспечена всем необходимым и может обойтись без карточной системы в снабжении».

Наша задача теперь, задача каждого рабочего и крестьянина, задача каждого служащего и интеллигента состоит в том, чтобы честно и самоотверженно

трудиться на своем посту и тем оказать помощь Красной Армии».

Для чего потребовались такие военные меры и почему СССР нуждался в дополнительной подготовке в течение двух-трех недель?

Поскольку заявление В. М. Молотова было сделано в связи с возможностью военных действий Красной Армии на территории Польши, то и ответ, казалось бы, нужно искать в количестве польских дивизий, участвовавших в боях против вермахта, и в численности германских войск. У Польши под ружьем находилось около 600 тыс. человек. К 9 сентября подавляющая часть этого войска была разбита. Польша, по словам Молотова, разваливалась на куски. Правда, даже остатки разбитой польской армии оказывали сопротивление. В этом вскоре могли убедиться и советские войска. Как сообщал позже В. М. Молотов, в ходе военных действий в Польше наша армия понесла потери: убитыми — 737, ранеными — 1862 человека (о жертвах польских войск не сообщалось).

Очевидно, что военные приготовления СССР, о которых Шуленбургу сообщал В. М. Молотов, явно превышали потребности в силах и средствах для решения стоявших перед армией задач. Создается впечатление, что все, о чем подчеркнуто сообщал Молотов Шуленбургу, имело целью поднять вооруженную силу, способную противостоять тем легионам, которые, по расчетам К. Е. Ворошилова, вообще могла выставить Германия в случае войны (около 7 млн. человек).

К моменту перехода советско-польской границы Красная Армия сформировала Украинский и Белорусский фронты, в состав которых вошло 7 армий, конно-механизированная группа, отдельный стрелковый корпус и другие формирования фронтового и армейского подчинения. По численности состава (по не по уровню вооружений) эти силы превышали силы германских групп «Север» и «Юг», состоявших из 5 армий. Исно, что СССР готовил свою армию к конфронтации с немецкими войсками. И, видимо, это противостояние должно было носить характер демонстрации. Поэтому-то Молотов не скрывал масштабы военных приготовлений от германского посла. Советское правительство, не исключая возможности того, что германская армия попытается продолжить свое на-

ступление дальше на восток, стремилось организовать убедительную демонстрацию нашей военной мощи.

У советских руководителей, не отличавшихся доверчивостью, могла вызывать подозрение и обстановка на западном фронте Германии. В то время как Франция мобилизовала 119 дивизий и получила в придачу 5 дивизий английского экспедиционного корпуса, Германия направила против них лишь 23 дивизии. Немецкий генерал-лейтенант Б. Циммерман позже писал: «Основная масса боеспособных немецких соединений была брошена на Восток, а на западном фронте оборону держали в основном такие дивизии, которые еще не были окончательно сформированы и которые ни в какой степени не были способны вести наступательные действия... Когда Германия начала войну с Польшей, Западный вал, как уже упоминалось, был еще далеко не готов, и работы по его созданию находились в самом разгаре... Вопреки всем ожиданиям французы вели себя довольно спокойно и ничего серьезного не предпринимали, если не считать безуспешной операции с ограниченной целью в районе Саарбрюккена, нескольких вылазок с целью прощупывания фронта, а также проводившихся временами артиллерийских дуэлей».

Не говоря уже о том, что поведение Англии и Франции на западном фронте превращало их заявления об обязательствах перед Польшей в фарс, оно не отвечало интересам этих стран, если они всерьез воспринимали заявления вроде тех, что сделал Геринг 9 сентября. Если это было вызвано неуверенностью в степени своей готовности противостоять германским войскам, то во всяком случае в сентябре 1939 г. открывалась уникальная возможность использовать военно-стратегическую уязвимость Германии в ходе войны на два фронта для нанесения ей ряда сокрушительных ударов. Позже это было бы сделать труднее. Очевидно, что бездействие англо-французских войск еще более ухудшало их положение в случае начала германского наступления. Из этого следует, что Англия и Франция не рассчитывали на такое наступление. Поведение этих стран выглядит разумным, если бы состояние войны было бы вскоре прекращено. В этом случае «странная война» на Западе сыграла бы роль внешней демонстрации готовности к отпору Гитлеру, как это было во время строительства бомбоубе-

жищ в Париже и Лондоне в сентябре 1938 г. за неделю перед Мюнхеном.

Однако, возможно, была и другая причина для нежелания западных союзников подвергать свои войска малейшему риску и «дразнить» Гитлера бомбардировками. Союзные войска могли отсиживаться в бункерах линии Мажино до 1942 г., когда, по расчетам Гамелена, Франция оказалась бы готова к наступательным действиям, если бы военная кампания Гитлера на востоке затянулась до этого срока. Разумеется, рассчитывать на то, что покорение Польши займет столь долгое время, не приходилось. Однако начало военных действий Германии против СССР могло бы затянуть войну надолго.

Какими бы соображениями ни руководствовались в Лондоне и Париже, для Советского правительства было очевидно, что «странный» характер войны на западе позволяет Гитлеру продолжить свое успешное движение на восток. Соблазн же Германии к таким действиям был связан с преувеличением немцами слабостей Красной Армии, о чем советским руководителям было хорошо известно.

Так что не только необходимость иметь еще две-три недели для наращивания боевой мощи Красной Армии заставляла Советское правительство оттягивать свое вступление в Польшу. Опасения возможного столкновения с германскими войсками могли вызывать стремление максимально оттянуть момент сближения с ними. Однако не входить в Польшу означало бы уступить всю ее территорию немцам, что привело бы к серьезному ухудшению военно-стратегического положения Красной Армии в случае конфликта. Состояние нерешительности было преодолено очередным обращением из Берлина.

16 сентября в Москве было получено новое послание Риббентропа. Рейхсминистр предупреждал об опасности продолжающегося нежелания СССР участвовать в действиях против Польши. Он писал: «Если не будет начата русская интервенция, неизбежно встанет вопрос о том, не создастся ли в районе, лежащем к востоку от германской зоны влияния, политический вакуум... Без такой интервенции со стороны Советского Союза... могут возникнуть условия для формирования новых государств». Возможно, германское правительство намекало на готовность создать

«западноукраинское государство», учитывая многолетние связи нацистов с националистическими движениями этих областей.

Отвергая предложенное Молотовым обоснование вступления СССР в Польшу, Риббентроп заявил, что оно противоречит реальным германским устремлениям, которые ограничены исключительно хорошо известными зонами германского влияния, и соглашениям, достигнутым в Москве... Наконец, вопреки выраженной обоими сторонами желанию иметь дружественные отношения, такое обоснование представит всему миру оба государства как врагов.

Риббентроп предложил Молотову текст совместного коммюнике, в котором обе страны сообщили бы о том, что они считают «необходимым положить конец нетерпимому далее политическому и экономическому положению, существующему на польских территориях». В проекте коммюнике Германия и СССР объявляли «своей общей обязанностью восстановление на этих территориях, представляющих для них естественный интерес, мира и спокойствия и установление там нового порядка путем начертания естественных границ и создания жизнеспособных экономических институтов».

Так перед СССР встали две дилеммы: 1) либо обострить только что установленные новые отношения с Германией и объявить о том, что СССР выступает в защиту украинцев и белорусов, которым угрожает Германия, либо объявить себя соучастником в строительстве «нового порядка» в Польше, а стало быть, и военным союзником Германии, подписав проект заявления, предложенный Риббентропом; 2) либо оттягивать срок вступления Красной Армии в Польшу и получить в ее восточной части прогерманский режим либо выступить без особых промедлений, но возможно ускорить военное столкновение с германскими войсками. В первой дилемме был выбран вариант, который был чреват обострением советско-германских отношений, но не вел к объявлению себя партнером Германии по военным действиям. Во второй дилемме СССР под угрозой захвата немцами рубежей вдоль всей советско-польской границы 1920 г. пошел на риск возможного столкновения с германскими войсками.

16 сентября в 6 часов вечера Молотов в ответ на заявление Риббентрона сообщил Шуленбургу, что

Красная Армия собирается перейти границу «завтра или послезавтра». Вместе с тем он сказал, что «в совместном коммюнике уже более нет нужды; Советское правительство намерено мотивировать свои действия следующим образом: Польское государство распалось и более не существует, поэтому аннулируются все соглашения, заключенные с Польшей, третьи державы могут попытаться извлечь выгоду из создавшегося хаоса; Советский Союз считает своей обязанностью вмешаться для защиты своих украинских и белорусских братьев и дать возможность этому несчастному населению трудиться спокойно».

По словам Шуленбурга, «Молотов согласился с тем, что планируемый Советским правительством предлог содержал в себе поту, обидную для чувств немцев, но просил, принимая во внимание сложную для Советского правительства ситуацию, не позволять подобным пустякам вставать на нашем пути. Советское правительство, к сожалению, не видело другого предлога, поскольку до сих пор Советский Союз не беспокоился о своих меньшинствах в Польше и должен был так или иначе оправдать за границей свое теперешнее вмешательство». Таким образом СССР, с одной стороны, выполнял требование Германии о введении войск в свою сферу влияния, а с другой стороны, отказывался от объявления себя соучастником учреждения «нового порядка» в Польше.

Явно не желая, чтобы Германия успела выступить с новыми инициативами, Советское правительство ускоряло события. Через 7 часов после беседы с Молотовым Шуленбурга вновь вызвали в Кремль. Когда в Москве было 2 часа ночи 17 сентября, Сталин объявил, что через 4 часа Красная Армия пересечет границу. Сознывая, что Советское правительство пошло на известное обострение германо-советских отношений, отвергнув интерпретацию Риббентропа действий СССР и опасаясь последствий этого шага, И. В. Сталин снял по предложению Шуленбурга три пункта, неприемлемых для Германии, в тексте ноты польскому послу, которую Советское правительство собиралось вручить через несколько часов.

В своей ноте польскому послу от 17 сентября правительство СССР объявляло: «Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что Польское государство и его правительство

фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР... Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному Командованию Красной Армии дать приказ перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии».

Сознавая последствия этого шага в условиях начавшейся мировой войны, Советское правительство в тот же день направило по ту всем послам и посланникам государств, имеющих дипломатические отношения с СССР (включая послов Англии, Франции, Германии), в которой объявлялось о намерении проводить политику нейтралитета в отношениях между СССР и каждой из 24 стран.

В речи В. М. Молотова по радио 17 сентября по поводу перехода Красной Армией советско-польской границы содержалась та же аргументация, что и в ноте польскому послу, относительно отсутствия в Польше реального руководства и утраты по этой причине силы всех советско-польских договоров и соглашений. В своей речи Молотов подчеркивал, что «Советское правительство до последнего времени оставалось нейтральным. Но оно в силу указанных обстоятельств не может больше нейтрально относиться к создавшемуся положению».

Если до 23 августа Советское правительство, защищая свои интересы от возможной угрозы, требовало на трехсторонних переговорах прохода Красной Армии через польскую территорию, но получало отказ от польского правительства, то ныне отсутствие такового объявлялось достаточным основанием для осуществления этих действий. Польша унодоблялась пустующей землей, которая могла быть заполнена либо силами, угрожающими СССР, либо Красной Армией.

Действия СССР объяснялись разумной заботой об интересах своей страны, проявлявшейся в стремлении обеспечить выход на более удаленные пограничные рубежи, желанием добиться воссоединения западных областей Украины и Белоруссии с основной частью этих

республик. Однако надо признать, что никаких законных оснований для таких действий не было.

Лишь после вступления советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию там состоялись выборы в Народные собрания. В конце октября 1939 г. Народные собрания Западной Украины и Западной Белоруссии приняли декларации о провозглашении Советской власти. Собрания обратились с ходатайствами в Верховный Совет СССР о воссоединении Западной Украины и Западной Белоруссии с СССР и БССР. Эти просьбы были удовлетворены на пятой сессии Верховного Совета СССР в ноябре 1939 г.

Уже на вторые сутки после того, как советские войска пересекли границу, состоялась беседа Шуленбурга со Сталиным. Сталин выразил сомнение в том, будут ли германские войска соблюдать демаркационную линию. По словам Шуленбурга, «его беспокойство было основано на том хорошо известном факте, что все военные неавидят возвращать захваченные территории». Это еще раз свидетельствовало о крайнем недоверии, которое испытывал Сталин к своим новым партнерам.

Оснований для подобных подозрений было достаточно. В книге Н. Формана «Военный поход в Польшу 1939» описано совещание высших германских политических и военных деятелей, состоявшееся утром 17 сентября 1939 г. Его участники выражали недовольство фактом вступления Красной Армии в Польшу, так как это препятствовало осуществлению их плана выхода и польско-советской границе. На совещании обсуждался вопрос о том, «не следует ли немедленно напасть на Советский Союз». Однако перед лицом мощных приготовлений СССР немецкие военные и политические руководители сочли более благоразумным в сложившейся обстановке согласиться на предложенное им мирное разрешение возникшего конфликта.

В прочность германо-советского сотрудничества мало кто верил. Часть польских войск, находившихся в западных областях Украины и Белоруссии, «укрывалась отдельными группами в лесах или крупных населенных пунктах, надеясь на то, что между СССР и Германией произойдет вооруженный конфликт».

19 сентября было опубликовано германо-советское коммюнике. Значительная часть текста была посвящена заверениям в верности сторон советско-германскому договору: «Во избежание всякого рода необоснованных

слухов насчет задач советских и германских войск, действующих в Польше, правительство СССР и правительство Германии заявляют, что действия этих войск не преследуют какой-либо цели, идущей вразрез интересов Германии или Советского Союза и противоречащей духу и букве пакта о ненападении, заключенного между Германией и СССР». Так как этих строк не было в варианте, предложенном Риббентропом, они, очевидно, исходили от советской стороны. Вероятно, они должны были не столько развеять слухи, а лишьшний раз подтвердить верность сторон договору по мере сближения советских и немецких войск.

В отличие от проекта, предложенного Риббентропом, в тексте коммюнике определялись не цели двух правительств в отношении Польши, а задачи советских и германских войск, действующих в Польше. Вместо «нового порядка», «естественных границ» и «жизнеспособных экономических институтов», которые должны были «восстановить» в Польше Германия и СССР, коммюнике упоминало о том, что «задача этих войск... состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом Польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования».

Одновременно СССР выступил с новой инициативой о судьбе польских земель. Не исключено, что намек Риббентрона на возможность создания в восточной части Польши каких-то государственных образований не вызвал восторга у советских руководителей. Вероятно, они не исключали того, что Германия вновь вернется к этому предложению даже после вступления советских войск в Западную Белоруссию и Западную Украину. 19 сентября во время встречи с Шуленбургом Молотов заявил, что «первоначальное намерение, которое вынашивалось Советским правительством и лично Сталиным, — допустить существование остатков Польши — теперь уступило место намерению разделить Польшу по линии Писса — Нарев — Висла — Сан». Это свидетельствовало о том, что Советское правительство лишь теперь рассматривало «сферу влияния» в Польше как территорию, которую СССР собирается присоединить.

Германо-советское коммюнике от 22 сентября установило демаркационную линию по рекам Писса, Нарев, Висла и Сан. Однако германские войска вышли

на рубеж, расположенный восточнее этой линии (к востоку от Белостока — восточнее Бреста — по течению Буга — чуть западнее Львова и юго-восточнее Дрогобыча). Видимо, Сталин не желал вынуждать немецкие войска покидать территорию, которая оказалась занятой ими, опасаясь конфликта, и демаркационная линия, установленная 22 сентября, просуществовала недолго. В ходе встречи Шуленбурга с Молотовым и Сталиным последний, судя по телеграмме, направленной германским послом в Берлин, считал «неправильным оставлять независимым остаток польского государства» и предложил, чтобы «из территорий к востоку от демаркационной линии все Люблинское воеводство и та часть Варшавского воеводства, которая доходит до Буга», были добавлены к германской «порции». Передача части польской территории в распоряжение Германии должна была быть компенсирована отказом последней «от претензий на Литву». Это устраняло возможную угрозу для нападения на Белоруссию с севера. Однако, отказываясь от размещения своих войск по демаркационной линии 22 сентября, СССР терял возможность обеспечить долговременную оборону Украины и Белоруссии.

Одновременно Сталин заявил о намерении взяться «за решение проблемы прибалтийских государств в соответствии с Протоколом 23 августа» и сообщал, что он «ожидает в этом деле полную поддержку со стороны германского правительства». По словам Шуленбурга, «Сталин подчеркнуто указал на Эстонию, Латвию и Литву, но не упомянул Финляндию». События в Польше показали, что содержание понятия «сфера влияния» могло меняться, а следовательно, носило неопределенный характер.

Постоянно менявшиеся в течение месяца советско-германские договоренности о линии разграничения войск Германии и СССР, судьбах населения, проживающего по обе стороны этой линии, нашли наконец свое решение, закрепленное юридически в Договоре о дружбе и границе между СССР и Германией. Договор устанавливал германо-советскую границу в основном по линии Керзона. Статья 3 договора провозглашала, что «необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье линии производит германское правительство, на территории восточнее этой линии — правительство СССР».

Понятие «дружбы» между Германией и СССР связывалось с учреждением новой границы. Статья 4 гласила: «Правительство СССР и Германское правительство рассматривают вышеприведенное переустройство как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами». Какими бы мотивами ни руководствовалось правительство в защите интересов Советской страны, этот документ, принятый без учета мнения народов, населявших Польшу, и вопреки их воле, являлся нарушением суверенных прав Польши и международного права.

Однако подобные действия не были уникальными в международной жизни, особенно в бурные дни 1938--1939 гг. Не прошло и года с тех пор, как Польша и Венгрия таким же способом делили Чехословакию. Еще в начале 1939 г. правительства Германии и Италии обсуждали планы раздела Украины. Ровно за год до подписания советско-германского договора о дружбе и границе правительства Англии и Франции уступили Германии Чехословакию. Договор от 28 сентября 1939 г. перестал действовать после нападения Германии на СССР, а новые отношения с возрожденной Польшей и новая польско-советская граница были определены советско-польским договором, подписанным в апреле 1945 г.

Одновременно 28 сентября 1939 г. было подписано советско-германское заявление, которое объявляло об общих усилиях двух стран с целью ликвидации войны «между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой». В заявлении говорилось: «Если, однако, эти усилия обоих правительств останутся безуспешными, то таким образом будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны Правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах».

И хотя фраза о консультациях не означала, что СССР оказался связан обязательствами союза и взаимной помощи с Германией в войне против Англии и Франции, Риббентроп в своем заявлении корреспонденту ТАСС говорил об окончательном установлении дружбы между СССР и Германией и объявил, что если в Англии и Франции «возьмут верх поджигатели войны, то Германия и СССР будут знать, как ответить на это». Это двусмысленное заявление намекало на воз-

можность совместных действий СССР и Германии против Англии и Франции.

Трактовка новых отношений между СССР и Германией, которая была дана В. М. Молотовым в его докладе на заседании Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г., не открывала возможностей для такого толкования договора 28 сентября 1939 г. В. М. Молотов подчеркнул, что «заключенный между Советским Союзом и Германией договор о ненападении обязывал нас к нейтралитету в случае участия Германии в войне. Мы последовательно проводили эту линию, чему отнюдь не противоречит вступление наших войск на территорию бывшей Польши, начавшееся 17 сентября». Молотов подчеркнул, что «наши войска вступили на территорию Польши только после того, как Польское государство распалось и фактически перестало существовать».

В то же время, стремясь найти обоснование политической переориентации СССР, Молотов осуждал не аморализм германской политики агрессий, а аморализм политики статус-кво, оправдывающей сохранение мировой гегемонии Англии и Франции. Возлагая на эти державы ответственность за продолжение конфликта, Молотов заявил, что «опасения за потерю мирового господства диктуют правящим кругам Англии и Франции политику разжигания войны против Германии». В докладе говорилось о том, что «английские, а вместе с ними и французские сторонники войны объявили против Германии что-то вроде «идеологической войны», напоминающей старые религиозные войны... против еретиков и иноверцев». «Война за «уничтожение гитлеризма», прикрываемая фальшивым флагом борьбы за «демократию», объявлялась не только бессмысленной, но и преступной». Однако никаких практических выводов из этого факта для политики СССР не делалось.

Отметив, что «новые советско-германские отношения построены на прочной базе взаимных интересов», Молотов подчеркнул, что «сильная Германия является необходимым условием прочного мира в Европе» и что «наши отношения с германским государством построены на готовности поддерживать стремления Германии к миру и вместе с тем на желании всемерно содействовать развитию советско-германских хозяйственных отношений ко взаимной выгоде обоих государств».

БОРЬБА ЗА БЕЗОПАСНОСТЬ СОВЕТСКИХ ГРАНИЦ

Подведя черту под не устранившимися успехом попытками создать антигитлеровскую коалицию, объявив Англию и Францию ответственными за углубление мирового конфликта и сплав с Германией обвинение в агрессии, Советское правительство декларировало изменения в своих международных связях и начало нового этапа в советско-германских отношениях. Эти изменения, как подчеркивал Председатель СНК СССР, не имели целью вовлечение СССР в войну на чьей-либо стороне, а были направлены на сохранение Советской страной нейтралитета и развитие «советско-германских хозяйственных отношений», о чем недвусмысленно было заявлено 31 октября 1939 г.

В августе 1939 г. Эстония и Латвия подписали секретные соглашения о гарантиях их границ Германией. Правительство Сметовы согласилось с проектом секретного договора, предложенного Германией, который предусматривал установление «протектората германского рейха». Однако события в конце августа и сентябре остановили неуклонное сползание Латвии, Эстонии и Литвы под власть Германии. Обязательство Германии о невмешательстве в дела Прибалтики, в какой бы форме оно ни было сделано, проявилось во временном прекращении деятельности германского правительства с целью подчинения этого края «третьему рейху».

Подлинник «Секретного дополнительного протокола» к договору 28 сентября 1939 г. так и не обнаружен. В соответствии же с текстом, на который обычно ссылаются, Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства передавались в сферу влияния Германии. Далее указывалось, что, «как только правительство СССР примет специальные меры на литовской территории для защиты своих интересов, настоящая германо-литовская граница, с целью установления естественного и простого пограничного описания, должна

быть исправлена таким образом, чтобы литовская территория, расположенная к юго-западу от линии, обозначенной на приложенной карте, отошла к Германии... Ныне действующее экономическое соглашение между Германией и Литвой не будет затронуто указанными выше мероприятиями Советского Союза».

Если исходить из аутентичности этого протокола, становится совершенно ясно, что создание советской «сферы влияния» в Прибалтике не предусматривало прекращения независимого статуса прибалтийских государств. Ничто не говорит и о том, что подписание договора 28 сентября 1939 г., как и предшествующего ему договора от 23 августа 1939 г., означало включение Эстонии, Латвии, Литвы в состав СССР.

Реальный смысл признания Германией границ советской «сферы влияния» в Прибалтике означал отказ «третьего рейха» от тех действий, которые предусматривались недавними договорами с прибалтийскими государствами и консультациями с германскими военачальниками. Видимо, обязательство эстонского правительства защищать Германию от СССР до последнего эстонского солдата также теряло смысл. Кроме того, сами по себе эти открытые двусторонние или какие-либо тайные договоренности не могли служить основанием для изменения международно-правовых отношений Эстонии, Латвии и Литвы. Любые перемены в этих отношениях требовали их политического и юридического оформления с участием прибалтийских стран.

Политическая позиция прибалтийских государств в ходе польско-германской войны характеризовалась отказом поддержать Польшу, Англию и Францию. Хотя правительства прибалтийских государств заняли нейтралитет в польско-германской войне, 21 сентября министр иностранных дел Латвии Мунтерс объявил послу Польши о разрыве польско-латвийских отношений, ссылаясь на то, что польское правительство покинуло территорию своей страны. Все польские солдаты и офицеры, которые оказались на территории прибалтийских стран, были интернированы. Польская подводная лодка «Ожел», которая вырвалась с базы Хеля и сумела прорваться в Таллиннский порт, была там интернирована. Однако 18 сентября она ушла из Таллинна в Северное море. Это было поводом для сообщения ТАСС, в котором указывалось, что враждебные Совет-

скому Союзу подводные лодки нашли укрытие в гаванях Прибалтики.

24 сентября в Москву прибыл министр иностранных дел Эстонии К. Селтер для подписания советско-эстонского договора о торговле. В ходе переговоров с Селтером Молотов заявил о неудовлетворительном состоянии советско-эстонских отношений, сославшись на побег интернированной польской подводной лодки. Селтеру был представлен проект договора о взаимопомощи, в соответствии с которым СССР получал возможность размещать на территории Эстонии военно-воздушные, военно-морские базы и сухопутные войска. Делегация Эстонии отказалась подписать договор и покинула Москву.

В эти дни правительство Эстонии обратилось к Германии, выражая готовность оказать ей всестороннюю помощь в случае войны «третьего рейха» против СССР, но получило отказ. Главнокомандующий армией Эстонии генерал Лайдонер заявил: «Если бы была надежда, что откуда-нибудь придет помощь... то мы бы воевали». Однако не только отказ Германии, но и желавшей в это время идти на ухудшение отношений с СССР, но и широкая оппозиция такому союзу в Эстонии препятствовали такому повороту. Признавая непопулярность начала эстонско-советской войны, Лайдонер говорил: «Не трудно предсказать, каково было бы влияние коммунистической пропаганды в случае развязывания этой войны... Кроме всего прочего, трудно начать войну, когда тебе предлагают договор об оказании помощи». Эстонский государственный деятель Тийп констатировал: «Народ сейчас не в таком состоянии, чтобы с ним не считаться». Консультации, которые правительство Пятса провело с правительством Финляндии, окончательно убедили его в необходимости принять советское предложение.

28 сентября, в тот же день, когда был подписан советско-германский договор о дружбе и границе, Эстония и СССР подписали договор о взаимной помощи, в соответствии с которым Советский Союз получал право создать базы военно-морского флота на островах Сааремаа и Хiumаа на правах аренды. Одновременно СССР получал возможность арендовать несколько аэродромов и разместить на территории Эстонии две дивизии и части авиации.

Как подчеркивал Риббентроп в телеграмме Гитле-

ру, направленной в тот же день из Москвы, договор не означал «упразднения эстонской системы правления». Однако на следующий же день Гитлер отдал приказ о перемещении в Германию 86 тыс. немцев, проживавших в Эстонии и Латвии.

2 октября в Москве начались советско-латвийские переговоры. Во встрече с латвийской делегацией принял участие И. В. Сталин. По словам латвийского министра иностранных дел В. Мунтерса, И. В. Сталин заявил: «Прошло двадцать лет; мы окрепли, и вы окрепли. Мы хотим с вами поговорить об аэродромах и обороне. Мы не навязываем вам нашу Конституцию, органы управления, министерства, внешнюю политику, финансовую политику или экономическую систему. Наши требования диктуются войной между Германией, Францией и Великобританией. Если мы договоримся, появятся очень благоприятные условия для коммерческих договоров. Австрия, Чехословакия и Польша как государства уже исчезли с карты. Другие тоже могут исчезнуть. Договоры, заключенные в 1920 г., не могут существовать вечно». Как и в ходе советско-эстонских переговоров, СССР требовал размещения своих вооруженных сил на территории Латвии. Мунтерс добился сокращения этих войск с 40 тысяч до 30 тысяч.

В соответствии с советско-латвийским договором о взаимной помощи, подписанным 5 октября, Латвия предоставила СССР право создать военно-морские базы в Лиепаяе и Вентспилсе, базу береговой артиллерии между Вентспилсом и Питрагсом, а также несколько аэродромов. 10 октября правительство Латвии утвердило этот договор на своем заседании.

В тот же день был подписан литовско-советский договор о взаимной помощи. СССР получил право разместить гарнизоны Красной Армии в городах Вилейке, Алитусе, Приенайе и «пользоваться восемью посадочными площадками для авиации». В соответствии с договором СССР передал Литве город Вильнюс (Вильно) и Вильнюсскую (Виленскую) область, занятую Красной Армией после вступления на территорию Польши.

Это было очередным поворотом в сложной судьбе этого древнего города, имеющего литовское название Вильнюс и польское — Вильно. Древняя столица Великого княжества Литовского вплоть до Люблинской унии 1569 г., Вильно (Вильнюс) был присоединен к России и стал центром Виленской губернии в 1795 г.

В декабре 1918 г. Вильно стал столицей Литовской ССР, а затем с февраля 1919 г. — столицей Литовско-Белорусской ССР. Однако 21 апреля 1919 г. Вильно был занят польскими войсками. Во время наступления в Польшу Красная Армия заняла Вильно 14 июля и в соответствии с советско-литовским мирным договором, подписанным за два дня до этого, передала город и прилегающую область Литве. Однако 9 октября 1920 г. Вильно и прилегающие земли снова оказались в руках Польши.

Претензии Польши на этот край обуславливались преобладанием здесь польского населения. Требования Литвы обосновывались наличием там литовцев и исторической ролью Вильнюса как первой столицы Литовского государства. Проблема Вильно (Вильнюса) в течение двух десятилетий была источником постоянного напряжения в польско-литовских отношениях.

Крах Польши создавал благоприятные возможности для решения спора в пользу Литвы. Однако при этом никто не стал выяснять мнение жителей города Вильнюса и прилегающих районов. Правительство Сметоны не только не заявило протеста по поводу присоединения этих земель к Литве, но одобрило эту акцию, став таким образом соучастником занятия территорий, которые до 1 сентября 1939 г. находились под суверенитетом Польши. Анализировать характер этих действий Литвы не любят те, кто горячо осуждает аморальную практику тех лет, когда судьбы населения многих стран решались за спиной миллионов людей.

В соответствии с договорами о взаимной помощи прибалтийские республики обещали «оказать всяческую помощь СССР, в том числе и военную, в случае нападения на него любой европейской державы через их территорию, а также со стороны Балтийского моря. Договаривающиеся стороны обязались не заключать каких-либо союзов и не участвовать в коалициях, направленных против одной из сторон».

Договоры сопровождались соответствующими соглашениями со странами Прибалтики, определявшими в деталях порядок вступления советских войск на базы и в места расквартирования, их правовой статус, условия их снабжения и взаимоотношения между местным населением и военным командованием. Соглашения предусматривали «невмешательство советских войск во внутренние дела» прибалтийских государств, оказание

их властями «содействия... Красной Армии в размещении и снабжении войск».

Прибыв на место размещения, советские войска проводили политику невмешательства во внутренние дела прибалтийских республик, строго соблюдая всевозможные правила, регламентирующие их отношения с местным населением. Об этом свидетельствует эпизод из воспоминаний Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова, бывшего в 1939 г. командующим Ленинградским военным округом (ЛВО): «В те месяцы мне пришлось также заниматься подготовкой войск и осуществлением мероприятий согласно договорным обязательствам между СССР и Эстонией, заключенным осенью 1939 года. На территории Эстонии создавались военно-воздушные и морские базы. Следовало думать и об охране их. Эти базы в некоторой степени облегчили бы действия войск ЛВО на случай, если у наших северо-западных границ враги СССР пошли бы на широкую провокацию или организовали нападение на советскую территорию со стороны буржуазных прибалтийских республик.

В те же дни у меня произошло неприятное объяснение с народным комиссаром иностранных дел В. М. Молотовым. Когда наши войска размещались на новых базах в Эстонии, наркоминдел запоздал с разработкой инструкции о порядке сношений с представителями прибалтийских властей. Между тем дело ждать не могло.

Как командующий Ленинградским округом, я отвечал за безопасность баз в Эстонии. В одном месте срочно требовалось обеспечить непркосновенность участка. Я вступил в контакт с правительством Эстонии, взял у него необходимое разрешение, затем получил согласие эстонского помещика, собственника данного земельного участка, и приказал построить укрепления.

И вот на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) во время моего доклада о положении на новых базах Молотов упрекнул меня за «неуместную инициативу». Я пытался возражать, но он не слушал. Мне было не по себе, однако тут взял слово Сталин и, посмеиваясь, заметил Молотову: «А почему твой Наркомат опаздывает? Армия не может ждать, пока твои люди расшевеливаются. А с Мерецковым уже ничего не поделаешь. Не срывать же готовые укрепления». На этом вопрос был исчерпан».

Вступление и размещение советских войск в При-

балтике произошли на основе правовых документов, законность которых не подвергалась сомнению. Разумеется, эти договоры не были бы подписаны правительствами Эстонии, Латвии, Литвы, если бы они не знали, что Германия отказалась от своей гегемонии в Прибалтике. Но в реальной обстановке 1939 г. другой альтернативой договорам, заключенным в Москве с 28 сентября по 10 октября, могла стать лишь оккупация прибалтийских республик германскими войсками. Реальность этой альтернативы была подтверждена событиями в июне — августе 1941 г.

В то же время утверждения о том, что после подписания советско-германского договора о ненападении и договоров с Эстонией, Латвией и Литвой Прибалтика превратилась в советский протекторат, искажают правду. Как бы ни усиливались возможности для давления у державы, имеющей военные базы на территории другой страны, это не означает установления протектората над ней. Никто ныне не объявляет ФРГ, Японию, Испанию, Англию, Италию, Турцию и другие страны, где имеются базы США, американскими протекторатами. Подобные утверждения повторялись лишь в вульгарных фельетонах и карикатурах первых послевоенных лет и наглядно отражали примитивизм мышления их творцов. Авторы утверждений об установлении советского протектората над Прибалтикой на основе советско-германского договора и трех договоров осени 1939 г. проявляют подобное же упрощенное мышление.

Содержание договоров, заключенных осенью 1939 г. СССР с Эстонией, Латвией, Литвой, исчерпывалось созданием военных баз на территории трех республик и взаимными обязательствами о помощи в случае нападения.

Советские войска, которые без соответствующих международных соглашений не имели права даже договориться с местным помещиком о строительстве насыпи для артбатарей, не предпринимали ничего для вмешательства во внутреннюю жизнь. Фашистские режимы сохранялись в неприкосновенности. Коммунистические партии и ряд других демократических организаций были по-прежнему запрещены. Тысячи коммунистов и демократов были заключены в тюрьмы.

Однако вступление советских войск на территорию прибалтийских стран явилось импульсом для активизации

борьбы против фашистских режимов. Как отмечалось в докладе академика АН Латвийской ССР А. Дризула 8 июля 1989 г., «в феврале 1939 года, задолго до начала войны и заключения договоров, в Риге нелегально под руководством Я. Каилиберзина собралась XXVI конференция Коммунистической партии Латвии, которая выработала платформу антифашистского народного фронта, получившую одобрение Социалистической рабоче-крестьянской партии Латвии и Союза трудовой молодежи Латвии, с общей целью свержения диктатуры Ульманиса, завоевания демократических свобод и создания революционного правительства народного фронта. Компартия Латвии указывала, что первой задачей после свержения режима Ульманиса будет «укрепление демократического строя и реализация платформы народного фронта». Аналогичные решения принимались и компартиями Эстонии и Литвы.

Вступление советских войск воспринималось коммунистами и другими антифашистами как возможность усилить борьбу против режимов Ульманиса, Пятса, Сметоны. Позитивно восприняли ввод советских армий и все те, кто не желал превращения Прибалтики в поле сражения мировой войны. Заключение договоров воспринималось многими как средство уберечь народы Прибалтики от участи Польши и способ сохранить свой нейтралитет. В октябре в Таллинне, Риге, Каунасе и других городах «происходили многотысячные демонстрации трудящихся, приветствовавших заключение договоров с СССР. Такие же демонстрации состоялись при вступлении советских войск в Эстонию, Латвию и Литву».

Тем временем на западном фронте продолжалась «страшная война». В конце сентября возобновилось посредничество Далеруса между Лондоном и Берлином. Во время своего очередного визита к Гитлеру шведскому бизнесмену было заявлено: «Если англичане хотят мира, они могут его получить за две недели, не потеряв при этом лица». О возможности заключения мира активно писали в германских газетах и говорили по германскому радио.

В то же время Германия подвергалась на Западе нападкам за свое нежелание лезть с СССР. В своем выступлении в парламенте 4 октября 1939 г. Галифакс обвинил Гитлера в том, что, отказавшись напасть на СССР, он «изменил самым коренным принципам своей

политики», которые в течение многих лет проповедовал. Англо-французская авиация разбрасывала над германскими позициями листовки, озаглавленные «Долой большевизм!». В них говорилось, что «Гитлер был рыцарем крестового похода в борьбе против коммунизма. Сейчас от рыцаря-крестоносца остался только человек, смилившийся перед Москвой».

Однако успех в Польше и отсутствие на Западе решимости к наступлению не привели Гитлера к желанию продолжить свой поход на восток и позволить Англии и Франции нарастить свои силы для последующего удара против Германии. 27 сентября, на другой же день после того, как Гитлер заверил Далеруса о своем стремлении к миру, он созвал совещание военачальников и приказал им подготовить «наступление на Западе как можно скорее, так как англо-французская армия еще не готова». Это подрывало планы Запада на скорое вовлечение Германии в войну с СССР.

Однако на границах нашей страны создавалась угроза военного конфликта с Финляндией, что было чревато негативными международными последствиями для СССР. Еще в марте 1939 г. Советский Союз обратился к правительству Финляндии с предложением гарантировать границы этой страны, предоставить обязательство помощи против агрессии, включая военную, заключить торговый договор на выгодных для Финляндии условиях. В то же время СССР желал получить от Финляндии «обязательство сопротивляться любой агрессии, отстаивать свой суверенитет и независимость, оказать Советскому Союзу содействие в укреплении безопасности Ленинграда как с суши, так и с моря. Это содействие могло бы выразиться в предоставлении Финляндией Советскому Союзу аренды на острова в Финском заливе Сурсари (Гогланд), Лавансари, Сейскарри, Тиурисари сроком на тридцать лет». Предложение СССР было отклонено.

Советско-финляндские переговоры были продолжены в октябре 1939 г. Советский Союз выдвинул новые требования: передвинуть «на несколько десятков километров советско-финскую границу на Карельском перешейке в обмен на вдвое большую территорию в Советской Карелии, а также сдать Советскому Союзу в аренду небольшой участок финляндской территории у входа в Финский залив» для строительства там военно-морской базы.

Вопрос о Выборге и Карельском перешейке имел давнюю историю. Еще в XII веке на месте Выборга было поселение повгородцев. После завоевания Западной Карелии шведами здесь в 1293 г. была построена крепость, вокруг которой вырос город. Во время Северной войны в 1710 г. Выборг был взят войсками Петра I и вместе с Карельским перешейком присоединен к России в соответствии с условиями Ништадтского мира 1721 г.

После присоединения Финляндии к России к вновь образованному «царству» были присоединены «не только земли, отошедшие к России по Абовскому миру 1743 года, но и завоеванная Петром Великим Выборгская губерния, уже сто лет принадлежавшая империи». По словам Н. К. Шильдера, «вопрос об округлении Финляндского государства был уже давно решен в уме императора Александра». Историк, осуждая императора за этот шаг, отмечал, что это «распоряжение, которое в другом государстве взволновало бы общественное самосознание, осталось незамеченным в империи, еще страдавшей полным отсутствием всякой политической жизни и сопряженного с нею движения общественной мысли». Ф. Ф. Вигель, современник этого акта Александра, так охарактеризовал общественную реакцию на передачу Выборга и Карельского перешейка Финляндии: «При необозримом пространстве земель, кои мы владеет Россия, некоторые только посмотрели на то, как уступку немногих десятин богатою вотчиною другой небольшой соседней деревне, одному же с нею помещику принадлежащей. Все взоры устремлены были на запад и на юг, и до севера никому дела не было. Лучше сказать, никто почти не узнал о том; в этом случае Россия была, как огромная хоромина, для изображения величины которой есть поговорка, что в одном углу обедают, а в другом не ведают».

Последствия царского жеста, который так мало привлек внимания современников этого события, стали предметом острого политического конфликта, а затем и тяжелой войны через 128 лет. Благодаря присоединению Выборга и Выборгской губернии к Финляндии административный рубеж внутри Российской империи с 1917 г. стал государственной границей СССР, которая проходила в 32 километрах от Ленинграда. В случае войны многочисленный город оказался бы в пределах досягаемости мощных артиллерийских орудий. На сто-

ропе СССР были соображения о своей безопасности. Но они иступали в конфликт с правом и законными интересами Финляндии. Эта область более ста лет входила в состав Финляндии. В Выборге и на территории Карельского перешейка проживало более 300 тыс. человек, которые совсем не жаждали стать советскими гражданами. Не желали они и совершать переселение в иные места Финляндии или на территории, которые собирався уступить СССР. Наконец, Карельский перешеек был местом сооружения линии Маннергейма, мощной системы оборонительных сооружений общей глубиной до 90 километров и насчитывавшей 296 долговременных железобетонных и 897 гранитных сооружений, часть которых могла выдержать попадание 152—203-мм снарядов. Утрата линии Маннергейма нанесла бы непоправимый удар для обороны Финляндии.

Закономерное нежелание Финляндии пойти на уступки требованиям СССР укреплялось и антисоветизмом ее политики. Правительства Англии, Франции, Швеции и США предпринимали усилия для того, чтобы воспрепятствовать достижению советско-финляндского соглашения. Американский посланник в Хельсинки Шенфельд телеграфировал 9 октября государственному секретарю США Хэллу, что «инструкции, данные финской делегации... являются именно такими жесткими, как этого ожидали американский и английский посланники в Финляндии».

В этот период резко возросла финансовая помощь Финляндии со стороны Запада. Финляндия получила заем в 10 млн. долларов от экспортно-импортного банка США. Английское правительство, «надеясь использовать Финляндию как яблоко раздора между СССР и Германией», несмотря на состояние войны с Германией, потребовало от начальников штабов новой оценки «относительно преимуществ и вреда, могущих возникнуть для нас, если мы официально или неофициально объявим войну СССР».

Это давление возымело свое действие. Во время переговоров в Москве министр иностранных дел Финляндии Эркко заявил: «Мы ни на какие уступки Советскому Союзу не пойдем и будем драться во что бы то ни стало, так как нас обещали поддержать Англия, Америка и Швеция». Роль этого министра в провоцировании конфликта была так велика, что в Финляндии

до сих пор войну 1939—1940 гг. называют «войной Эркко».

Обстановка в Финляндии нагнеталась. 13—14 октября в Финляндии была объявлена мобилизация запасных и введена всеобщая трудовая повинность, началась эвакуация населения Хельсинки, Выборга, Гампере, воинов Карельского перешейка и побережья Финского залива. Управление перешло к военному кабинету. Возобновление переговоров в Москве 21 октября не привело их участников к сближению в позициях. В ноябре переговоры были прерваны.

Обстановка на границе обострялась. В своих воспоминаниях К. А. Мерецков писал: «26 ноября я получил экстренное сообщение, в котором сообщалось, что возле селения Майнила финны открыли артиллерийский огонь по советским пограничникам. Было убито четыре человека, ранено девять. Приказав взять под контроль границу на всем ее протяжении силами военного округа, я немедленно переправил донесение в Москву. Оттуда пришло указание готовиться к контрудару. На подготовку стводилась неделя, но на практике пришлось сократить срок до четырех дней, так как финские отряды в ряде мест начали переходить границу, вклиниваясь на нашу территорию и засылая в советский тыл группы диверсантов».

28 ноября 1939 г. правительство СССР денонсировало советско-финляндский договор о ненападении, отозвало своих дипломатических представителей. Одновременно оно отдало приказ Главному командованию Красной Армии и Военно-Морского Флота «быть готовым ко всяким неожиданностям и немедленно пресекать возможные новые вылазки со стороны финляндской военщины...» 30 ноября 1939 г. войска Ленинградского военного округа перешли в наступление на Карельском перешейке.

Советско-финляндская война сопровождалась резким взрывом антисоветских эмоций. Узнав о начале военных действий, У. Ширер писал: «Моральные основы, которые соорудили для себя Советы в международных отношениях за последние десять лет, рухнули как карточный домик... Кремль предал революцию. Я бушевал тридцать часов и не мог заснуть всю ночь, хотя имел возможность для этого».

Подобные настроения были характерны для многих на Западе. Это благоприятствовало организации актив-

пой антисоветской кампании и военной помощи Финляндии со стороны Запада. 14 декабря по решению Лиги Наций СССР был исключен из этой организации. Англией, Францией и Швецией было направлено в Финляндию более 500 самолетов. Вооружения поступали также из США, Норвегии, Италии и других стран. Одновременно разрабатывались планы создания экспедиционного корпуса союзников численностью свыше 100 тыс. человек для высадки на Севере на помощь финнам и бомбардировки южных городов СССР.

Ко всему прочему обнаружилась слабая подготовка СССР к военным действиям. Прежде всего сказалась плохая работа разведки. По словам К. А. Мерецкова, перед началом действий он еще раз запросил разведку в Москве, но опять получил сведения, которые позднее не подтвердились, так как занизили реальную мощь линии Маннергейма. Более серьезным, по мнению Маршала Советского Союза А. М. Василевского, оказалось то, что в наших войсках недостаточно знали особенности организации, вооружение и тактические приемы борьбы финляндской армии. Как отмечается в «Истории Великой Отечественной войны», некоторые соединения не были достаточно подготовлены для ведения боевых действий зимой на лыжах в озерно-лесистой местности, в условиях сильных морозов. Недоставало опыта прорыва долговременных рубежей и штурма железобетонных сооружений. Наконец, снабжаемая всеми западными странами финская армия была превосходно вооружена. Например, финская пехота имела на вооружении автоматы (пистолеты-пулеметы). Красной Армии понадобилось четыре с лишним месяца, чтобы одержать победу в войне против армии Финляндии, лишь создав существенный перевес в живой силе и технике. Число потерь с советской стороны (70 тыс. погибших и пропавших без вести и 176 тыс. раненых и обмороженных) значительно превышало число финских потерь (23 тыс. убитых и 44 тыс. раненых).

12 марта 1940 г. в Москве был подписан мирный договор между СССР и Финляндией. Последняя уступала Карельский перешеек, северо-западный берег Ладожского озера в районе Куолаярви, часть полуостровов Рыбачий и Средний и сдавала в аренду СССР полуостров Ханко с прилегающими островами. Граница от Ленинграда была отодвинута, но ценой огромных моральных потерь и человеческих жертв.

Несмотря на то что необходимость защиты нашей страны требовала учета военно-стратегических факторов, реализация этой цели сопровождалась вопиющим игнорированием интересов других народов, огромными человеческими жертвами и способствовала усилению антисоветской ориентации в Финляндии, что привело ее к союзу с Гитлером к июню 1941 г.

Но если советские руководители не извлекли внешнеполитических уроков из «зимней войны», то они попытались из ее печального опыта извлечь выводы для Красной Армии. Об этом свидетельствуют воспоминания Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, который писал: «В марте 1940 года состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), которое имело большое значение для дальнейшего развития наших вооруженных сил. На заседании рассматривались итоги войны с Финляндией. Обсуждение было очень острым, резкой критике подверглась система боевой подготовки и воспитания войск, был поставлен вопрос о значительном повышении боеспособности армии и флота. В середине апреля по рекомендации Политбюро ЦК проводится расширенное совещание Главного военного совета. На него были приглашены участники войны с Финляндией, руководящий состав центрального аппарата, округов и армий... Учитывая итоги советско-финляндского конфликта, а самое главное характер боевых действий начавшейся мировой войны, перед войсками была поставлена остро и во всем объеме задача учесть сегодня тому, что завтра будет нужно на войне». Для советских руководителей и военачальников было ясно, что если они не извлекут серьезных уроков из пирровой победы на Карельском перешейке, то последствия этого будут катастрофичны, так как эти уроки извлекут враги СССР и сделают это очень быстро.

Советско-финляндская война способствовала падению престижа СССР как мощной военной державы. Неудачи Красной Армии на фронте приводили различных деятелей в фашистском лагере к мысли о необходимости договориться с Западом и напасть на СССР. Усилия с целью остановить нападение на Запад предпринимали и антигитлеровские заговорщики среди военных. Нежелание столкновения с Англией и Францией вновь активизировало тех германских военачальников, которые были готовы арестовать Гитлера за несколько часов до Мюнхена.

Желая сорвать наступление Гитлера, заговорщики информировали западные страны о военных планах Германии. Так, участник заговора полковник Остер предупредил миссии Бельгии и Голландии о готовности Германии к нападению на эти страны и сообщил им срок — 12 ноября. Однако не предприняв никаких действий для того, чтобы помешать Гитлеру уничтожить Польшу, заговорщики сосредоточили свои усилия на том, чтобы помешать распространению войны на запад. Не исключено, что победа заговора могла привести к власти не партию сторонников всеобщего мира, а людей, готовых, договорившись с Западом, двинуть мощную военную машину в крестовый поход против большевизма.

Военные действия в Финляндии были, по словам У. Ширера, «последней соломинкой», которая заставила Муссолини обратиться 3 января 1940 г. с длинным посланием к Гитлеру. «Никогда ранее и никогда позже дуче не был так откровенен с Гитлером и так щедр на острые и неприятные советы». Итальянский диктатор был убежден, что Германия даже при помощи Италии «не сможет поставить на колени Англию и Францию. Соединенные Штаты не допустят полного разгрома демократий». В то же время Муссолини напомнил Гитлеру, что, «не ударив пальцем о палец, Россия получала выгоды от войны в Польше и на Балтике. Но я, как прирожденный революционер, говорю вам, что вы не можете постоянно приносить в жертву принципы своей Революции во имя тактических соображений данного момента... Я должен вас предупредить, что еще один шаг в ваших отношениях с Москвой будет иметь катастрофические последствия в Италии».

Гитлеру не были нужны поучения опытного «революционера» Муссолини — договоры и соглашения с СССР были заключены лишь по тактическим соображениям. Однако он следовал своему расписанию. 23 ноября 1939 г. в своем выступлении перед военными он заявил: «Мы сможем выступить против России, лишь когда мы развяжем себе руки на Западе». Поэтому Германия воздерживалась от антисоветской пропаганды зимой 1939—1940 гг. В то же время подготовка к удару на западном фронте продолжалась.

Свидетельства военной слабости СССР способствовали активизации антисоветских ориентаций прибалтий-

ских правительств. Еще накануне войны на пост эстонского посланника в Хельсинки был назначен бывший начальник штаба военно-морских сил Эстонии Вара, славившийся «знатоком России». Одновременно в Хельсинки был направлен и военный представитель Эстонии. С началом войны эстонский генеральный штаб организовал передачу Финляндии разведывательных сведений о Советском Союзе. Из Эстонии в Латвию были посланы в Финляндию «добровольцы», принявшие участие в военных действиях. Обсуждался вопрос и о вступлении этих государств в войну против СССР на стороне Финляндии.

В декабре 1939 г. состоялась конференция министров иностранных дел Эстонии, Латвии и Литвы. На ней было принято решение о воссоздании «Балтийской Антанты». На новой конференции стран «Балтийской Антанты» были приняты решения о более тесном сотрудничестве прибалтийских стран в оказании помощи Финляндии и расширении экономических и политических связей с западными державами. В частности, было решено увеличить закупки вооружений в Германии за счет усиленного вывоза стратегического сырья.

Воспользовавшись этой политической ситуацией, Германия стала вновь укреплять свои позиции в Прибалтике. На секретном совещании начальников генеральных штабов армий прибалтийских государств, на котором обсуждались вопросы боеспособности Красной Армии и общей политики в отношении советских войск в Прибалтике, присутствовал германский военный атташе в Эстонии. Эстонская газета «Пяевалехт» писала: «Возникает вопрос, не следует ли уже теперь приступить к дополнению договора о сотрудничестве прибалтийских государств статьями о военной помощи с тем, чтобы зафиксировать уже фактически сложившееся положение». Хотя СССР предлагал оружие странам Прибалтики на льготных условиях, военная техника и снаряжение закупались в Германии. Правительства прибалтийских стран стали на путь саботажа договоров с СССР. Обсуждая эстонско-советский договор, председатель Государственной думы Эстонии Улуотс заявил: «Мы должны сделать его возможно более жидким».

Как отмечал академик АП Латвийской ССР А. Дризул, правительство Ульманиса во время советско-финляндской войны... не исключало возможности вступить

в войну против СССР на стороне империалистических держав. Министр иностранных дел Латвии В. Мунтерс в письме по итогам Таллиннской конференции (декабрь 1939 г.) военному министру Я. Валодису отмечал, что союзный договор между Латвией и Эстонией «остаётся в силе и военное сотрудничество между обоими государствами должно продолжаться, военное сотрудничество с Литвой следует продолжать без специального договора».

В республиках усиливалась антисоветская пропаганда. В феврале 1940 г. в Таллине стал издаваться печатный орган «Балтийской Антанты» — журнал «Ревю Балтик» на английском, французском и немецком языках, на страницах которого велась разнузданная антисоветская пропаганда и возводилась клевета на советские войска, размещённые в прибалтийских республиках. Кроме того, имели место случаи похищения советских военнослужащих и истязания их с целью выведать военные секреты Советского государства. Производились также многочисленные аресты граждан, обслуживавших советские войска, что затрудняло выполнение Красной Армией стоявших перед ней задач по совместной обороне побережья Балтийского моря.

Вряд ли подобные действия были бы возможны, если бы Прибалтика была советским протекторатом. Активные внешнеполитические действия против своего протектора, легальная закупка оружия за рубежом, направление жителей «протектората» для службы в армиях, сражающихся против страны-протектора, активная пропаганда против этой страны были абсолютно немислимы ни в протекторате Богемия и Моравия, ни в других оккупированных гитлеровцами в 1940—1942 гг. странах Европы. Создается впечатление, что те, кто оплакивает «покорение» Прибалтики Советским Союзом осенью 1939 г., считают, что «бремя» договоров 28 сентября — 10 октября чрезмерно препятствовало развитию связей Эстонии, Латвии и Литвы в оформлении блока с гитлеровской Германией против СССР.

Между тем совершенно очевидно, что действия прибалтийских стран являлись нарушениями договоров о взаимной помощи. Обстановка в Прибалтике свидетельствовала о том, что режимы Пятса, Ульманиса и Сметоны прекрасно оценили разницу между действия-

ми вермахта в Польше и боями Красной Армии на линии Маннергейма. Перед Советским правительством вставали перспективы не только утраты военных позиций в Прибалтике, но и возможного быстрого разгрома советских гарнизонов в случае, если бы Гитлер, опираясь на возрождающиеся связи с прибалтийскими правительствами, решил напасть на СССР.

Судьба СССР во многом зависела от окончательного выбора Берлином направления следующего удара. Не меняя курса на запад, Гитлер вновь и вновь переносил срок начала наступления. Решение начать военные действия 12 ноября, принятое 27 сентября 1939 г., было за три дня до истечения срока перенесено на 19 ноября, затем на 22 ноября и так далее.

Очередное изменение в военных планах Гитлера касалось не срока, а направления удара. Лишь теперь можно заметить, что в последовательности агрессивных действий Гитлера была странная закономерность. Начав с южного направления (Австрия и Чехословакия), стрелы гитлеровской агрессии, казалось, не пропускали ни одной стороны света, двигаясь по невидимому компасу против часовой стрелки. Агрессия, нацелённая на юг, сменилась ударом на восток против Польши. Словно бы в стремлении не пропустить очередной точки горизонта, вместо готовившегося наступления на западе был выбран план наступления на север. И лишь после этого зловещие стрелы в мае 1940 г. нацелились на запад, чтобы весной 1941 г. повернуть на юг, в сторону Югославии и Греции, и затем вновь вернуться к востоку. В этом, казалось бы, мистическом движении была определённая логика бесконечной экспансии, требовавшей последовательного расширения круга владений Германской империи. Распространение власти третьего рейха продолжалось последовательными оборотами по все расширяющейся спирали до тех пор, пока объектом мощного поля Германии были страны, не имевшие возможности противостоять её воздействию. Однако на очередном повороте попытки притянуть в свою орбиту страну со столь протяженным пространством на востоке, что оно упиралось в Дальний Запад, оказались роковыми для этой чудовищной идейно-политической аномалии, реагирующей на объекты окружающего мира как на пустующие планеты будущего жизненного пространства Германии. Логика постоянной экспансии остановила ранней весной 1940 г. выбор

удара на Данию и Норвегию. Захват этих стран впервые показал, что такое «молниеносная война» (блицкриг) в действии.

Молниеносные захваты двух Скандинавских стран произвели шокирующее впечатление на мировую общественность. После захвата немцами Дании и Норвегии в апреле 1940 г. правительства многих стран принимали крутые меры в целях обеспечения внутренней безопасности.

Даже в странах, не подвергнувшихся вторжению германских войск, царили панические настроения. Естественные в условиях войны повышенные меры по охране безопасности страны после майских событий 1940 г. уступили место массовой шпиономании.

В мае 1940 г. даже в удаленных от фронтов войны Соединенных Штатах население проявляло нервозность и подозрительность. Если за весь 1939 г. в ФБР поступило 1600 заявлений на лиц, подозреваемых в шпионаже, то в 1940 г. только «за один из дней мая то же бюро... получило 2900 аналогичных заявлений». В Коста-Рике, Никарагуа и Гватемале в 1940 г. были изданы распоряжения, обязывающие вбить колья на земельных участках, принадлежащих лицам немецкой национальности, чтобы воспрепятствовать использованию ровных полей в качестве аэродромов. Позже, в 1942 г., почти всех немцев, проживавших в Коста-Рике, вывезли в Техас и посадили там в концентрационный лагерь.

Эти события оказали огромное воздействие на весь мир. Следует напомнить, что признания необоснованности массовых арестов, расправ 1940 г. последовали лишь через много лет после окончания войны и не вызвали широкого интереса у мировой общественности. В годы же войны представления о масштабах «пятой колонны» формировались в значительной степени на основе данных о числе арестованных, в которых видели шпионов Гитлера, и слепой вере в фантастические обвинения, выдвинутые в адрес жертв произвола. Это видно из того, что в США, вступивших в войну через полтора года после описываемых событий, повторились события, порожденные таким же разгулом массовых панических подозрений, который царил в Западной Европе в мае — июне 1940 г. Хотя в течение 72 часов после нападения Японии на Пирл-Харбор ФБР арестовало 3846 граждан стран фашистского блока (в том

числе 733 из Японии) и были приняты меры для поиска штатных агентов на территории США и их союзников, в стране началась истерическая кампания с требованием немедленного ареста всех граждан японского происхождения (самопознание — нисэн).

За всю войну на землю американских штатов не ступила нога вражеского солдата, не упала ни одна вражеская бомба, а на ее предприятиях не был совершен ни один акт диверсии или саботажа. Тем не менее лживые сообщения об актах вредительства и шпионажа, якобы совершаемых потомками японских переселенцев, явились основанием для юридического решения правительства США об интерлировании нисэн во внутренние районы страны. В феврале 1942 г. в течение недели все нисэн, проживавшие в Калифорнии и других штатах Западного побережья, были высланы из своих родных мест.

120 тыс. американцев, чьи предки давно покинули Японию, были отправлены в «центры перемещения», расположенные в горных штатах (Вайоминг, Монтана, Айдахо). Один из бывших заключенных в этом лагере Джун Курозе вспоминает: «Нас поместили за колючую проволоку в сараях из картона. Через стены проникал дождь. Повсюду была грязь... На стоянке для автомашин были воздвигнуты пулеметные вышки. Если бы ты перепрыгнул через ограду, ты был бы убит на месте... К лагерю подъезжали на машинах люди и оскорбляли нас». В это время средства массовой информации призывали к физической расправе над нисэн. «В газетах мы читали, как Дейв Бек требовал перебить всех. И уж особенно старался Уолтер Липпман». Две беседы Уолтера Липпмана с прокурором Калифорнии Эрлом Уорреном, опубликованные 12 и 14 февраля 1942 г., решительно повлияли на общественное мнение страны против нисэн.

Попытки нисэн хотя бы через несколько десятилетий добиться признания, что обвинения, по которым они были брошены в лагерь, были несправедливыми, оказались безуспешными, так как не получили широкой поддержки.

Если события в апреле — июне 1940 г. в Западной Европе казались для политических деятелей и общественности США достаточной причиной для заключения в концлагерь 120 тыс. американских граждан, то страх перед нападением на советские гарнизоны в Эс-

топии, Латвии и Литве сил вермахта при поддержке профашистских сил и прибалтийских армий имел определенные основания. Имелись, например, сведения о том, что «под видом проведения «балтийской недели» и «праздника спорта» фашисты Эстонии, Латвии и Литвы при попустительстве правительств готовились захватить власть и обратиться к Германии с просьбой ввести войска в эти страны. «Решающее выступление было назначено на 15 июня — день открытия праздников. К этому времени приурочивалась и кровавая расправа... над активными участниками антифашистских народных фронтов».

Действия Советского правительства в этот период характеризовались примерно таким же сочетанием острой озабоченности за безопасность СССР и игнорирования международного права, которым отличались, например, действия Англии, когда она вводила свои войска в Египет и отстраняла от власти в этой стране профашистские элементы.

14 июня 1940 г. Советское правительство предъявило правительству Литвы следующие требования:

1. Чтобы немедленно были преданы суду министр внутренних дел г. Скучас и начальник департамента политической полиции г. Повагайтис как прямые виновники провокационных действий против советского гарнизона в Литве.

2. Чтобы немедленно было сформировано такое правительство, которое было бы способно и готово обеспечить честное проведение в жизнь советско-литовского Договора о взаимопомощи и решительное обуздание врагов Договора.

3. Чтобы немедленно был обеспечен свободный пропуск на территорию Литвы советских воинских частей для размещения их в важнейших центрах Литвы в количестве, достаточном для того, чтобы обеспечить возможность осуществления советско-литовского Договора о взаимопомощи и предотвратить провокационные действия, направленные против советского гарнизона в Литве.

Ответ литовского правительства был готов за час до срока, назначенного Советским правительством. 15 июня в 10 часов утра министр иностранных дел Урбисис передал согласие Литвы со всеми советскими условиями. В тот же день советские войска вступили на литовскую территорию. Латвийский посол в Литве

писал в официальном сообщении в Ригу: «Войска передвигаются в отличном порядке, соблюдая очень хорошую дисциплину, никого не трогая. По отношению к населению они коррективны и приветливы». 16 июня аналогичные советские поты были направлены правительствам Латвии и Эстонии. Эти требования были также выполнены, и на следующий день, 17 июня, части Красной Армии вошли в эти две прибалтийские республики.

В этот день Молотов вызвал Шуленбурга и официально сообщил ему о вступлении советских войск в Прибалтику. Как отмечал У. Ширер, эти действия СССР «были унижением для Гитлера, но, так как он пытался организовать вторжение в Англию, он ничего не мог поделать по этому поводу». Разумеется, если бы Гитлер мог прочесть и поверить современным тенденциозным сочинениям о «пакте 1939 года», он бы не чувствовал себя униженным, так как он бы узнал, что сам передал Эстонию, Латвию и Литву Советскому Союзу еще осенью 1939 г. Но так как ни Гитлер, ни Шуленбург не знали этого, то они переживали по поводу событий 14—17 июня 1940 г., понимая, что вступление советских войск в Прибалтику наносит серьезный удар по германским планам похода на восток. Уже позже, по словам У. Ширера, «чтобы еще более унижить немцев, Молотов бесцеремонно заявил им 11 августа, что бы они ликвидировали свои миссии в Каунасе, Риге и Таллине в течение двух недель и закрыли все свои прибалтийские консульства к 1 сентября».

Однако еще до этого, на другой день после подписания Францией перемирия в Компьене, 23 июня, Молотов вновь вызвал Шуленбурга и сообщил ему о том, что «решение бессарабского вопроса не требует отлагательств». Он заявил, что Советское правительство рассматривает на то, что Германия «не будет препятствовать, а поддержит советские действия». Это заявление, по словам Ширера, вызвало «тревогу в вермахте, которая распространилась на генеральный штаб». Это было связано с опасениями, что Советский Союз предпринимал попытку завладеть Румынией, от нефти которой зависела судьба всех военных операций Германии.

Вечером 26 июня 1940 г. Советское правительство передало румынскому посланнику в Москве Давидеску заявление, в котором указывалось, что «Советский

Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу. Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава». Впоследствии требование о передаче Северной Буковины обосновывалось еще и тем, что в ноябре 1918 г. Народное вече Буковины приняло решение о воссоединении с Советской Украиной.

Румынское правительство согласилось лишь вести переговоры по этим вопросам. В ответ на это Советское правительство потребовало очищения румынскими войсками и занятия Красной Армией «территории Бессарабии и Северной Буковины в течение четырех дней, начиная с 14 часов по московскому времени 28 июня». Румынское правительство обратилось за консультацией к Германии. По словам У. Шпрера, «Риббентроп в панике направил инструкции из своего специального поезда посланнику в Бухаресте, советуя румынскому правительству уступить, что оно и сделало 27 июня. На следующий день советские войска вступили во вновь приобретенные территории, а Берлин вздохнул с облегчением, так как по крайней мере богатые источники нефти и продовольствия не были отрезаны захватом Россией всей Румынии».

Вступление советских войск в Прибалтику, Бессарабию и Северную Буковину вызвало крайне негативную реакцию в Берлине, казалось бы непонятную, если исходить из утверждений о том, что за 10 месяцев до этих событий Гитлер согласился на передачу этих земель Советскому Союзу. На деле, говоря о границах советской «сферы влияния», германские лидеры считали их лишь рубежом, на котором временно остановится германская экспансия. Выдвижение советских войск на этот рубеж допускалось Германией лишь в Польше и лишь в обстановке, когда Германия стремилась превратить СССР в своего союзника в польской кампании. К лету 1940 г. ситуация существенным образом изменилась в благоприятную сторону для Германии. Именно в это время у Гитлера еще не было

возможностей дать немедленный отпор СССР. Однако не случайно именно тогда Гитлер принял решение напасть на Советский Союз.

Как писал У. Ширер, «быстрота, с которой Сталин захватил балтийские государства и две румынские провинции, подстегнула Гитлера к действию...». По словам Йодля, «основное решение» было принято «уже в ходе западной кампании». Позже Гитлер сказал Кейтелю, что он намеревается начать нападение на СССР осенью 1940 года. Правда, под влиянием возражений Кейтеля Гитлер отодвинул срок, и 29 июля Йодль официально объявил оперативному отделу генерального штаба о том, что «Гитлер собирается напасть на СССР весной 1941 года». Но еще 21 июля 1940 г. Гитлер приказал Браухичу, чтобы тот начал разработку этой военной операции. По словам Браухича, «Гитлер был уязвлен захватами Сталина на востоке». Вступление советских войск в Прибалтику, Северную Буковину и Бессарабию, так же как и предыдущие выходы Красной Армии на линию Керзона и измененную советско-финскую границу, означало запятое того рубежа, который через год превратился в линию советского фронта против германской агрессии.

Вместе с тем перемещения советских войск были связаны и с политическими изменениями на занятых ими территориях. Вступление советских войск в Бессарабию и Северную Буковину было прежде всего связано с признанием незаконности аннексии Бессарабии Румынией в 1918 г. и утратой румынской власти на этой территории после 28 июня 1940 г. В этой связи румынские политические партии и организации в этом крае были распущены. Из подполья вышли организации компартии, действовавшие здесь. В Бессарабии и Северной Буковине создавались органы Советской власти. 2 августа из большей части Бессарабии и Молдавской автономной республики, существовавшей с 1924 г. по левому берегу Днестра, была образована Молдавская ССР. Северная Буковина и южные районы Бессарабии вошли в состав Украины.

Одновременно происходили существенные изменения в политическом и государственном устройстве Прибалтики. Пребывание советских войск в Эстонии, Латвии, Литве способствовало активизации антифашистских сил. Как отмечал А. Дризул, в Латвии «в 1939 году листовки и воззвания народного фронта распростра-

пились на рижских предприятиях, их расклеивали в рабочих районах на стенах домов или бросали в почтовые ящики... Кратковременными забастовками и летучими митингами... рабочие Риги отметили день 1 Мая, а также 22-ю годовщину Октября». «Политуправление» — карательный орган режима Ульманиса — в своем обзоре в конце 1939 г. указывало: «Рабочие многих фабрик в своих разговорах высказываются, что при существующих условиях рабочий класс рано или поздно выйдет как победитель на путь революции».

На пленарном заседании ЦК Компартии Латвии 3 марта 1940 г. была выдвинута задача — свержение правительства Ульманиса и замена его правительством народного фронта.

Решение этой задачи было возможно лишь при условии широкой поддержки компартии трудящимися страны. По словам бывшего второго секретаря ЦК Союза трудовой молодежи Латвии Э. Берклава, коммунисты и комсомольцы республики были малочисленны. Как отмечал Э. Берклав, «в рядах Союза трудовой молодежи в то время по всей Латвии было 250, самое большое 300 членов. Коммунистов было примерно 500, может быть, 600 человек. Это и были, пожалуй, единственные, принимаемые всерьез силы против правительства Ульманиса, в распоряжении которого были хорошо обученная армия, большое количество воензированных подразделений айзсаргов, полиция. Мне кажется, что в таких условиях даже смешно с такими силами говорить о какой-то революционной ситуации, о намерении свергнуть существующую власть. Правда, мы, подпольщики, призывали это делать, и призывали честно, такова, несомненно, была наша цель. Но всерьез мы об этом не думали, так как были достаточно разумны, понимали, что с такими силами, какие были у нас, бороться за свержение власти, конечно, несерьезно. Может быть, можно рассуждать так, что народные массы были более революционными, чем мы, подпольщики... Правда, значительной части народа действительно не нравилось, что Ульманис ликвидировал политические партии, закрыл демократическую прессу, но экономическое положение в Латвии в то время существенно не изменилось».

Все же агитация против правительства Ульманиса оказывала свое влияние на массы. Только судя по числу репрессированных в Латвии, поддержка антифа-

шистских лозунгов выходила далеко за пределы небольшого круга коммунистов и комсомольцев. Только с января по май 1940 г. в Латвии было репрессировано около 3700 человек, из них в Риге — 2100. Аналогичные процессы происходили и в двух других прибалтийских республиках.

Но если в отношении широких масс к внутренней политике правительств Пятса, Ульманиса и Сметоны, при всей репрессивности этих режимов, не было однозначности, то обстановка в Европе вызвала тревогу. По словам латвийского историка Э. Жагарса, в Латвии «был резкий рост антинемецких и антигитлеровских настроений», хотя «они не вылились в революционную ситуацию... У населения Латвии тяжелое впечатление оставила оккупация Дании и Норвегии в апреле 1940 г. ...разгром Голландии, Бельгии, Франции в мае — июне 1940 г. Военный атташе Латвии в Германии А. Пленсер, которому (вместе с атташе других стран) гитлеровцы показали разгромленные бельгийские укрепления, писал о полной бесполезности для малых стран сопротивления агрессору. Куда после разгрома Франции двинется Гитлер и его вермахт? Этот вопрос волновал советское руководство, народы Прибалтики и их правительства».

Вступление Красной Армии в страны Прибалтики, как справедливо отмечал Э. Жагарс, «явилось своеобразным катализатором. С вступлением частей Красной Армии резко изменилось соотношение классовых сил».

Во многих городах Прибалтики население с энтузиазмом встретило советские войска. Участник этих событий в Риге П. Черковский вспоминал: «На привокзальной площади было море народа... Два танка были сплошь устланы цветами. Цветы бросали на танки еще и еще. Вдруг около покзала прозвучали выстрелы. Полиция старалась рассеять демонстрантов». При разгоне демонстрации в Риге было ранено 29 человек, из них двое скончались. Полицейская расправа вызвала всеобщее возмущение в Латвии.

Вот как характеризует июньские события в Латвии историк Жагарс: «17—20 июня 1940 г., четыре дня — это дни глубокой агонии фашистского режима Ульманиса. Вся власть в его руках: в боевой готовности армия, на улицах полиция и айзсарги. Ульманисом внесено осадное положение. Против кого? Против рабочего класса Латвии. Это последние попытки спасти бур-

жуазный строй. «Оставайтесь все на своих местах, я остаюсь на своем месте», — призывал диктатор в речи 17 июня 1940 г. По это были тщетные попытки. Если бы в Латвии не было революционной ситуации, то не было бы событий 17 июня 1940 г. в Риге, событий 19—20 июня 1940 г. в Лиепаяе. Откуда взялись тысячи участников демонстраций протеста? Почему коммунистам в считанные часы удалось вывести на улицы более 100 тысяч рабочих? Эти силы созрели в условиях революционной ситуации. В одном потоке слились социалистические и антифашистские силы, созданный коммунистами и левыми социал-демократами за годы подполья революционный актив».

В эти дни, по словам А. Дризула, буржуазные политики обратились за поддержкой к эмиссару Москвы А. Я. Вышинскому, которому западные историки приписывают ведущую роль в свержении Ульманиса. Лидеры буржуазных партий рассчитывали, отстранив Ульманиса от власти, «передать пост президента государства П. Калныню, бывшему председателю сейма». В этой связи А. Дризул подчеркивал: «По свидетельству поэта А. Кеняня, бывшего в 1931—1933 гг. в буржуазных правительствах Латвии министром образования и юстиции, после его разговора с А. Я. Вышинским последний обещал поддержать эти планы. Однако не Вышинский, а партия рабочего класса — КПЛ, СРКПЛ и организация революционной молодежи организовывали демонстрации и другие массовые выступления трудящихся. В закулисные провокационные махинации Вышинского вмешались представители КПЛ и потребовали сформировать другое правительство... 20 июня секретариат президента К. Ульманиса сообщил о сформировании нового кабинета министров во главе с А. Кирхельштейном. Это правительство, в котором было только 4 коммуниста, действовало до 21 июля 1940 г.». Диктатура Ульманиса пала.

Незадолго до этого в Литве под руководством коммунистов произошли массовые выступления с требованием отставки правительства. В ночь на 16 июня Сметона и члены его правительства бежали в Германию. Было образовано правительство Народного фронта во главе с писателем Ю. Паленкисом. 21 июня было сформировано правительство антифашистского фронта Эстонии во главе с поэтом П. Варесом.

14—15 июля происходили выборы в сеймы Латвии

и Литвы и в Государственную думу Эстонии. 21—22 июля эти органы государственной власти провозгласили Советскую власть и обратились с просьбой о принятии их в СССР. В Декларации Государственной думы Эстонии говорилось: «Выражая свободную и единую волю эстонского трудового народа, Государственная дума провозглашает Советскую власть на всей территории Эстонии. Эстония провозглашается Советской Социалистической Республикой. Отныне вся власть в Эстонской Советской Социалистической Республике принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся».

**Декларация Народного сейма Латвии
о вхождении Латвии в состав
Союза Советских Социалистических
Республик**

21 июля 1940 г.

В течение долгих лет латвийский народ стонал под гнетом эксплуататоров, подвергаясь грабежу и порабощению, обреченный на нищету и вымирание.

Латвийские рабочие и трудовая интеллигенция были обречены на безработицу и голодную смерть.

Латвийские крестьяне почти поголовно страдали от безземелья и малоземелья, так как вся земля, за незначительным исключением, была захвачена черными и серыми баронами и другими крупными землевладельцами.

С каждым годом Латвия все больше и больше разорялась. Ее хозяйство разрушалось. Ее производительные силы истощались. Прирост населения сокращался. Национальный доход неуклонно падал, а национальный долг все возрастал, и вместе с тем все возрастала гибельная для Латвии экономическая и политическая зависимость от империалистических хищников, от иностранных капиталистов и банкиров.

Своей антинародной политикой старое плутократическое правительство привело Латвию на край гибели. Вследствие преступной, предательской политики стоявшей ранее у власти реакционной клики Латвии угрожала опасность превратиться в добычу империалистов.

Преступная клика бывших правителей Латвии искусственными мерами пыталась отгородить латвийский народ от народов СССР, пыталась всячески помешать братскому сближению нашего и советского народов, помешать нашей дружбе и проч-

ному, нерушимою союзу с нашим великим соседом — непобедимым Союзом Советских Социалистических Республик.

Старое правительство пыталось сорвать договор о взаимопомощи, заключенный Латвией с СССР 5 октября 1939 года. Старое правительство вероломно нарушило этот договор, предательски толкая нашу страну на путь войны и гибели.

Вместо дружбы народов реакционная клика, стоявшая ранее в нашей стране у власти, всячески раздувала и провоцировала национальную рознь и человеконенавистнический шовинизм.

Теперь, когда латвийский народ свергнул старый режим — режим гнета и бесправия — и вышел на широкую и светлую дорогу новой жизни, нового государственного и общественного строительства, настал великий исторический час, когда должны быть окончательно и навечно сметены все преграды между Латвией и СССР, когда должны быть законодательно закреплены прочный союз и дружба Латвийской республики с Союзом Советских Социалистических Республик.

Собравшийся ныне Народный сейм Латвии уверен, что только вхождение в состав Союза Советских Социалистических Республик обеспечивает подлинный суверенитет нашей страны, подлинный расцвет нашей промышленности, сельского хозяйства, нашей национальной культуры, блестящий и мощный подъем материального и культурного благосостояния латвийского народа, могучее развитие и процветание нашей любимой родины.

Наш народ связан с братскими народами СССР прочными узами многих и многих лет революционной борьбы с царизмом, с капиталистами и помещиками, угнетавшими русских и латвийских рабочих и крестьян.

Настал час эти узы закрепить навечно.

Латвийский народ, вступив в братскую, великую семью счастливых народов страны социализма, развернет все свои богатые творческие силы и рука об руку с трудящимися СССР пойдет вперед по пути строительства новой жизни.

Только в составе Союза Советских Социалистических Республик латвийский народ сможет залечить раны, нанесенные ему долгими годами порабощения.

Только с помощью великого своего друга — Советского Союза и как равноправный член братской семьи советских республик латвийский народ сможет поднять свое хозяйство, развивать свою национальную культуру, обеспечить национальное равноправие, обеспечить мир, хлеб и подлинную свободу трудящимся Латвии.

Исходя из единодушно выраженной воли латвийского народа, Сейм постановляет:

Просить Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик принять Латвийскую Советскую Социалистическую Республику в состав Советского Союза в качестве союзной республики на тех же основаниях, на которых входят в СССР Украинская Советская Социалистическая Республика и другие союзные советские социалистические республики.

Да здравствует Советская Латвия!

Да здравствует великий Союз Советских Социалистических Республик!

В августе 1940 года Верховный Совет СССР принял прибалтийские республики в Советский Союз.

Социалистический выбор трех прибалтийских республик был сделан после вступления на их территорию частей Красной Армии. Однако ни сам факт этого вступления, ни его воздействие на население страны нельзя рассматривать в отрыве от международной обстановки, от реакции населения этих стран на эту обстановку, от сложнейших социальных и политических процессов, происходивших в Прибалтике. Тем меньше оснований сводить причины вступления Эстонии, Латвии и Литвы в СССР к подписанию советско-германского договора.

История социалистических преобразований в Прибалтике, восстановления там Советской власти, восстановления исторических связей народов этого края с народами России сейчас излагается в рамках представлений об оккупации нейтральных государств империалистической державой, стремившейся к бесконечному расширению своих захватов. Естественно, что в эти рамки не вмещаются германский блицкриг, страх перед ним народов всего мира, характеристика прибалтийских режимов и их связей с нацистской Германией, революционная борьба пролетариата Прибалтики и 100-тысячные демонстрации, приветствовавшие Красную Армию. Но рамки любого упрощенного мифа должны быть предельно узки, чтобы соответствовать заколобому мышлению, сформировавшемуся для того, чтобы обслуживать ограниченный национализм.

События 1939—1940 гг. привели к тому, что большая часть государств, которые рассматривались Западом как «санитарный кордон» против большевизма, перестала существовать. Одновременно от Баренцева до Черного моря граница капитализма отодвинулась на запад. Эстония, Латвия, Литва, Западная Украина, Западная Белоруссия, Северная Буковина и Бессарабия включились в социалистическое строительство. Уже в конце июля 1940 г. вновь избранные законодательные органы прибалтийских республик объявили все крупные промышленные и строительные предприятия и частные банки государственной собственностью. Были приняты декреты о национализации земли. Такими же быстрыми темпами осуществлялись социалистические преобразования в Западной Украине, Западной Белоруссии, Северной Буковине, Бессарабии. Установление нового строя во вновь присоединенных районах Карелии, которая была преобразована в Карело-Финскую ССР, сопровождалось переселением около 300 тыс. местного населения в Финляндию.

Возникает вопрос, насколько широка была поддержка социалистического выбора населением новых западных территорий? Данные, которые приводил Э. Берклав, свидетельствуют о том, что к лету 1940 г. в Латвии менее тысячи человек участвовали в деятельности организаций, разделявших марксистско-ленинскую идеологию. Нет сомнений в том, что в условиях режима Ульманиса не все люди, разделявшие идеи революционных социалистических преобразований, имели возможность и мужество вступить в эти организации. Даже в условиях фашистской диктатуры число сочувствовавших существенно превышало количество революционеров-подпольщиков. Следует также учесть, что ряды компартии и комсомола суще-

ственно возросли после того, как открылись тюремные двери и тысячи политзаключенных вышли на свободу, а из Советского Союза вернулись те, кто эмигрировал после установления в Латвии фашистской власти. (Значительная часть таких эмигрантов не вернулась, так как они были репрессированы в 30-х гг. в СССР.) Несомненно и то, что в середине июня 1940 г. быстро происходила радикализация масс в социалистическом направлении. Об этом свидетельствовала и массовая поддержка вступления советских войск в Прибалтику.

На каком-то этапе латвийские коммунисты даже не успевали улавливать степень радикализации населения. Вспоминая июньские события 1940 г., их очевидец А. Зандман рассказывал о характерном эпизоде, который произошел во время похорон коммуниста Кришна, который умер от ран после расстрела демонстрации 17 июня: «На похоронах было несколько тысяч человек... Выступил товарищ Криевс, также бывший политзаключенный, хорошо подготовленный теоретически, хороший оратор. Его слушали очень внимательно. Но как только он упомянул о демократической Латвии, так сразу выкрики: «Долой! Долой!» Он смутился, замолчал, потом пытался возобновить свою речь, но люди не дали. Вот такое было настроение в массах трудящихся в Латвии в 1940 г., то есть подавляющее большинство было за Советскую Латвию».

Разница в оценках популярности идей социализма в Латвии Э. Берклава, с одной стороны, и большинства участников заседания латвийских историков 8 июля 1989 г., с другой, в определенной степени связана с тем, что они ведут речь о разных вещах. Э. Берклав говорил о влиянии компартии и комсомола на общественное сознание населения Латвии до 17 июня, другие же историки характеризовали обстановку, сложившуюся в стране после 17 июня.

Главным в событиях середины июня в странах Прибалтики явился не просто факт вступления на их территорию мощной армии крупной державы. Аналогичное событие незадолго до этого произошло в Дании, но никто из датчан не забрасывал цветами танки немецких оккупантов. Фотограф запечатлел фальшь инсценировок «массового энтузиазма» на улицах Праги, которые были организованы гитлеровцами в марте 1939 г. Пражане хотя и вытягивали руки в привет-

ствия нацистским войскам, но не могли скрыть своих слез. Как бы ни были далеки от идей социализма сотни тысяч жителей Риги, Лиепая, Таллинна, Вильнюса, Каунаса, приветствовавших приход советских войск, они уже знали, что принес «новый порядок» Чехии и Польше, Дании и Норвегии, Бельгии, Голландии и Франции. Как бы ни старалась фашистская пропаганда Прибалтики в 1939—1940 гг., опыт пребывания частей Красной Армии в Прибалтике с осени 1939 г. не оставил негативных впечатлений в массовом сознании населения этих республик. Вступление частей Красной Армии в Прибалтику и провозглашение там Советской власти многие латыши, эстонцы, литовцы, латгальцы, поляки, русские, евреи, украинцы, белорусы рассматривали как средство защитить себя от германского нашествия и бесчеловечного «нового порядка».

В то же время следует учесть, что два десятилетия буржуазного строя были продолжением капиталистического развития до 1917 г., прерванного лишь на несколько месяцев в 1917—1919 гг. Эти два десятилетия способствовали укреплению позиций местной буржуазии, внедрению идей буржуазного национализма в массовое сознание, формированию институтов государственности на буржуазно-националистической основе. Естественное право народов на национальные государственные и правовые институты, культуру и духовную жизнь прочно сплывалось с буржуазной идеологией, практикой капиталистических отношений. Сильное воздействие на массовое сознание оказала многолетняя пропаганда идей антикоммунизма, антисоветизма и фашизма. Кризис антисоветской политики фашистских режимов, а затем их крах способствовали освобождению населения от влияния господствующих идеологий в прибалтийских странах. Однако отсутствие долгих и прочных демократических традиций в этих республиках часто не давало иной альтернативы эмоциональному, а потому неизбежно неглубокому принятию идей социализма, кроме возвращения к различным правокстремистским формам националистической идеологии и антикоммунизма.

Единомышленная поддержка сторонников советизации, проявленная в ходе выборов в сеймы Латвии и Литвы, Государственную думу Эстонии, в значительной степени объяснялась спецификой внешних условий

лета 1940 г. и внутренних условий развития Прибалтики в течение предшествующих двух десятилетий. Многое в этом единодушии объяснялось и давлением, которое оказывали те, кто стал во главе временных правительств прибалтийских республик, получивших разнообразную помощь Красной Армии. Однако объявлять антидемократическими процессы, которые привели к падению фашистских диктатур в Прибалтике, можно лишь с большой натяжкой.

Правда, некоторые историки и публицисты Запада, допуская такие натяжки, когда подобный ход событий приводил к ослаблению позиций западных держав, проявляют разборчивость в тех случаях, когда речь идет о событиях, результатом которых является усиление позиций этих держав. Учет конкретных обстоятельств проявляется, например, при анализе всей суммы событий, которые привели к падению профашистских правительств Ирана и Египта в 1941 г. и затем к усилению позиции Англии. В то же время западные историки не любят вспоминать о том, что «демократия» устанавливалась порой путем репрессий, направленных не против сил фашизма, а против демократов незападной направленности. Умалчивается о терроре, который обрушился на греческих коммунистов в 1944 г., когда английские войска восстанавливали «демократию» в Греции.

Однако не только отсутствием глубины в социалистических убеждениях, влиянием опыта жизни в условиях капитализма и буржуазной идеологии можно объяснить разочарование части населения Прибалтики в Советской власти. Социализм, который пришел на землю Прибалтики, не только не соответствовал социалистическому идеалу, но характеризовался вопиющими нарушениями морали, демократии и закона.

Стремление построить новое общество на принципах общественной справедливости, являющихся отрицанием строя эксплуатации трудящихся, социального неравенства, грабежа и угнетения народов колоний и зависимых стран, отвечало вековым чаяниям человечества. В первой половине XX века казалось, что капитализм изжил себя как система. Подтверждения этому можно было видеть в жесточайших кризисах перепроизводства, разорения миллионов людей, небывалом росте безработицы, голоде среди населения колониальных и зависимых стран. Беспрецедентные по

своим масштабам мировые войны, накопление запасов все более смертоносных видов оружия убедительно свидетельствовали о том, что некогда прогрессивный и динамичный строй ведет человечество к уничтожению. Альтернативой этому строю могло стать общество, построенное на принципах общенародной собственности, социальной справедливости, мира и равноправия между народами. Именно эти принципы провозгласила революция, начавшаяся в России в октябре 1917 г. За эти цели боролись партии, объединенные Коммунистическим Интернационалом. Эти цели стали знаменем деятельности нового, социалистического государства и были закреплены в Конституции СССР, объявленной конституцией страны победившего социализма.

Во всемирной истории не раз бывало так, что высокие цели и благие пожелания не приводили к созданию идеального общества, о котором мечтали люди. Это не всегда означало, что избранные цели были изначально ошибочными. Однако объективные условия не позволяли человечеству найти в конкретной исторической обстановке реальные способы решения своих проблем. Кроме того, естественная неспособность человечества предвидеть свое будущее во всех его деталях, неумение людей просчитывать многовариантные и отдаленные последствия своих действий в настоящем, склонность к идеализации грядущих перемен, а порой и просто крайняя озабоченность лишь решением острых сиюминутных проблем неизбежно давали неожиданные, и часто негативные, результаты деятельности, направленной на достижение позитивных результатов для человечества.

Неумолкающий восторг современного человечества по поводу достижений науки и техники часто мешает услышать голоса тех, кто указывает на неумолимо надвигающиеся глобальные катастрофы, порожденные производственной деятельностью. Аналогичным образом многие социально-экономические преобразования, совершенные в условиях кризиса общественного строя и во имя построения совершенного общества, давали неожиданные негативные результаты. Капиталистический строй, созданный под лозунгами свободы, равенства и братства, по неумолимой логике объективной реальности стал олицетворением экономического и духовного угнетения людей, их социального и нацио-

нального неравенства, жесточайших конфликтов и самых разрушительных войн.

Многие негативные явления стали спутниками и нового, социалистического общества. Этому в немалой степени способствовала ориентация на временный, переходный характер социалистического строительства, обусловленного, с одной стороны, неизбежностью скорой победы мировой революции, а с другой — сравнительно быстрым построением коммунистического общества. Ориентация на временный характер строящегося общества неизбежно создавала условия для внедрения в теорию схематических представлений о социализме, а в практику жизни нового строя — упрощенные общественные конструкции и грубые методы строительства.

Процесс разрушения общественных идеалов и даже реальных достижений общества в результате сооружения огрубленных социальных конструкций можно уподобить процессу эрозии почв, вызываемому производственной деятельностью человека. Создание тепловой экономики и коррупция, разложение трудовой этики и общественной дисциплины, упадок нравов и духовная деградация — вот проявления эрозии социализма, которые через десятилетия выступили на поверхность после их многолетнего накопления под покровом внешнего благополучия и процветания.

Многие негативные стороны социалистической действительности, и прежде всего грубые методы правления, объяснялись также реакцией на жестокое внешнее окружение. Отчасти эти объяснения имели основания. В течение двух десятилетий Советская страна ожидала нападения империалистических держав, готовых во имя закабаления народов СССР пойти на самую бесчеловечную войну с применением химического или иного оружия массового уничтожения. Свидетельства о готовности всех капиталистических стран мира, в том числе соседей СССР, присоединиться к такому походу были регулярными и многочисленными. В мире, ставшем свидетелем беспощадной бомбардировки Испании и убийства мирного населения Эфиопии с помощью химического оружия, зверства японской военщины в Китае и строительства концлагерей в Германии, расправ английских, французских, бельгийских, португальских, голландских и иных колонизаторов с населением в Африке и Азии, трудно

было проповедовать и воплощать в жизнь идеи гуманизма.

В то же время ссылки на всеобщую жестокость оправдывали грубомыслие, недостаток знаний, слабый профессионализм и, наконец, презрение к морали и жестокость, характерные для многих убежденных сторонников быстрого построения нового, совершенного строя, которые, как это и всегда бывало в ходе всех революционных перемен, возобладали в руководстве социалистического государства.

Следствием этого явились и неоправданные жестокости периода военного коммунизма, нарушения законности, не прекратившиеся в период нэпа, курс на раскрестьянивание, вызвавший массовый голод в стране и миллионы жертв, эпизоды и повальные аресты 1935—1939 гг. Господство жестоких административных методов в руководстве, нарушение этических и правовых норм в СССР достигло крайней степени во второй половине 30-х гг., в то время, когда прибалтийские республики вошли в состав СССР.

Вступление Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии в СССР в 1939—1940 гг. означало внедрение в жизнь народов этих земель не только несомненных преимуществ социализма, которые они быстро ощутили (улучшение положения батраков, малоземельных и безземельных крестьян, ликвидация безработицы, бесплатность важнейших социальных услуг и т. д.), но и негативных сторон советской практики конца 30-х годов. Это соединилось с ситуацией гражданской войны, которая сложилась на новых советских территориях после 1939—1940 гг. Борьба за утверждение нового строя и отстранение от власти господствовавших классов в любом случае сопровождалась бы крайностями и издержками, характерными для каждой революции. Революционные же преобразования 1939—1940 гг. проводились административными методами с нигилистическим невниманием к закону, национальным традициям, морали. Несправданно широкий масштаб непродуманной национализации, усиленное насаждение коллективизации, ликвидация многих традиционных социальных и политических институтов, грубое наступление на церковь способствовали быстрому разочарованию в социализме значительной части населения новых территорий.

Отрицательное отношение к Советской власти особенно возросло после начала массовых репрессий, которые особенно широко развернулись перед началом войны. Для проведения мер по укреплению безопасности в приграничных районах СССР были веские основания. Война неумолимо приближалась. Опыт очередной агрессии Гитлера против Югославии и Греции показал, к каким катастрофическим последствиям приводит невнимание к тайному фронту Гитлера. Только после захвата Югославии стало известно, что агенты из немцев, проживавших в Словении, на основе долготлетних наблюдений составили списки местных жителей, которые могли оказать сопротивление захватчикам. Эти списки направлялись в Юго-Восточный немецкий институт в Граце задолго до начала войны. Против фамилий словенцев стояли пометки: «Подлежит немедленному аресту» (таких насчитывалось 4 тыс.), «Враждебно настроен к Германии», «Следует держать под наблюдением» и т. д. Органы немецкой службы безопасности, действуя из Граца, поддерживали связь с хорватской фашистской организацией «Усташа», возглавлявшейся Анте Павеличем.

Молодые выходцы из немецкого меньшинства, получив повестки о призыве в югославскую армию, уходили в Германию. Многие из них стали служить в войсках СС. С конца 1940 г. Германия тайно вооружала немецкое меньшинство, а зимой 1940/41 г. были созданы полувойсковые организации типа штурмовых отрядов СА. Шпионская деятельность немецкой разведки, опиравшейся на помощь местных немцев и других национальных меньшинств, позволила точно установить расположение самолетов Югославии и ее Дунайской речной флотилии.

После начала военных действий местные немцы заняли ряд важных объектов в некоторых городах Словении. Подразделения югославской армии, пытавшиеся взорвать мосты, были атакованы ударными отрядами, сформированными из местных немцев, и оказались уничтоженными. Часть хорватов, поддерживавших организацию «Усташа», нападали на сербские части, которые вели бои с немцами. Хорваты атаковали и захватили штаб югославской Северной армейской группы.

Части из местных немцев захватили и удерживали до подхода передовых частей регулярных немец-

ких войск два крупных моста через реку Драва, а также белградский аэродром «Землин» с находившимися там самолетами типа «мессершмитт».

За три дня до вторжения в Грецию туда были переброшены три немецкие диверсионные группы, совершавшие поджоги в пограничной полосе и разрушавшие телеграфные линии. Все члены национал-социалистической партии, а также организации гитлеровской молодежи в Греции выполняли обязанности проводников и переводчиков немецкой армии.

Так что для поиска агентов гестапо в прибалтийских республиках были реальные основания. Несмотря на массовый выезд немцев из Прибалтики, Германия сохранила свою агентуру в этих районах. Более того, широкомасштабная охота на шпионов не сумела обнаружить умело законспирированную агентуру гестапо.

Как отмечал Л. Йонг, до 22 июня 1941 г. «немцы старались собирать сведения о Советском Союзе... Весной 1941 г. у немцев имелось несколько агентов в прибалтийских республиках и в восточных районах Польши, занятых Советским Союзом».

После начала военных действий «для Гитлера и его генералов стало чрезвычайно важным узнать о том, что происходит в тылу русских войск. Для решения этой задачи в распоряжение штабов немецких армий направлялись группы агентов из коренного населения, то есть из русских, поляков, украинцев, грузин, финнов, эстонцев и т. д. ...Унтер-офицерами в группах были главным образом выходцы из Галиции, Закарпатья, а также эмигранты из горных районов Кавказа. Обучение всех этих людей началось еще в 1938 г. в Баварии... После подписания немецко-русского пакта о ненападении вся работа по подготовке агентов формально была запрещена, но фактически ее передали в руки японцев, получивших денежные средства от Германии.

Помимо сбора разведывательных сведений ряд групп выполняли диверсионные задания. Подразделения в русском обмундировании должны были действовать далеко впереди наступающих немецких войск. В конце октября 1941 г. начальник штаба немецкой группы армий «Север» высоко оценил работу указанных подразделений. Их действия в Латвии дали воз-

можность спасти от разрушения важный мост через Двишу.

Как во всех странах Европы и Америки, зараженных вирусом шпиономании в 1939—1945 гг., поиск реальных агентов нацистов на территории СССР превращался в бессмысленную и жестокую травлю людей.

Характеризуя процесс развития шпиономании, исследователь этого явления голландский историк Л. Йонг писал: «Для того чтобы впервые назвать по имени внутреннего врага, достаточно бывает одному человеку выдвинуть обвинение, как все его подхватывают. Такое явление может наблюдаться в небольшой группе людей (кто-то заметил в руках человека немецкую газету. Значит, ее владелец немецкий шпион!). Оно может происходить и в масштабе страны в целом. В адрес военных и гражданских властей люди шлют доношения, написанные под влиянием возбуждения, без достаточной проверки, содержащие частично или полностью ошибочные выводы. В атмосфере общей нервозности такие доношения превращаются в сообщения для печати, коммунике и военные сводки, что, в свою очередь, усиливает склонность к поискам новых «преступлений». Как только возникает подозрение, что вода отравлена, сразу же кажется странным ее вкус; это еще больше усиливает подозрение, и люди начинают верить в то, что вода действительно отравлена». Зараза шпиономании была усилена перенесением на приграничные районы методов поиска классового врага, взятых на вооружение органами НКВД в те годы.

Депортация 12 562 человек (7439 семей) из Литвы и аналогичные мероприятия, проведенные в Эстонии и Латвии, явились тяжелым преступлением тех лет. Эти действия лишь усилили рост недовольства местного населения против советского строя. Некоторые присоединялись к активным выступлениям против Советской власти, организуемым убежденными сторонниками свергнутых диктатур и ориентации на союз с гитлеровской Германией.

Однако трагический опыт соседней Польши свидетельствовал о том, что режим рейха несет лишь бесправие, унижение и гибель покоренным народам. 2 октября 1940 г. Гитлер провозгласил: «Поляки рождены для черной работы... Никакого вопроса об улучше-

нии условий жизни для них быть не может. Уровень жизни в Польше должен сохраняться на низком уровне и не должен подниматься... Польское дворянство должно прекратить свое существование; как это звучит жестоко, их надо уничтожать поголовно... Для поляков должен быть единственный хозяин — немец... Поэтому все представители польской интеллигенции должны быть уничтожены. Это кажется жестоким, но таков закон жизни».

В своем дневнике генерал-губернатор польских земель Ганс Франк писал: «Мое отношение к полякам — это отношение между муравьем и тлей. Если я обрабатываю поляка и, так сказать, дружелюбно его щекочу, то я это делаю в ожидании того, что за это мне пойдет на пользу производительность его труда». Позже генерал-губернатор записывал: «Я постараюсь изъять из резервуара этой области все, что еще можно. Если вспомнить, что мне удалось отправить в Германию 600 тыс. тонн зерна и что к этому следует еще прибавить 180 тыс. тонн для находящихся здесь войск, а также многие тысячи тонн посевного материала, жиров, овощей и отправку в Германию 300 млн. яиц и т. д., то вы поймете, какое значение имеет область для Германии».

Изъятие продовольствия из Польши обрекало население на полуголодное существование. В 1941 г. было изъято 685 тыс. тонн зерна, в 1942-м — 1,2 млн. тонн. На совещании в столице генерал-губернаторства в Кракове 14 апреля 1943 г. говорилось: «Из этого уже видно, что изъятие увеличивается с каждым годом и все более достигает пределов возможного. Теперь собираются увеличить изъятие на 200 тыс. тонн, и тем самым будет достигнут крайний предел». 7 декабря 1942 г. на совещании в Кракове отмечалось: «Если будет осуществлен новый продовольственный план, то это означает, что только в Варшаве и ее окрестностях не будут получать продовольствия 500 тыс. человек».

Уже в конце 1939 г. началось выселение поляков из местностей, предназначенных для немецких колонистов. В феврале 1940 г. около 40 тыс. человек было изгнано из Познани. К сентябрю 1940 г. из Лодзи было вывезено 150 тыс. поляков. Около 2 миллионов поляков были вывезены на принудительные трудовые работы.

Концентрационные лагеря на территории Польши вскоре превратились в фабрики по массовому уничтожению людей. Поголовному уничтожению подвергалось еврейское население страны. Ганс Франк заявлял 24 августа 1942 г.: «Тот факт, что мы приговариваем 1 миллион 200 тысяч к голодной смерти, следует отметить только мимоходом. Само собой разумеется, что если евреи не умрут с голоду, то, мы надеемся, это произойдет в результате активизации антисемитских мероприятий». Впрочем, Франк проводил курс на тотальное уничтожение всех этнических групп, проживавших в Польше. 12 января 1944 г. он заявлял: «Если бы мы выиграли войну, тогда, по моему мнению, поляков и украинцев и все то, что околачивается вокруг, можно превратить в фарш».

Такая же судьба была уготована и для северных соседей Польши. 19 октября 1942 г. профессор биолого-палеонтологического института в Познани доктор Пауль В. Томсон писал: «Такие маленькие национальности, как эстонцы, латыши или литовцы, должны либо приспособиться к нам, либо погибнуть». Надежды ряда прибалтийцев на то, что приход германских войск принесет лучшую жизнь, не оправдались. В соответствии с идеями о превращении Прибалтики в колонию третьего рейха в нацистском руководстве были подготовлены планы эксплуатации хозяйства и порабощения народов этого района еще до начала военных действий на советско-германской границе. Когда до начала осуществления плана «Барбаросса» оставалось несколько недель, Гитлер назначил редактора «Фёлькишер беобахтер», уроженца Таллинна, Альфреда Розенберга комиссаром по восточноевропейскому региону. Инструкция рейхскомиссару гласила: «Целью имперского уполномоченного для Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии должно являться создание германского протектората с тем, чтобы впоследствии превратить эти области в составную часть великой германской империи путем германизации подходящих в расовом отношении элементов, колонизации представителями германской расы и уничтожения нежелательных элементов». Генеральный план «Ост» предусматривал осуществить полное онемечивание Эстонии и Латвии в течение 20 лет. Для этого планировалось заселить Прибалтику немцами, а из местных жителей оставить лишь тех, кто обладает «ярко вы-

раженными признаками нордической расы». Лиц, не соответствующих этим стандартам, собирались переселить на Восток. «Балтийское море, — провозглашал Розенберг, — должно стать внутренним германским морем». 16 июля 1941 г. Гитлер объявлял собравшимся в своей ставке в Восточной Пруссии: «Вся Прибалтика должна стать областью империи».

Германская оккупация принесла разорение, принудительный труд и гибель сотням тысяч людей Прибалтики. Эстония, Латвия и Литва вместе с Белоруссией были включены в рейхскомиссариат Остланд. Названия «Литва», «Эстония», «Латвия» были заменены словом «бецирке» — округ. Государственным языком объявлен немецкий.

Хотя в марте 1942 года в Остланде были созданы органы самоуправления, реальная власть сохранилась в администрации рейхскомиссариата. Вместе с тем «латышское самоуправление» во главе с Данкером и Приманисом, «эстонское самоуправление» во главе с Мяз, белорусская «центральная рада» во главе с Островским, литовская националистическая организация во главе с Вирбицкасом проводили политику сотрудничества с оккупантами.

В своем приказе от 13 сентября 1941 года рейхс-комиссар Остланда Лозе писал: «Весь принадлежащий сельскому хозяйству живой и мертвый инвентарь переходит в пользование старых владельцев или соответственно назначенных управляющих, которые несут ответственность за все ведение хозяйства».

По данным Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, «гитлеровцы стогнали трудовое крестьянство Прибалтики с земли, отбирали у него сельскохозяйственный инвентарь и оборудование, отняли даже лес, заготовленный крестьянами для строительства жилых построек. В Латвийской ССР немецкие захватчики отобрали у бывших батраков, безземельных и малоземельных крестьян 600 тысяч гектаров земли, весь скот и сельскохозяйственный инвентарь, на приобретение которого Латвийское советское правительство выдало им ссуду в размере 27 миллионов рублей.

Немцы отобрали у латышских крестьян и вывезли в Германию 320 тысяч единиц сельскохозяйственного оборудования и инвентаря, около 2 миллионов голов

скота, уничтожили 500 тысяч плодовых деревьев, отобрали, разграбили или вывезли свыше 9 миллионов тонн сельскохозяйственных продуктов.

У литовских граждан немецкие захватчики отобрали 620 тысяч голов крупного рогатого скота, 220 тысяч лошадей, 770 тысяч свиней, 270 тысяч овец и коз, 760 тысяч тонн зерна, 485 тысяч тонн прочих сельскохозяйственных продуктов».

Порабощение Прибалтики сопровождалось расхищением культурного наследия литовского, латышского, восточного народов. Чрезвычайная правительственная комиссия СССР сообщила, что во время гитлеровской оккупации было уничтожено 15 музеев в Литовской ССР, 26 — в Эстонской ССР, 30 — в Латвийской ССР. Среди документов, предъявленных обвинением Международному военному трибуналу, судившему главных военных преступников в Нюрнберге, было так называемое «поручение» Утикаля: «...21 августа 1944 года имперский руководитель Альфред Розенберг вызвал из штаба главного начальника Фридриха Шиллера для доклада об имеющихся в настоящее время возможностях эвакуации культурных ценностей из восточных областей. На основании этого доклада имперский руководитель решил, что наиболее ценные культурные богатства Остланда могут быть еще отосланы его штабом, поскольку это возможно без ущерба для нужд действующих частей».

Особенно ценными имперский руководитель считает следующее:

Из Риги: городской архив, государственный архив (главная часть в Эдвалене).

Из Ревеля: городской архив, Эстонское литературное общество: мелкие предметы из дома Черноголовых, ратуши, евангелическо-лютеранской консистории и Николаевской церкви.

Из Дерпта: университетскую библиотеку».

Грандиозные масштабы и варварские формы принял угон населения оккупированных районов СССР на принудительные работы в Германию. В ноте народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова от 11 мая 1943 г. «О массовом насильственном уходе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд советских граждан в Германии» говори-

лось: «На захватываемой немцами советской земле нет буквально ни одного города, ни одного села, ни одного населенного пункта, из которого немецко-фашистские разбойники не угнали бы в рабство значительную часть населения, составляющую в некоторых крупных городах десятки тысяч мужчин, женщин, подростков и детей... В распоряжении Советского правительства имеются многочисленные материалы, рисующие нечеловеческие условия насильственной отправки советских мирных граждан в Германию в закованных, охраняемых солдатами или полицией вагонах. День и ночь из оккупированных районов Украины, Белоруссии и России идут в Германию эшелоны невольников. Людей грузят, как скот, по 60—70 человек в один товарный вагон. Обессиленных и больных выбрасывают из вагонов, под откос, устилая трупами советских людей дороги на запад».

На строительство оборонительных сооружений в Прибалтике было мобилизовано свыше 300 тысяч людей, а против уклоняющихся от занесения в списки так называемого «трудового фронта» и от отправки в Германию применялись «самые жестокие репрессии, вплоть до повешения». По заявлению германского «Управления по использованию рабочей силы», «за 1942 год в Германию было отправлено около 2 миллионов душ из оккупированных областей на Востоке».

Одновременно оккупанты приступили к осуществлению политики геноцида на территории СССР. План «очищения» Прибалтики от «неполющенных» в расовом отношении элементов начал осуществляться тотчас после оккупации. В отчете оперативной группы «А» полиции безопасности и СД за период с 16 октября 1941 г. по 31 января 1942 г. сообщалось: «...систематическая работа по очищению Востока, согласно основным приказам, имела своей целью возможно полную ликвидацию евреев. Эта цель в основном достигнута. Исключая Белоруссию, экзекуции подвергнуто 229 052 евреев. Оставшиеся в прибалтийских провинциях евреи мобилизуются в срочном порядке на работы и размещаются в гетто...»

Эстония.

Экзекуция над евреями, поскольку последние не были необходимы на работах, силами полиции безопасности и СД завершена. На сегодняшний день евреев в Эстонии больше нет.

Латвия.

При вступлении германских войск в Латвию там находилось еще 70 тысяч евреев...

До октября 1941 года этими особыми командами было подвергнуто экзекуции ровно 30 000 евреев.

В последующее время были произведены дальнейшие экзекуции. Так, например, 9 ноября 1941 г. в Двинске были подвергнуты экзекуции 11 034 еврея. В начале декабря 1941 г. в результате проведенной по распоряжению бывшего руководителя СС и полиции операции в Риге была произведена экзекуция над 27 800 и в середине декабря 1941 г. в Либаве над 2850 евреями. В настоящее время в гетто находятся, кроме евреев из Германии, округленно: в Риге — 2500 человек, в Двинске — 950 человек, в Либаве — 300 человек.

Эти евреи, будучи хорошими специалистами, являются в настоящее время еще необходимыми для поддержания хозяйства...

Литва.

...В результате многих отдельных операций было ликвидировано в общем 136 421 человек».

Западные земли СССР были разорены и опустошены. В Латвии наполовину уменьшились посевные площади. Продукция промышленности в 1944 г. составляла 16% довоенной. Было уничтожено и угнано в плен около 300 тысяч трудоспособного населения. Ущерб народному хозяйству составил 2 миллиарда рублей.

На территории Литвы было истреблено свыше 700 тысяч мирных жителей и военнопленных. В Германию были угнаны десятки тысяч людей. Земли, полученные крестьянами после реформы 1940 г., у них были отобраны. На литовские земли было переселено около 30 тысяч немецких колонистов. В результате грабительского ведения хозяйства, разрушений и вывоза многих материальных ценностей поголовье скота сократилось наполовину, было выведено из строя около 80 проц. всех промышленных предприятий.

За время войны в Эстонии было разрушено 45% промышленных предприятий, уничтожена большая часть скота. На территории Эстонии было создано 20 концентрационных лагерей, убито более 61 тысячи мирных граждан и 64 тысячи военнопленных. Многие эстонцы были вывезены в Германию на принудительные работы. Перед освобождением 70 тысяч жителей Эсто-

нии под воздействием германской пропаганды покинули родную.

Стан частью рейхскомиссариата Остланд, Белоруссия подверглась бедствиям, невиданным за всю нелегкую историю этого края. На территории республики было убито свыше 2200 тысяч жителей и военнопленных, свыше 380 тысяч жителей было угнано на каторжные работы в Германию. Почти все промышленные предприятия были разрушены. Было уничтожено 74 проц. жилого фонда городов.

В Молдавии было истреблено около 64 тысяч граждан, свыше 47 тысяч было угнано в Германию. На территории этой республики было разрушено 1037 промышленных предприятий, 45 проц. жилого фонда, 600 школ. Было уничтожено около 30 тысяч га садов и виноградников. Воплощая в жизнь свои давнишние мечты о порабощении Украины, Гитлер в 1941 г. поделился частью добычи с Румынией. На территории между Бугом и Днепром было создано германское генерал-губернаторство «Транспстрия». Часть западных земель Украины под названием «дистрикт Галичина» была передана в состав генерал-губернаторства польских земель. Остальная Украина находилась под властью рейхскомиссариата. В официальной гитлеровской пропаганде объявлялось о том, что «на Украине будет поселено 25 миллионов колонистов-немцев и родственных им народов, которые могут не бояться тягот, ибо для тяжелой и черной работы будут применены украинцы». По сообщению рейхскомиссара Украины Эриха Коха, уже «в январе 1943 года в Германию было отправлено 710 тысяч украинцев». За время оккупации на Украине было уничтожено свыше 5 млн. человек и свыше 2 млн. человек вывезено на работу в Европу. Только прямые материальные потери составили около 30 млрд. рублей.

Однако некоторая часть населения новых советских земель не испытала на себе тягот оккупации. «Новый порядок» был прежде всего репрессивным вариантом капиталистического строя, при котором происходило восстановление позний ряда представителей местной буржуазии, пострадавших в течение года Советской власти. Как отмечается в «Истории Великой Отечественной войны», «из националистических банд так называемого «Фронта литовских активистов» оккупанты создали охранные политические батальоны, которые

использовались для несения полицейской службы в Литве и за ее пределами. По заданию гестапо эти подразделения участвовали в уничтожении советских активистов, евреев, в угоне населения на каторжные работы в Германию. При помощи националистов фашистские захватчики организовали в Литве воинские подразделения для борьбы с партизанами».

Освобождение Прибалтики, западных областей Украины и Белоруссии, Молдавии, Польши от немецких захватчиков было достигнуто огромными усилиями воинов Красной Армии в борьбе с упорно сопротивлявшимися войсками Германии и ее союзников. Только потери 1-го Белорусского фронта убитыми и ранеными на польской территории за август и первую половину сентября 1944 г. составили 166 808 человек, а потери 1-го Украинского фронта только за август — 122 578 человек. Тяжелые бои, в ходе которых Красная Армия в течение нескольких месяцев разгромила группу армий «Север», оборонявшуюся в Прибалтике, сопровождалась большими потерями среди советских воинов. Свыше 332 тысяч солдат, сержантов и офицеров было награждено орденами и медалями за ратные подвиги в ходе освобождения Прибалтики.

Активное участие в освобождении своего родного края принимали местные жители. Уже к осени 1941 г. в Литве действовало 14 партизанских групп, а к концу оккупации — 90 отрядов и групп. «В 1941—1944 гг. литовские партизаны пустили под откос 364 эшелона, вывели из строя около 300 паровозов, свыше 2000 вагонов, разгромили 18 гарнизонов врага, убили свыше 100 тысяч гитлеровцев и их пособников. Более 1600 литовских партизан награждено орденами и медалями, 7 из них присвоено звание Героя Советского Союза». В латышских партизанских отрядах сражалось около 12 тысяч человек.

Многие эстонцы осуществляли акты саботажа и диверсии, крестьяне уклонялись от выполнения обязательных поставок оккупантам. Партизанские отряды были созданы в различных районах Эстонии. Партизаны-эстонцы сражались в отрядах, которые действовали в Ленинградской и Калининской областях РСФСР, а также Латвийской ССР.

Крупные партизанские отряды были созданы на территории Западной Белоруссии. Значительная часть Гродненской и Брестской областей превратилась в ос-

побожденные партизанские края. При участии партизан Западной Белоруссии был освобожден город Пинск.

Несмотря на террор оккупантов и местных националистов, на территории Западной Украины широко развернулось партизанское движение. Одной из мощных партизанских организаций явилась Народная гвардия западных областей Украины, образованная во Львове в 1942 г. и объединившая украинцев, русских, поляков и представителей других национальностей. «Народная гвардия имела партизанские отряды и боевые группы на территории Львовской, Дрогобычской, Станиславской и Тернопольской областей».

Из местного населения были образованы национальные воинские формирования. В сентябре 1941 г. была создана Латышская дивизия, а затем Латышский артиллерийский полк, Латышский стрелковый корпус, Латышский танковый полк. «Около 20 тысяч воинов латышского корпуса и партизан награждены орденами и медалями; многие Героя Советского Союза удостоены 16 латышской».

В 1942 г. была сформирована 16-я Литовская стрелковая дивизия. Более 13,5 тысячи воинов-литовцев было удостоено боевых наград. 12 из них было присвоено звание Героя Советского Союза. В 1942 г. был также сформирован 8-й Эстонский стрелковый корпус. 12 эстонских солдат и офицеров были удостоены звания Героя Советского Союза. Свыше 85 тысяч солдат и офицеров, партизан и партизанок Молдавии были награждены орденами и медалями. 16 из них было присвоено звание Героя Советского Союза.

Огромная помощь всей Советской страны разоренному краю машинами, сырьем, топливом, продуктами питания, промышленными изделиями, самоотверженный труд рабочих, инженеров, техников, ученых, переселившихся с востока в западные районы страны, позволили восстановить народное хозяйство Эстонии, Латвии, Литвы, Молдавии, Западной Украины, Западной Белоруссии в кратчайшие сроки. Например, уже в 1948 г. промышленность Литвы достигла довоенного уровня.

Но пока народы СССР решали свою судьбу на полях сражений и восстанавливали разрушенное хозяйство, по мере приближения конца мировой войны западные державы вновь поставили на повестку дня вопрос о статусе территорий, которые до 1939 г. состав-

ляли антисоветский санитарный кордон. В течение последних лет войны между участниками антигитлеровской коалиции шла активная и порой острая дискуссия по польскому вопросу и западной границе СССР. Обсуждалась и судьба народов Прибалтики. Заинтересованность США в делах Польши и Прибалтики в значительной степени объяснялась внутриполитическими соображениями руководителей этой страны.

Характеризуя ход этих обсуждений на Тегеранской конференции, ее участник, тогдашний посол США в СССР А. Гарриман, писал: «Президент (Ф. Д. Рузвельт. — Ю. Е.) объяснил, что он попросил Сталина, чтобы тот навел его для откровенного обсуждения американской внутриполитической жизни. Он не хотел выдвигать свою кандидатуру в президенты в 1944 году, но если война будет продолжаться, это будет необходимо. Он добавил, что в США от шести до семи миллионов польско-американских избирателей, и он не хочет терять их голоса. По этой причине, хотя он согласен со взглядами Сталина о том, что необходимо отодвинуть польскую границу с Советским Союзом на запад, а границу с Германией также на запад вплоть до реки Одер, он не может «публично принять участие в любой такой договоренности в настоящее время», даже следующей зимой. Сталин ответил, что теперь он понимает позицию президента».

Далее Рузвельт заявил о том, что ему следует подумать об американских избирателях литовского, латышского или эстонского происхождения. Президент заявил, что ему прекрасно известно о том, что три балтийские республики в прошлом принадлежали России и вновь вошли в состав Советского Союза в 1940 году. Он добавил с улыбкой, что он не собирается воевать с Советским Союзом, когда Красная Армия вновь займет эти территории. Однако, важно для того, чтобы удовлетворить общественное мнение в Соединенных Штатах и во всем мире, чтобы балтийские народы выразили свое право на самоопределение. «Он лично уверен, что народ захочет проголосовать за присоединение к Советскому Союзу», заявил Рузвельт, но необходимо «какое-то выражение воли народа».

Сталин ответил, что при последнем царе, который был союзником Великобритании и Соединенных Штатов, балтийские государства не пользовались автономией. Однако тогда никто не принимал вопрос об обще-

ственном мнении и он не понимает, почему он поднят сейчас. Дело в том, заявил Рузвельт, что публика не понимает эти вопросы. Тогда проинформируйте ее, предложил Сталин; настало время для некоторой пропагандистской работы. Он добавил, что у балтийских народов будет немало возможностей выразить свою волю в соответствии с Советской Конституцией. Но любая форма «международного контроля» исключена. Рузвельт отметил, что ему очень бы помогла публичная декларация о будущих выборах. Сталин не сделал никаких обещаний, повторив, что у балтийских народов будет много возможностей выразить свою волю».

Из этой записи А. Гарримана видно, что польский и прибалтийский вопросы беспокоили Ф. Д. Рузвельта лишь в той степени, в какой они могли отразиться на его шансах на избрание президентом. Вместе с тем эти замечания президента США свидетельствовали о способности польско-балтийского лобби в США, среди которого после войны постоянно возрастала роль профашистских сил, оказывать влияние на формирование американской политики в отношении СССР. Не случайно начало «холодной войны» сопровождалось усилением курса непризнания послевоенных изменений в западных областях СССР. В последующем этот курс проявлялся в поощрении подрывной деятельности против Советской Прибалтики и других западных регионов СССР. Финансирование диверсионных групп, созданных из эстонских, латышских и литовских эмигрантов, а также выходцев из Западной Украины, осуществлялось на основе так называемой поправки Керстена, принятой конгрессом США в 1951 г.

Эти действия США и других западных держав поддерживали вооруженную борьбу против восстановленной Советской власти, которую вели националистические вооруженные отряды на Украине и в Прибалтике после изгнания немецких оккупантов. Во главе многих из этих военных организаций стояли лица, активно сотрудничавшие с гитлеровцами в период германской оккупации.

Эти действия, поощряемые и материально поддерживаемые извне, сохраняли состояние гражданской войны во многих районах Украины, Белоруссии и Прибалтики вплоть до начала 50-х годов. Только в Литве террор «лесных братьев» унес в 1945—1952 гг. 25 тыс. жизней. Огромные потери от деятельности антисовет-

ского подполья понесло и мирное население Эстонии, Латвии, Белоруссии, Украины.

Как и в 1940—1941 гг., некоторые люди шли в бандеровцы и «лесные братья» не по причине глубоких антисоциалистических убеждений, а вследствие своего возмущения грубым навязыванием колхозного строя и другими проявлениями административного произвола, новым туром жестоких и необоснованных репрессий, начавшихся после 1944 г.

Эта затяжная вооруженная борьба носила жестокий характер с обеих сторон и приносила многочисленные жертвы, в том числе и вследствие необоснованных репрессий. Только в Литве в 1945—1952 гг. без юридического оформления было репрессировано 108 362 человека. По данным прокуратуры Литовской ССР от 2 июня 1988 г., с 1956 г. «были рассмотрены заявления 16 856 репрессированных, пересмотрены 8498 дел по уголовным делам ссыльных. Всего реабилитировано 4366 лиц».

Завершение вооруженной борьбы в начале 50-х гг. позволило народам Западной Украины и Прибалтики создать нормальные условия для созидательного труда и социалистического строительства. Однако с начала 50-х гг. началась не прекращавшаяся с тех пор пропаганда об освобождении стран социализма и советских республик. С 1959 г. конгресс США ежегодно принимает резолюции о «порабощенных народах», в число которых были включены народы Эстонии, Латвии, Литвы, Украины, Белоруссии, Молдавии. Утверждения о том, что народы Прибалтики и другие народы СССР поработены великодержавным империализмом, продолжающим политику царизма, оставались неотъемлемой частью западной пропаганды в течение всего послевоенного периода.

Ныне многие из этих утверждений взяты на вооружение средствами массовой информации в Прибалтике. Только на страницах одной газеты «Атмоды» за 31 июля 1989 г. можно прочитать и утверждения о том, что «все послевоенные годы экономика Латвийской ССР развивалась в интересах автаркии СССР», и сожаление о том, что «никогда не восстановлено независимое государство с его Кабинетом министров и всеми прочими институтами», и надежды «на хорошую жизнь после восстановления Латвийской республики», и предложения о том, что «СССР должен будет компенсировать

Латвии потери, которые она понесла в результате длительной оккупации».

Насколько справедливы утверждения о порабощенном положении Прибалтики в составе СССР? Характерными признаками угнетенного положения той или иной страны являются более низкие темпы развития ее хозяйства, социального и культурного развития, благосостояния населения. В масштабах земного шара это проявляется в возрастающем разрыве между развитыми и развивающимися странами по этим показателям. Эволюция социально-экономического положения и культурного развития населения территорий, вошедших в состав СССР в 1939—1940 гг., не подтверждает выводов о превращении Прибалтики, Молдавии, западных областей Украины и Белоруссии в колонию СССР. Сведения из ежегодника ЦСУ «Народное хозяйство СССР в 1982 г.» свидетельствуют о том, что в Прибалтике и Молдавии темпы развития (даже до начала перестройки) были, как правило, более высокими, чем по всему Советскому Союзу, при этом Эстония и Латвия, имевшие и до 1940 г. сравнительно высокий уровень развития, приумножили его. Литва успешно его достигла, начав с более скромного старта. Существенного прогресса достигла и сильно отстававшая в 1940 г. Молдавия.

В то время как общий объем продукции промышленности с 1940 по 1982 г. вырос в СССР в 22 раза (в РСФСР — в 20 раз, на Украине — в 15 раз), в Латвии он увеличился в 47 раз, в Эстонии — в 50, в Молдавии — в 57, в Литве — в 63 раза. Численность рабочих и служащих в СССР выросла с 1940 по 1982 г. в 3,4 раза (в РСФСР — в 3 раза), а в Молдавии — в 15,6, в Латвии — в 4,6, в Литве — в 8,4, в Эстонии — в 4 раза. При этом ускоренный рост промышленного производства в Эстонии и Латвии был обеспечен не только за счет прироста числа рабочих, но прежде всего за счет увеличения производительности труда. С 1940 по 1982 г. производительность труда в промышленности выросла по СССР в 8 раз (в РСФСР — в 8,9 раза), ее прирост составил в Латвии в 13 раз и в Эстонии — в 15 раз. Даже учитывая, что западные районы СССР не являются основными производителями электроэнергии, ее производство росло темпами, превышающими прирост во всей стране. В то время как в СССР с 1940 по 1982 г. производство электроэнергии выросло в 28 раз,

в Эстонии оно выросло в 93 раза, в Литве в 155 раз, в Молдавии — в 840 раз.

Разумеется, нельзя забывать, что бурный рост различных видов промышленных производств далеко не всегда соответствовал интересам всего населения Прибалтики и Молдавии. Усиление проблемы загрязнения окружающей среды, появление большого количества рабочих из других республик СССР, специально нанятых там для работы на вновь открытых заводах, отражали несомненно и социальным аспектам развития экономики, что характерно для ведомственного диктата в сверхцентрализованной экономике (что характерно и для методов мощных корпораций, действующих за рубежом). Однако бурный рост промышленного производства на этих землях не свидетельствует о том, что после присоединения к СССР они стали отстающим краем.

Ускоренное развитие хозяйства не носило здесь одностороннего характера. Прибалтийские республики не только сохранили, но и приумножили высокий уровень развития сельского хозяйства. Эстония, Латвия и Литва занимали первые три места по степени энергооборуженности труда в сельском хозяйстве, существенно обгоняя соответствующие показатели по всей стране. В этих же республиках и Молдавии рост розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли (включая общественное питание) с 1940 по 1982 г. опережал темпы роста в СССР. В то время как эти данные для СССР показали прирост в 11 раз, для Эстонии товарооборот вырос в 13 раз, в Латвии — в 14, в Литве — в 17, в Молдавии — в 25 раз.

О более высоком уровне благосостояния прибалтийских республик свидетельствовал и средний размер вклада в сберегательные кассы. В 1982 г. Литва занимала первое место в СССР по этому показателю — 1820 рублей. После Грузии, Армении и Туркмении, занявших второе, третье и четвертое места, следовала Эстония (1398 рублей), а затем Латвия — 1260 рублей. Эти данные были выше, чем для СССР в целом (1143 рубля) и для РСФСР (1119 рублей). Молдавия немалого отставала от РСФСР по этому показателю — 1060 рублей.

Несмотря на свои небольшие размеры, Литва, Латвия и Эстония занимали третье, четвертое и пятое места по количеству санаториев и учреждений отдыха, уступая лишь РСФСР и Украине. Конечно, это было

связано и с тем, что во многие санатории, дома и базы отдыха в Прибалтике приезжали жители других республик. Однако прибалтийские республики опередили по количеству оздоровительных центров и ряд южных республик, привлекающих больных или отдыхающих со всего Союза.

То, что оздоровительные учреждения этих республик предназначены и для местного населения, косвенно свидетельствует о более высоком уровне развития системы здравоохранения Прибалтики. По числу врачей на 10 000 человек Латвия занимала второе место (45,7) (первое — Грузия), Эстония — третье (43,6), Литва — пятое (40,5), опережая общесоюзный уровень (39,5). По числу посещений врачами больных и визитов больных к врачам эти республики занимали первое (Литва), второе (Латвия) и четвертое (Эстония) места.

Статистика не подтверждает утверждений о том, что развитие культуры в Прибалтике и Молдавии тормозилось по сравнению с другими республиками. В то время как библиотечный фонд СССР вырос с 1940 по 1982 г. в 9,1 раза (в РСФСР — в 8,1 раза), он увеличился в 10,5 раза в Латвии, в 12,4 раза — в Молдавии, в 12,6 раза — в Эстонии, в 35 раз — в Литве. По числу книг в библиотеках всех впов Эстония, Латвия и Литва (29 книг на одного жителя) существенно опережали общесоюзный показатель (17,4 книги).

Важным показателем развития национальной культуры является степень распространения музеев. В то время как в СССР один музей приходился на 160 тысяч человек, в Литве один музей обслуживал в среднем 90 тыс. человек, в Латвии — 38 тыс., в Эстонии — 23 тыс.

Один театр в Советском Союзе приходился на 441 тыс. человек, а в Литве — на 318 тыс., в Латвии — на 256 тыс., в Эстонии — на 167 тыс. Лишь по ежегодному посещению киносеансов на одного человека Литва (15) и Латвия (14) несколько отставали от всесоюзного уровня (16). Эстония в ту опережала страну (20). По числу экземпляров журналов и других периодических публикаций, изданных на одного человека, Литва (12,5), Эстония (18,5), Латвия (22,5) также обогнали всесоюзный уровень (11,5).

Трудно доказать и тезис о языковой ассимиляции прибалтийских и молдавского народов. В то время как

с 1940 по 1982 г. число книг и брошюр, изданных на русском языке, возросло в 1,8 раза, а их тираж — в 4,7 раза, на латышском языке было издано в 3,9 раза больше книг и брошюр, а их тираж возрос в 5,2 раза. Для литовского языка соответствующие цифры — 5 и 5. Для эстонского — 6 и 5,5. Для молдавского — 5 и 6. (Прирост книг и брошюр на украинском языке в этот период составил 2,2 проц., а их тираж вырос в 2,2 раза. Число таких изданий на белорусском языке возросло на 3 проц., а общий тираж сократился на 6 проц.).

Разумеется, эти данные не позволяют увидеть многих острых проблем социально-экономического, культурного и политического развития этих республик. Строительство тех или иных промышленных предприятий часто определялось не интересами республик, а отвечало задачам центральных ведомств. Это создавало почву для возникновения межнациональных трений. Огульное использование ярлыка национализма тормозило развитие национальной культуры. Все эти и другие явления, характерные для административно-бюрократических методов управления, вызывали справедливое недовольство населения этих республик.

В то же время нет никаких оснований говорить о том, что именно западные окраины СССР были избраны в качестве единственного объекта политики администрирования и национального нигилизма. На основе вышеприведенных данных можно с полным основанием утверждать, что не Прибалтика, а другие республики, и прежде всего Россия, оказались в наименее благоприятном положении в масштабах страны.

Однако, когда ныне говорят об отсталом положении Прибалтики и ряда других республик, их уровень развития вряд ли сопоставляют с уровнем развития других республик СССР. Совершенно очевидно, что говорить об отсталом уровне Прибалтики и других западных областей по сравнению со всей страной нелепо. В последнее время все чаще характер и уровень промышленности Латвии сравнивают не с состоянием промышленности Украины или Белоруссии, а Англии и Швеции. Качество сельскохозяйственного производства и медицинского обслуживания Эстонии сопоставляется с соответствующими показателями Дании и Голландии. И даже рекордный по СССР средний вклад литовца кажется скромным, так как он выражен в рублях, а не в долларах. Однако не только Эстония,

Латвия и Литва, но и СССР в целом отстает по многим показателям от стран Запада.

И все же утверждение о том, что 50-летнее пребывание в СССР помешало Эстонии, Латвии и Литве достичь такого же уровня развития и благосостояния, которого достигли северные страны Европы, нуждается в проверке. Не следует исключать возможности того, что, если бы Эстония, Латвия и Литва оказались вовлеченными в сферу активной деятельности западных корпораций, они могли бы существенно развить многие сферы хозяйства и жизни своих стран (приобрести многие негативные социальные последствия развитого капитализма, в том числе разрушение экологической среды, приток мигрантов из стран Азии и т. д.). В то же время ничто в прошлом этих республик до 1940 г. не позволяет видеть в них успешных конкурентов Финляндии, не говоря о Швеции и других странах Севера.

Главное же состоит в том, что не случайные эпизоды предвоенной истории, а тысячелетняя история связала судьбы Прибалтики с народами России. Причем говорить о том, что Прибалтика являлась колонией России, столь же нелепо, как считать, скажем, Шотландию или Уэльс колониями Англии, Бретань или Корсику — Францией, Страну Басков — Испанией и т. д. Важнейшим историческим результатом, между прочим, явилось предотвращение ассимиляции народов Прибалтики под натиском немецкой экономической и культурной гегемонии, их равноправное (а в чем-то и более выгодное) положение среди народов СССР.

Однако реальная история не устраивает многих в Прибалтике. Все свои реальные и мнимые беды ряд жителей этого края связывают не с тысячелетней историей, а с событиями 1939—1940 гг., которые оцениваются как случайные эпизоды. Поэтому возникает соблазн переиграть историю и, словно в рассказе Бредбери, поменять настоящее, раздав пакт Молотова — Риббентрона как навозливую бабочку.

* * *

Теперь уже ни у кого, кажется, не вызывает сомнений, что весь спектакль, разыгранный вокруг событий пятидесятилетней давности, преследовал единственную цель — облегчить выход прибалтийских республик из состава нашей страны. Да и какие могут

быть сомнения, когда распад федерации и обретение «государственной независимости» провозглашается в качестве актуальной задачи на уровне руководства республик? «Дискуссия» вокруг договоров 1939 года выполнила свою задачу, теперь это — пройденный этап, националистическо-сепаратистская история вступила в новую стадию — стадию практических действий. И все-таки думается, что эта книга не будет бесполезной. Историю всегда полезно знать. Говорят даже, что она чему-то учит. Понятно, что не всем бывают приятны ее уроки, но отменить их не в силах никто. Один из основных уроков истории заключается, на наш взгляд, в том, что людям часто казалось, что стоит небольшое пошуметь, посылить нажат, переиграть, переиграть оппонентов — и вопрос будет решен в их пользу, и решен навсегда.

Похоже, так полагают и те, кто сейчас, пользуясь ослабленным государством, заведенного в тупик бездарными правителями, в националистическом угаре торопятся вырвать свой кусок из тела страны, считая себя вправе распоряжаться судьбами потомков. Им следовало бы только помнить, что люди, сколь бы амбициозными они ни были, в какой-то мере властны только над своим настоящим, но не властны ни над прошлым, ни над будущим. Потому что есть еще и то, что иногда навязывается исторической необходимостью, иногда — геополитикой, иногда — объективными государственными интересами. И эти вещи если и не вечны, то уж во всяком случае более постоянны, чем преходящие обстоительства, и ни партии, ни правительства, ни парламенты над ними не властны.

Пусть государство слабо и скверно устроено — не всегда оно таким было, не всегда и будет. Как бы ни сложились события в нынешних условиях, условия эти не вечны, а значит, не вечно и то, что может быть достигнуто благодаря им. А историческая необходимость всегда пробьет себе дорогу. Можно, конечно, за десятилетиями не видеть, не желать видеть столетия, но на самом-то деле, что значат годы и десятилетия на тысячелетней шкале истории? И уж совсем наивно полагать, что подписавшим или отменой какого бы то ни было документа может быть сказано «последнее слово». Любой документ отражает только ту реальность, которая имеется на момент его создания. Элементарная логика должна была, казалось бы, подсказать любите-

лям «отменять» события, что, коль скоро можно отменить или признать незаконным одно явление прошлого, то точно так же можно поступить и с любым другим. А коли так — какой смысл в подобных затеях? Пусть тешатся ими люди, возомнившие себя вершителями истории, давая повод для насмешек потомкам.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
О правде фактов и лжи концепций	3
(Вместо предисловия)	21
Из глубины веков	35
В составе России	
Октябрьская революция и судьбы западных террито-	42
рий	51
Антисоветский «санитарный кордон»	69
На пути к реваншу	83
Мюнхенская капитуляция	89
Подготовка к германо-польскому походу на Украину	98
Перед трудным выбором	123
Договор от 23 августа 1939 года	139
Крах Польши	164
Борьба за безопасность советских границ	194
В составе СССР	

Сергей Владимирович ВОЛКОВ
Юрий Васильевич ЕМЕЛЬЯНОВ

ДО И ПОСЛЕ СЕКРЕТНЫХ ПРОТОКОЛОВ

Художник *Ю. И. Артюхов*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Технический редактор *А. А. Перескокова*
Корректор *Н. И. Музалевская*

ИБ № 4178

Сдано в набор 23.01.90. Подписано в печать 08.02.90. Г-40912.
Формат 84x108 мм. Бумага тип. № 2. Гарн. обычн. новая.
Печать высокая. Печ. л. 7. Усл. печ. л. 11,76.
Усл. кр.-отт. 12,08. Уч.-изд. л. 12,28. Тираж 35 000 экз.
Изд. № 1/5/93. Зак. 16. Цена 65 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата.
103006, Москва, К-6, проезд Сиворцова-Стенанова, дом 3.